

Е.В.Круглов

ПЕЧЕНЕГИ И ОГУЗЫ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

В настоящее время известно несколько больших групп погребальных памятников “поздних кочевников”, археологическая интерпретация которых допускает возможность предполагать для них печенего-огузскую этнокультурную атрибуцию. Территориально их можно разделить следующим образом:

- погребения степей Северного Прикаспия IX – нач.XI в.;
- погребения степей Северного Причерноморья X – сер.XI в.;
- кочевнические погребения Белой Вежи 2-й пол.X – нач.XII в.;
- погребения черных клобуков Поросья XII в.;
- погребения кочевников Восточного Маныча и Южных Ергеней сер.XI – нач.XIII в.;
- погребения кочевников Днестро-Дунайского междуречья сер.XI – нач.XIII в.

Поскольку хронология всех этих групп памятников различна, очевидно, что разной будет являться и степень конкретной этнической “чистоты” кочевников, их оставивших.

Основные особенности погребального обряда печенегов и огузов были выявлены С.А.Плетневой (Плетнева С.А., 1958, с.153-164), преимущественно, на материалах погребений черных клобуков Поросья и курганного могильника Белой Вежи. К этому времени печенеги и огузы, в основном, уже утратили свое этнополитическое господство в южнорусских степях. В связи с этим повышенный интерес вызывают археологические материалы IX – нач.XI в. Северного Прикаспия. С большой долей уверенности можно предположить, что именно на этой территории печенеги и огузы могли не успеть перемешаться ни друг с другом, ни с появившимися в Восточной Европе в половецкое время кимако-кипчакскими племенами. Следовательно, именно на этом материале есть наиболее реальная возможность выделения самых ранних и наиболее этнически “чистых” погребальных комплексов интересующих нас групп кочевников.

Исследования В.А.Кригера (Кригер В.А., 1985а; 1986; 1993) и В.А.Иванова (Иванов В.А., 1990; 1993а; 1993б) археологических памятников Заволжья и Южного Приуралья, в основном, подтвердили выводы С.А.Плетневой. На терри-

тории региона были выделены две группы погребальных памятников IX – нач.XI в., отличающиеся друг от друга величиной количественного распространения некоторых частных и локальных признаков погребальной обрядности. Усилиями этих исследователей для печенегов было признано характерным сооружение в уже существующих простых земляных курганах неглубоких впускных прямоугольных могил, наличие костей коня на дне могильных ям вместе с погребенным, лежащим вытянуто на спине и ориентированным головой на запад, отсутствие женских погребений и бытовых предметов этнографического характера. Установлено, что и для огузов также было характерно использование уже существующих простых земляных насыпей, сооружение простых прямоугольных могильных ям, вытянутая на спине поза погребенных, ориентированных головами на запад с сезонными отклонениями к северу и югу. Отличает одних от других наличие в могилах у огузов разнообразных деревянных конструкций – перекрытий, гробов, колод, а также растительных и древесных подстилок. Одной из основных отличительных особенностей погребального обряда огузов было признано пространственно-вертикальное соотношение положения останков покойного и сопровождавшего его коня. Было установлено, что останки животных в виде шкур с черепами и костями скаковых конечностей укладывались огузами над человеком – в заполнениях могил, на крышках гробов, колод, перекрытиях. Встречаются также погребения со шкурой коня, лежащей на ступеньке, но для кочевников IX – нач.XI в. Северного Прикаспия такие захоронения оказались не характерны. Важной особенностью погребального обряда огузов признано наличие довольно значительного количества женских и детских захоронений. Из могильного инвентаря, обнаруживаемого именно в этих погребениях, были выделены предметы этнографического характера: бронзовые копоушки, птицевидные и крыловидные нашивки, привески. Этническими маркерами, видимо, следует считать также и бляхи-ремешки – особые украшения кожаных ремней оголовья конской сбруи, фиксируемые, обычно, в мужских погребениях.

Источниковедческие проблемы археологических памятников 2-й пол. IX – нач. XI в.

1. Проблема отбора источников

Задача выделения полного круга археологических комплексов печенегов и огузов IX – нач. XI в. на территории Северного Прикаспия, в основном, была решена выходом двух работ – моей статьи (Круглов Е.В., 2001б) и книги Г.Н.Гарустовича и В.А.Иванова (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001). Их практически одновременное появление означает, что тематика печенегов и огузов окончательно выделилась из общей археологии так называемых “поздних кочевников”. Одновременно с этим выявилось и несколько новых достаточно серьезных проблем. Созрела необходимость не столько максимально полного учета всех имеющихся материалов по данному вопросу, что вполне естественно, сколько потребовалось более надежное источниковедческое обоснование самих критериев принадлежности тех или иных уже достаточно хорошо известных археологических памятников к кругу именно печенево-огузских. Поскольку хронология древностей этих кочевников фактически остается неразработанной, не вполне ясным представляется общепалеонтологическое соотношение погребальных комплексов печенегов и огузов как между собой, так и с культурами других кочевых и полукочевых народов центральноказахстанского, северокаспийского и причерноморского регионов – хазар, салтовских и волжских болгар, протовенгров, кимаков, а также половцев и кыпчаков.

В чем суть проблемы? В.А.Кригер свои основные выводы сделал на основе анализа 93 погребальных комплексов Заволжья и Южного Приуралья. Между тем, анализ этих материалов позволяет с большей или меньшей достоверностью связывать непосредственно с населением печенево-огузского круга только 71 погребение. Из числа исключенных 22 комплексов, четыре относятся к более ранней эпохе, VI-VIII вв. (Верхнепогромное, 1/12; Мертвые Соли, 1, 2, 3); пять – к более поздней, XI-XII вв. (Бережновка-I, 4/4; Калиновка, 54/1; Карасу-I, 10; Красная Деревня, 1/1; Челкар-III, 12). Два погребения из кургана у п.Золотая Нива хотя и датируются IX в., но в настоящее время определяются как волжско-болгарские. Кроме этого, в структуре печенево-огузских ныне не рассматриваются и 11 захоронений лесостепной Башкирии (Иткучуково; Нагаево, 1, 2, 3; Старое Мусино, 1/1, 1/2, 2, 3, 4/1, 4/2, 5/2), как тер-

риториально удаленные от зоны степей. Вместе с несколькими погребениями рубежа VIII-IX вв., определенными протовенгерскими (Воробьево, Луговское, Немчанка, Палимовское, Палласовка, Ромашкино, 116 км), все перечисленные археологические памятники инокультурны относительно древностей печенево-огузского круга. Часть из них была связана с населением Хазарского каганата (болгарами или хазарами), а часть могла быть оставлена ранними башкирами, кочевниками кимаковского или половецко-кыпчакского происхождения.

Г.Н.Гарустович и В.А.Иванов в составе своей выборки из 552 захоронений на территории Степного Поволжья и Приуралья учли уже 159 погребальных памятников (2001, с.162-211, № 1-130, 291-308). Не имея возможности детально обсудить все использованные этими исследователями материалы, некоторая часть которых мне не известна, укажу, что среди них достаточно уверенно могут быть выделены:

– предсалтовские погребения VI – рубежа VII-VIII вв.: № 68 – Верхнепогромное-I, 1/12; № 111 – Нагишкин(? ошибка – Жирноклеевский !); № 220 – Рисовое, 13/12; № 43 – Саратов; № 93 – Старица, 7/8, 7/16; № 82 – Степной, 1/15; № 71А – Царев, 66/2; № 98 – Черноярский грунтово-могильник, п.1-3;

– раннесалтовские и собственно салтовские памятники VIII – нач. IX в. типа Соколовской Балки или близкие к ним: № 64 – Барановка, 27, Волгогр. обл.; № 103 – Восточный Маныч /1966/ левый берег, 19¹; № 136 – Горшковка; № 108 – Джангар, 31/2; № 94 – Капитанский, 12/1; № 116 – Кастырский-V, 11; № 304 – Мечеть; № 117 – Слободской, 3;

– захоронения сер. XI – нач. XIII в. соответствующие, в основном, памятникам 2-й хронологической группы Г.А.Федорова-Давыдова (Федоров-Давыдов Г.А., 1966), близкие к погребениям половецко-кыпчакского круга, но отличающиеся от них особенностями ритуальной обрядности и используемого могильного инвентаря: № 38 – Александровка; № 110 – Белая Вежа, н.15/4, н.18/вп. погр.; № 123 – Высочино-IV, 2/5; № 308 – Гусевка; № 91 – Дмитриевский, 8/2; № 101 – Зензели; № 61 – Калиновский, 26/1, 26/2; № 18 – Каратугайская волость, 2; № 24 – Карасу-I, 10; № 92 – Кузин, 1/1; № 109 – Купцын-Толга, 46/2; № 50 – Кураевский сад; № 313 – Кыз-тепе; № 85 – Ольховатка; № 27 – Челкар-III, 12; № 253 – Флориновское;

– погребения XII в. первых трех групп черных клубуков Поросья (захоронения без костей коня или

¹ Известно также и погребение Восточный Маныч /1965/ правый берег, 19, но и оно относится к XI-XII вв.

только со шкурой коня, по С.А.Плетневой): № 176-201 – Бурты, Гадомка, Гороховатка, Забара, Зеленки, Кагарлык, Краснополка, Липовец, Поток, Степанцы, Цозаровка, Шандры, Юзефовка;

– материалы 2-й пол. XIII-XIV в.: № 118 – Арпачин-II, 40; № 51 – Бережновка-II, 74; № 102, 103 – Восточный Маныч /1966/ левый берег, 9/1, 48; № 89 – Глазуновский, 1, 5; № 108 – Джангар, 33; № 91 – Дмитриевка; № 68 Б – Заяры, 1/1²; № 87 – Первомайский-VII, 26 (кенотаф целого коня); № 93 – Старица, 5;

– культурно неопределенные в рамках IX-XI вв. памятники: № 97 – Барановка-1972, 2/3, Астр. обл.; № 42 – Васильевка; № 103 – Восточный Маныч, 4/2; № 56 – Иловатка, 1, 2; № 106 А – КВЧ-48, 1/2; № 90 – Кленовский; № 221 – Красноперекоский; № 122 – Новоалександровка-I, 35/2, 4; № 63 – Новоникольский-I, 3/8; № 119 – Тузлуки 8/2; № 49 – Черная Падина;

– псевдоархеологические этнографические предметы декоративно-прикладного ювелирного искусства кавказских кабардинцев XIX в.: № 301 – Волгоград (см.: Жирница, 1988).

Таким образом, уже в результате простой выборочной оценки лишь некоторой части средневековых захоронений, учтенных Г.Н.Гарустовичем и В.А.Ивановым, выяснилось, что не менее 12-15% из использованных ими материалов не относятся к печенего-огузскому кругу памятников. Часть их или просто вызывает те или иные сомнения в степени обоснованности подобной интерпретации, или требует дополнительного обоснования такой принадлежности. В результате у неискушенных читателей, мало или совсем не знакомых с фактическим материалом, формируется чрезвычайно расплывчатое и не вполне адекватное реальной действительности представление о погребальной и материальной культуре этих кочевников³. Понятно, что полностью избежать подобных ошибок при нашем достаточно субъективном восприятии археологических материалов пока не удавалось никому. Но задача исследователя как раз и заключается в сведении их к минимуму. Однако, если даже ведущие специалисты оказываются не в состоянии уверенно различать схожие до деталей погребальные культуры разных

групп степных кочевников VI-XIV вв., что же можно говорить об остальных?

Поднимаемая проблема может быть и не имела бы столь особого значения, если бы Г.Н.Гарустович и В.А.Иванов, статистически просчитав величину распространения тех или иных признаков погребального обряда учтенных ими захоронений, не стали бы после этого оперировать усредненными количественными показателями – коэффициентами сходства памятников и т.п. В связи с подобной постановкой вопроса, величина возможной погрешности и цена ошибки становятся уже слишком высокими. Подобное представление об археологической культуре печенегов и огузов вызывает недоумение. В чем же тогда заключается этнокультурная специфика археологических памятников именно этих кочевников? Вопросов возникает много, но становится очевидной необходимостью детального и скорейшего обсуждения не столько достаточно спорных результатов научных исследований, сколько самих археологических источников и используемой методики их изучения.

Интерпретация кочевнических памятников пред- и раннехазарского времени как огузо-печенежских была характерна для российской археологии периода 50-60 гг. XX в. Мне уже приходилось указывать, что даже в фундаментальной работе Г.А.Федорова-Давыдова (Федоров-Давыдов Г.А., 1966) в составе памятников огузо-печенежского круга 1-го хронологического периода учитывалось также и достаточно большое количество пред- и раннехазарских комплексов, хронология и этнокультурная принадлежность которых в то время просто не была еще ясна (Круглов Е.В., 1990, с.104). Для середины 60 гг. подобное являлось нормальным и естественным отражением обычного процесса простого количественного накопления материала и начальной стадии его научной апробации. К памятникам “поздних кочевников” в то время относили любое подкурганное захоронение, сопровождаемое в могиле останками коня. Факт существования курганных захоронений в структуре древностей населения Хазарского каганата впервые установила экспедиция Л.С.Клейна (Клейн Л.С. и др., 1972, с.132-134), хотя отдельные подобные захоронения были извест-

² Учет этого памятника в статье (Круглов Е.В., 2001б) среди огузо-печенежских ошибок. Стремлена с широкой плоской подножкой без выделенной петли для путалища датируются не ранее XIII-XIV вв. Также ошибочно это погребение было учтено и Г.Н.Гарустовичем и В.А.Ивановым (2001, с.135, рис.6, 17-18).

³ Чем можно объяснить воспроизведение роговых накладок сложносоставных луков “гунно-болгарского” типа из раннехазарских предсалтовских погребений 2-й пол.VII в. Авилковский, I и Верхнепогромное-I, 1/12 с подзаголовком “костяные накладки луков из погребений огузов и печенегов” (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001, с.148, рис.19, 21-22, 26-32)?

ны и раньше. Проявление подобных тенденций в наше время можно объяснить только самым крайним невниманием к трудам своих коллег. Круг предсалтовских и раннесалтовских подкурганых захоронений кочевнического типа (наиболее известные из них: Портовое; Соколовская Балка, 11; Кривая Лука-XXVII, 5), связанных с традициями коренного населения Хазарского каганата и достаточно хорошо отличимых от печенего-огузских древностей, уже давно и довольно четко был определен (Амброз А.К., 1981, с.13; Айбабин А.И., 1985, с.191-205; Семенов А.И., 1988, с.102-105, рис.4, 4а; Круглов Е.В., 1989в; 1990; 1992а; 1992б). Хотя основные характерные особенности этих памятников хорошо известны, сами они до сих пор остаются слабо изученными. Из числа наиболее плодотворных современных разработок по данному вопросу пока можно назвать только теоретическую статью А.В.Комара (Комар А.В., 1999).

Некоторые проблемы, как и прежде, вызывают вопросы узкой этнокультурной атрибуции некоторых групп этих комплексов (болгарские или хазарские), а также возможность выделения наиболее поздних памятников этого круга, оказавшихся синхронными с самыми ранними захоронениями печенегов и огузов. Погребения типа Барановки, 27, Волгогр. обл. (Круглов Е.В., 1992д), Горшковки (Красильников К.И., 1978), Кеп (Сорокина Н.П., 1969), материалы случайных раскопок кургана "Мечеть" близ ст. Нагавской (Раев Б.А., 1979, с.64, 79-83, № III/279, 283, 300) обладают всеми основными специфическими особенностями захоронений хазар VIII в., но датируются они, судя по всему, уже IX в. Малочисленность таких памятников, территориально расположенных к западу от Волги, позволяет пока лишь ставить вопрос о принципиальной возможности сохранения у некоторых групп населения Хазарского каганата традиций использования курганов для своих захоронений также и в IX в. (Семенов А.И., 1982, с.280). Все подобные памятники не следует смешивать с памятниками печенегов и огузов, хотя бы по причине их явной разнокультурности и разной территориальной расположенности. Интересно, что на салтовский характер некоторых таких комплексов указывают и сами Г.Н.Гарустович и В.А.Иванов, не объясняя при этом, какое конкретное отношение они имеют к печенегам и огузам (2001, с.89, 104).

Еще несколько захоронений VIII – нач. IX в., но уже из числа обнаруженных на территории степей Северного Прикаспия, Г.Н.Гарустович и В.А.Иванов также включают в круг памятников "поздних кочевников" (Атпа-II, 2; Тамар Уткуль, 3; Яман, 2/2). При этом исследователи определили данные комплексы допеченежскими (2001, с.105). Вопрос о

том, кому же конкретно они могли принадлежать, снова не рассматривается. Кочевнических памятников с довольно ранними датами в степях Северного Прикаспия известно уже немало (Заяры, 1/А, 1/3; Карасу, 20; Комсомольский, 1/1; Кривая Лука-III, 1/23; Фриденберг, 7/1; Царев, 11, 23/1; Эльтон-83, 7/2). В одной из работ аналогии Тамар Уткулю, 3 В.А.Иванов предложил искать среди захоронений хазар Азово-Каспийского междуморья (Иванов В.А., 2001, с.160). Полагаю, что для подобного сравнения ни ранней даты, ни особенностей этого памятника (сооружение подбоя и наличие в погребении сложносоставного лука "хазарского" типа и лепного глиняного сосуда) еще недостаточно. То, что Атпа-II, 2, Тамар Уткуль, 3 и Яман, 2/2 действительно отличаются от более поздних захоронений огузов, сомнений не вызывает. Но почему тогда их нельзя считать печенежскими, мало понятно. Ближайшие аналогии этим трем комплексам находятся не в Азово-Каспийском междуморье, а на территории Южноуральской лесостепи. Это хорошо известное погребение 2 Ямаши-Тауского кургана 2, некоторые захоронения Хусаиновских, I-х и II-х Бекешевских, Лагереvских, Ишимбаевских курганов (Мажитов Н.А., 1981, с.30-90), ныне связываемые с протобашкирами (Бисембаев А.А., Книсарин Б.А., 2000, с.94). Некоторые из них объединяет довольно необычная деталь обряда, не фиксирующаяся ни в более ранних погребениях хазарского круга, ни в более поздних захоронениях огузов, – использование в качестве загробной пищи плечевой или бедренной кости коня. Вместе с немногочисленными протовенгерскими памятниками, также датирующимися рубежом VIII-IX вв. (Воробьево, Луговское, Немчанка, Палимовское, Палласовка, Ромашкино, 116 км), именно эти материалы способны помочь нам в определении реального времени появления печенегов на территории Северного Прикаспия.

Несомненно существует отмеченная также Г.Н.Гарустовичем и В.А.Ивановым проблема надежного обоснования этнокультурной атрибуции в качестве печенего-огузских некоторых мало и совсем безынварных захоронений, не сопровождающихся останками шкур коней или специфическим погребальным инвентарем (2001, с.126). Обычно все исследователи решали этот вопрос положительно. Но следует иметь ввиду, что интерпретировать соответствующим образом, да и то лишь с некоторой долей достоверности, мы можем только погребения из могильников, расположенных в зонах наибольшей концентрации достоверно определяемых захоронений огузского круга. Это районы Волгоградского Заволжья и Нижнего Дона (могильники Белая Вежа, Заплавное, Средняя Ахтуба, Степана Разина). Подобные захоронения

могли принадлежать или уже исламизированному населению, или кочевникам, находившимся на наиболее нижних ступенях социальной иерархии своего общества.

Не менее серьезна и сложна проблема выделения наиболее поздних погребальных комплексов печенегов и огузов. На основании данных письменных источников предполагается, что эти кочевники сравнительно быстро смешались друг с другом. Считается, что после установления половецкого господства они стали сливаться также и с половцами. Это – достаточно спорная и крайне уязвимая точка зрения, но так или иначе, она прочно закрепила в современной историографии (Плетнева С.А., 1958, с.165-172; 1981, с.219). Следовательно, если атрибуция погребальных комплексов “поздних кочевников” IX – нач.XI в. в качестве печенево-огузских при условии их правильного выделения достаточно очевидна, то предлагаемая Г.Н.Гарустовичем и В.А.Ивановым атрибуция некоторых неполовецких памятников XI – нач.XIII в. только как печенево-огузских требует гораздо более глубокого обоснования. Наиболее взвешенно к решению этого вопроса подошла С.А.Плетнева. Как известно, “чистые” печенежские и огузские памятники она выделяет только для периода X – нач.XI в. Для периода XI – нач.XII в., помимо половецких, исследовательница отмечает существование исключительно только смешанных печенево-торко-половецких погребений (Плетнева С.А., 1981, с.218). Действительно, чтобы уверенно говорить о сохранении печенегами и огузами своей этнической специфики также и в XI – нач.XIII в., необходимо иметь погребения, четко датированные этим временем, но с характерными признаками погребальной обрядности IX – нач.XI в. Между тем, таких погребений нет, и каких-то новых археологических данных для положительного решения этого вопроса за прошедшие 20 лет так и не появилось. Все известные в настоящее время неполовецкие памятники XI – нач.XIII в. южнорусских степей не позволяют говорить о них как о печенево-огузских. Абсолютно все они несут на себе элементы и каких-то иных (одной или нескольких) кочевых культур.

В работе Г.Н.Гарустовича и В.А.Иванова совершенно неприемлемы не только принципы отбора материала, но и методы его предварительного группирования для последующего изучения. Так, погребения Белой Вежи 2-й пол.X – нач.XII в. были объединены с памятниками Волго-Донского междуречья 2-й пол.IX – нач.XI в., а комплексы черных клубков Поросья XII в. с памятниками кочевников левобережья Днепра X – сер.XI в. (2001, с.162-209). В результате совершенно необоснованным

объединением заведомо разновременных, а возможно, даже и разнокультурных археологических памятников, характерные особенности одной локальной группы кочевников просто растворились в материалах другой. Где гарантии того, что любая иная группировка исходного материала не дала бы совершенно другие результаты, при которых анализируемые источники не смогли бы получить совершенно иную оценку?

В результате подобной “экзекуции” археологического материала разброс коэффициентов сходства погребений отдельных регионов между собой, по Г.Н.Гарустовичу и В.А.Иванову составил 0,54-0,82 (2001, с.74, табл.2). Этого оказалось вполне достаточно для рождения некоторых “выводов”. Но дело заключается в том, что наиболее существенные отклонения от усредненных показателей сходства изначально уже были обеспечены исходной группировкой изучаемых археологических источников – специфическим характером погребений средневековых кочевников Белой Вежи и Поросья, большинство которых, как известно, являются не впускными в более древние курганы, как в остальных районах степи, а основными. Именно поэтому материалы “Заволжья-Приуралья” и “Правобережья Нижнего Днепра”, почти не имеющие основных захоронений, оказались так близки друг другу с самым высоким коэффициентом связи 0,82. Наибольший интерес, между прочим, здесь вызывает минимальный показатель сходства погребений “Нижнего Дона” (Нижний Донец-Белая Вежа-Волго-Дон-Сарпинская низменность) и “Левобережья Днепра” (Поросье-Верхнее Подонцовье) – 0,54, но и он также оказывается не вполне объективен, т.к. из всех материалов Поросья была выборочно использована лишь наименьшая часть погребений. Показатели сходства остальных групп погребений между собой равны 0,67-0,77, т.е. статистически выявленные различия между памятниками не превысили величину в 10%. Фактически это означает, что все изучаемые памятники должны быть признаны однокультурными. То, что это совсем не так, прекрасно видно и без применения статистических методов. Поскольку основные этнические различия между печенегами и огузами, эмпирически выявленные С.А.Плетневой и В.А.Кригером, по своей сути характеризуются пока лишь всего тремя признаками – характером взаиморасположения останков погребенного и ритуальной шкуры коня относительно друг друга, наличием-отсутствием в могилах деревянных конструкций и этнографических предметов, полагаю, что названные Г.Н.Гарустовичем и В.А.Ивановым цифры сходства-различия не столь уж далеки от истины. Но, поскольку они были получены путем

“анализа” спорной в своей исходной основе группировки заведомо разновременного и, скорее всего, все же разнокультурного материала, принять их мы не можем даже к сведению. Выводы этих исследователей об особенностях сходства или различия погребального обряда печенегов методически неприемлемы уже изначально, а сам материал должен быть признан нуждающимся в дополнительной проработке. Первый опыт работы по разделению погребений печенегов и огузов статистическим методом оказался крайне неудачен.

Дело заключается не только в разной этнокультурной оценке отдельных источников, известных лишь сравнительно узкому кругу специалистов, но и в методике их выявления, отбора и последующего анализа. Если Г.Н.Гарустовичем и В.А.Ивановым были выборочно использованы только некоторые древности черных клобуков, то тогда почему ими не была учтена довольно представительная серия погребений XI – нач. XIII в. Восточного Маньча и Южных Ергеней, также явно отличных от половецких, синхронных и, возможно, однокультурных именно черноклобуцким материалам? Методика раскопок этих курганов, к сожалению, мало отличалась от работ Н.Е.Бранденбурга, но сам материал был полностью опубликован И.В.Синицыным и У.Э.Эрдниевым, хорошо известен и пригоден для обработки. Что лежит в основе списка из 29 “представительных признаков” (Гарустович Г.Н., Иванов В.И., 2001, с.82-83, табл.4) печенегов и огузов евразийских степей, на основе чего и как они были выделены? Этого мы не знаем. Совершенно произвольный и неконкретный чисто описательный список разнопорядковых признаков способен без каких-либо особых усилий охарактеризовать практически все любые другие археологические памятники средневековых кочевников Восточной Европы. Выделение археологических культур кочевников средневековья целесообразно проводить по сочетанию всего лишь нескольких признаков погребальной обрядности.

Логика включения Г.Н.Гарустовичем и В.А.Ивановым в свое исследование древностей черных клобуков понятна и объяснима. В историографии достаточно прочно утвердилось представление, что появление этой группы памятников было связано с последствиями разгромного половецкого нашествия 2-й четверти XI в. и вынужденным перемещением в Поросье некоторой части печенегов-огузов, перешедших здесь под покровительство русских князей. Но эти памятники отражают собой реалии совершенно иной исторической эпохи, сложившейся уже после полной потери кочевниками политического преобладания в южнорусских степях

и установления там половецкого господства. В связи с этим поросские материалы требуют исключительно только индивидуального и комплексного рассмотрения, как узко локальная и достаточно специфическая группа археологических памятников. Просчитывать их вместе с более ранними материалами 2-й пол. IX – нач. XI в. Степного Поднепровья, особенно в той форме, как это сделали на страницах своей книги Г.Н.Гарустович и В.А.Иванов, ошибочно. Неверной представляется попытка отрыва черноклобуцких памятников 2, 3 и 10 групп (погребения с частями коня) от древностей 4-9 групп (погребения с целым конем). В кургане № 250 у с.Цозаровка основным было погребение 4 группы с целым конем, определяемое как половецкое, а впускными являлись два погребения 2 группы с частями коня, определяемые как печенежские. В этом же кургане находились еще два этнически неопределимых погребения 8 и 9 групп без костей коня (Плетнева С.А., 1973, с.30-33). Подобное сочетание нескольких разнотипных захоронений в одном кургане и для открытой степи представляет собой довольно редкое явление. Не будет ли более логичным предположение о том, что все разнотипные погребения этого кургана являлись одним семейно-родовым кладбищем, наиболее раннее захоронение которого было оставлено общим предком-родоначальником? Встречаясь в курганах одних и тех же могильников, все достаточно разнотипные поросские захоронения, за исключением лишь отдаленного от них Каменского могильника, являлись не только одновременными, но и однокультурными. Не стоит особенно преувеличивать роль и значение половецкого этнического влияния на черных клобуков. Половцам не было особой необходимости в прямом переселении на территорию Поросья. В их полном распоряжении оставалась бескрайняя степь, освоению которой они и посвятили весь XII и начало XIII в. Половецкое влияние, скорее всего, могло быть лишь культурно-идеологическим (военно-политическим). Они принесли с собой новые типы оружия и конского оснащения, которые, несомненно, очень быстро распространились и среди соседних с ними народов. Учитывая именно это, различия между погребениями с целым конем и погребениями со шкурами коня у самих черных клобуков, равно как и само существование такого различия, исследователи объясняют не столько этническими, сколько социальными причинами (Плетнева С.А., 1958, с.172). Несогласие с этими, ставшими аксиомными, положениями должно быть хотя бы минимально обосновано.

Включение в состав памятников IX – нач. XI в. Северного Прикаспия некоторых древностей XI-XII вв. можно объяснить только культурно-хронологи-

ческой близостью последних к черноклобуцким материалам Поросья. Печенего-огузскую атрибуцию отдельных погребений черных клобуков теоретически было возможно предполагать на основании данных русских летописей. Но почти все ныне известные немногочисленные материалы кочевников XI–XII вв. Северного Прикаспия (Александровка; Архара, 21/2; Бережновка-I, 4/4; Бурлук; Верхнерубежный-I, 10/1; Дорофеевский, 1/5; Зензели; Гусевка; Калиновка, 26/1, 26/2, 54/1; Карасу-I, 10; Каратугайская волость, 2; Красная Деревня, 1/1; Кузин, 1/1; Купцын Толга, 46/2; Ложки; Лола-II, 8/3, 11/1; Ольховатка; Первомайский-VII, 61/1; Три Брата-I, 11/6; Челкар-III, 12) не имеют ничего общего с древностями населения печенего-огузского круга. Существование этих памятников отражает традиции и быт кочевого населения с совершенно иной погребальной обрядностью и материальной культурой. Удила без перегиба, стремяна с расплющенной треугольной верхней частью дужки и лопастьми или выступами в месте соединения дужки с подножкой, колчаны и налучья с характерными фигурными костяными или роговыми петлями с несколькими отверстиями для крепления к поясу, луки с фронтальными срединными накладками, специфические рукояти плетей, изготовленные из головок трубчатых костей животных, лазуритовые подвески, серьги с напускными шипастыми бусинами не были характерны для захоронений печенегов и огузов IX – нач.XI в. Северного Прикаспия.

Считается, что все перечисленные выше предметы погребального инвентаря получают распространение в Восточной Европе лишь в нач.XI в. Это могло быть связано с приходом сюда групп кочевников кимакского, а не половецко-кыпчакского происхождения (Макарова Т.И., 1962, с.131-134; Флёрова В.Е., 2001, с.50-56). По-видимому, указанные предметы материальной культуры первоначально даже являлись своеобразным этническим индикатором именно этих кочевых групп, но впоследствии некоторые из них (стремена, петли колчанов и налучий, накладки луков) получили повсеместное распространение. Материалы случайных находок из Зензелей (Синицын И.В., 1933, с.95-96; СОМК, инв. № 1441/1-6) и Флориновского (Кравченко А.А., 1978, с.196-204) показывают возможность использования отдельных предметов погребального инвентаря, характерного для X – нач.XI в. (украшения поясной и сбруйной ременной гарнитуры, бляхи и бубенчики из цветных металлов), так

же и кочевниками XI – нач.XII в. Но для последних подобные вещи были уже анахроничны и не характерны. При этом следует понимать, что, если на “западе” погребения с пограничными вещами вполне могут отражать традиции еще прежнего населения, то на “востоке” они же могут встречаться в погребениях новых групп кочевников. Относительная редкость подобных захоронений, преимущественно случайный характер их обнаружения, говорят о сравнительной кратковременности и переходности подобного пограничного периода и чрезвычайно сложной, крайне неустойчивой военно-политической ситуации, сложившейся в 1-й пол.XI в. в южнорусских степях. Именно поэтому, уже в 1966 г. Г.А.Федоров-Давыдов уверенно отделял подобные материалы как от древностей самих огузо-печенегов, так и от половцев, выделив их все во 2-й хронологический период (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.115). Поэтому безальтернативное включение некоторых подобных памятников в состав древностей печенего-огузов требует более глубокого обоснования, без которого оно не может быть принято.

Интерпретация черноклобуцких древностей 2, 3 и 10 групп как печенего-торческих, по существу, основывается на совершенно так никем и не доказанном предположении, что эти кочевники и в XII в. в неизменном виде сохраняли все особенности свойственного им обряда погребения человека вместе с головой и шкурой коня. Но уже А.Г.Атавиным (Атавин А.Г., 1984) было замечено, что в действительности в погребениях печенегов и огузов IX – нач.XI в. господствовала традиция сохранения в шкурах коней скаковых конечностей, отчленяемых по 1-й (путовый) и 2-й (пястный и плюсневой) суставы. Начиная же с XI в., а особенно со 2-й пол.XIII в., в степи практически повсеместно распространился обряд отчленения скаковых конечностей по 3-й (локтевой и коленный) сустав⁴. После появления этой статьи говорить об этнокультурной близости средневековых погребений со шкурами коня без учета особенностей членения скаковых конечностей в них методически стало совершенно недопустимо (Круглов Е.В., 1989б, с.35-36). Выводы А.Г.Атавина, возможно, следует рассматривать как основу для разработки качественно совершенно иной типологии погребений средневековых кочевников. Ситуацию прекрасно иллюстрируют две хорошо известные работы С.А.Плетневой, посвященные погребениям кочевнических курганов Бе-

⁴ Включение А.Г.Атавиным погребений Бережновка-Южн. гр., 9/6 и Белая Вежа, н.19/1, п.56 с конечностями коня, отчлененными по 3-й сустав, в число памятников IX – нач.XI в. ошибочно, первое относится к XI–XII вв., второе датируется не ранее 2-й четверти XII в. Между тем, они разнокультурны не только по отношению к памятникам IX – нач.XI в., но и между собой.

лой Вежи. В более ранней захоронения с частями коня исследовательница разделяет на группы без учета характера членения конечностей коня (Плетнева С.А., 1963, с.237). В основу типологии здесь было положено местоположение костей коня относительно останков погребенного. Несколько противореча самой себе, С.А.Плетнева почему-то включила в группу захоронений со шкурами коня, положенных на одном уровне с погребенными, также и погребение 56 из н.19/1 с конем, лежащим на крышке гроба. Однако это захоронение не только самое позднее среди кочевнических погребений Белой Вежи, но и инокультурно по отношению к ним. В другой работе (Плетнева С.А., 1990, с.18) исследовательница различает погребения с конем уже по характеру членения скаковых суставов. В 4-й тип кочевнических захоронений Белой Вежи оказались включены погребения, в которых конечности коня были отчленены по 1-й сустав, а в 5-й тип – по 2-й. При этом захоронения с одинаковым местоположением останков коня относительно погребенного попали в разные группы, а погребение 56 из н.19/1 со скаковыми конечностями, отчлененными по 3-й сустав, вполне естественно не попало ни в одну из них. Разную отчленяемость скаковых конечностей коня в шкурах исследовательница объяснила не разной хронологией памятников, а социально-экономическими причинами (Плетнева С.А., 1990, с.26). Представляется, что момент истины в этом сложном вопросе, как всегда в таких случаях, находится посередине. Однако вместо продолжения крайне перспективных теоретико-практических разработок данного вопроса или хотя бы упоминания о самом существовании таких проблем в современной археологии “поздних кочевников”, в работе Г.Н.Гарустовича и В.А.Иванова совершенно ничего о них не говорится! К сожалению, это означает лишь то, что археология “поздних кочевников” в этом принципиально важном и основном вопросе фактически оказывается отброшенной к состоянию 50-70 гг. прошлого века.

Традиция сохранения в шкурах коней скаковых конечностей, отчленяемых по 1-й сустав, характерна для памятников IX – нач.XI в. Появление захоронений с конечностями коня, отчлененных по 2-й сустав, отмечается, в основном, в самых поздних погребениях огузского круга 2-й пол.X – нач.XI в. Свое наибольшее распространение этот обряд получает в XI-XII вв., т.е. уже в половецкое время. Поскольку общая хронология процессов распространения и смены этих обрядов пока не вполне ясна, представляется интересным рассмотреть их соотношение друг с другом по разным территориальным группам памятников. Для погребений IX – нач.XI в. Северного Прикаспия оно составляет 23:94 или

1:4, с устойчивым преобладанием погребений со скаковыми конечностями, отчленяемыми по 1-й сустав. По материалам курганного могильника Белой Вежи 2-й пол.X – XI в. эти обряды соотносятся друг с другом как 10:7, с преобладанием погребений со скаковыми конечностями, отчлененными уже по 2-й сустав. В захоронениях черных клобуков XII в. Поросья, судя по работам С.А.Плетневой, а также в материалах кочевнических погребений Восточного Маньча и на Южных Ергенях господствовало членение скаковых конечностей коня уже исключительно по 2-й и 3-й суставы.

При внешней схожести этих обрядовых действий идеологическое содержание их для самих кочевников, скорее всего, было совершенно разным. Но, к сожалению, пока еще никто так и не попытался ответить на вопрос, были ли подобные различия связаны с возможной инфильтрацией в печенего-огузскую среду какого-то иного неполовецкого населения и его постепенным этническим усилением, или же это могло объясняться простой эволюционной трансформацией погребального обряда самих печенегов и огузов. В любом случае, после появления работы А.Г.Атавина без четкого ответа именно на этот вопрос этническая интерпретация черноклобуцких погребений 2, 3 и 10 обрядовых групп исключительно только как печенего-огузских становится абсолютно гипотетичной. Ведь по опубликованным С.А.Плетневой материалам археологических раскопок Н.Е.Бранденбурга и сведениям русских летописей совершенно ясно и четко представляется, что печенеги в черноклобуцком союзе занимали отнюдь не господствующее место, а роль огузов (торков) была в этом районе вообще минимальна. Так как эти этносы все же исторически оказались зафиксированы в Поросье, следовательно, они или уже кардинально резко изменили свои прежние погребальные обряды, или этническую специфику населения этого района определяли совсем не они. Действительно, памятники Поросья довольно сильно отличаются от достоверных захоронений печенегов и огузов IX – нач.XI в. Между ними явно ощущается культурно-хронологический разрыв, относящийся к XI в., археологические памятники которого в самой степи, за исключением района Белой Вежи, пока еще четко не выделены. Материалы кочевников Белой Вежи, Восточного Маньча и Южных Ергеней этот разрыв заполняют лишь отчасти, представляя собой несколько иную линию этнокультурного развития некоторой части кочевого населения Восточной Европы.

Большое количество захоронений с останками целого коня, использование которого было не характерно для погребальных традиций огузо-печенегов IX – нач.XI в., позволяет предполагать господ-

ство в черноключуцком военно-политическом союзе кочевых групп, отличных как от печенегов, так и от огузов. Но отсутствие в погребальных конструкциях камня и невысокий процент распространения восточной ориентировки отличает их и от половцев. Такой особой группой могли быть остающиеся до сих пор этнокультурно неопределенными берендеи (баяндурь), появившиеся в Восточной Европе практически одновременно с половцами или даже несколько раньше их. С 1146 по 1193 гг. кочевники Поросья фигурируют на страницах Ипатьевской летописи в 24 записях из 47, в том числе: черные клубуки – 14, берендеи – 17, торки – 8, печенеги – 3, коуи – 2, капичи – 1. Берендеи упоминаются в русских летописях гораздо чаще остальных племен, видимо, именно они и были в Поросье наиболее крупным, влиятельным и этнически господствующим населением (Плетнева С.А., 1958, с.218). Все это еще раз позволяет усомниться в целесообразности статистического объединения материалов погребений черных клубуков Поросья XII в. с древностями кочевников левобережья Днепра X – сер. XI в.

Особое место занимают материалы кочевнических погребений Белой Вежи. Этническая интерпретация исследованных здесь захоронений как огузо-печенежских, при явном преобладании огузов (Плетнева С.А., 1990, с.95-96), оспорена быть не может. В Белой Веже ясно и четко ощутим мощный огузский этнический след. Как ни покажется странным, но пока я не могу говорить о присутствии в Белой Веже печенегов. В любом случае, эти материалы имеют хронологию, также отличную от хронологии основной массы погребений этих кочевников периода их господства на территории Северного Прикаспия. Огузы (огузо-печенеги), попавшие в Белую Вежу во 2-й пол. X в., уже в 1-й пол. XI в. испытали мощную этнокультурную инфильтрацию в свою среду баяндугов или каких-то других кочевых неполовецких племен. Возможно, именно поэтому им и удалось пережить опустошительное половецкое нашествие 1-й пол. XI в., и они продолжали оставаться в городе до 1116 г. Но в результате к этому времени кочевники Белой Вежи потеряли свою прежнюю этническую “чистоту”, что также позволяет усомниться в целесообразности процедуры статистического объединения материалов погребений из малых курганов Белой Вежи с погребениями кочевников 2-й пол. IX – нач. XI в. Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья. Необходимо также разделять погребения из малых курганов Белой Вежи и кочевнические захоронения из насыпей 18 и 19/1, п.56, как разновременные и разнотипные.

Возникает вопрос, где баяндурь (берендеи) или близкие им другие неполовецкие племена могли

обитать до своего переселения в Поросье и в район Белой Вежи, и какое отношение они вообще могли иметь к печенегам и огузам? Как известно, восточно-тюркский или, вероятнее всего, даже монгольский этнический суперстрат, состоящий из подразделений йемеко-кимацких племен – баяндугов, имуров и каи, входил в состав Огузской конфедерации в качестве младшего сочлена. Эти кочевые подразделения первоначально обитали в междуречье Оби и Иртыша и были союзниками огузов еще в их борьбе с печенего-кангарским объединением Приаралья (Агаджанов С.Г., 1977). Но при этом, в состав самих огузских этнических групп ни на территории Центрального Казахстана, ни в Северном Прикаспии они не входили. В пользу этого говорят как относительно устойчивая “чистота” захоронений Северного Прикаспия, совершенных по огузскому погребальному обряду, так и довольно позднее появление в Восточной Европе предполагаемых захоронений берендеев. Для периода IX – нач. XI в. можно говорить лишь о нереализованной возможности некоторого этнического влияния баяндугов и каев на кочевое население Дешт-и-Огуза, тесно соприкасавшегося и с Хазарским каганатом, и с Хорезмом. Появление берендеев и каев в Восточной Европе объяснялось резким усилением давления на них половецко-кыпчакских племен (Гуркин С.В., 2001, с.24-37). Однако археологические памятники, отражающие особенности этой неясной миграции, в целом, датируются уже XI – нач. XII в. и находятся, таким образом, на грани и вне не только печенежско-огузского, но и половецкого хронологических периодов. Вслед за Г.А. Федоровым-Давыдовым, я не нахожу возможным объединять эти материалы с древностями печенежско-огузского круга, т.к. почти все они достаточно уверенно отделяются друг от друга уже на предварительном этапе простого сбора археологических источников. Вопрос обоснования возможности существования археологических памятников печенегов и огузов в половецкое время следует считать открытым. Решить эту задачу без разработки детальной хронологии предметов погребального инвентаря будет невозможно. Но это – самое “слабое звено” всей археологии средневековых кочевников Восточной Европы.

2. Проблема сохранности погребений

В моих статьях 2001 г. (Круглов Е.В., 2001а; 2001б) в границах степной зоны Северного Прикаспия было учтено 238 захоронений средневековых кочевников IX-XI вв. огузо-печенежского круга, происходящих из 231 закрытого погребального памятника и нескольких разного рода случайных на-

ходов⁵. Отдельно учитывались материалы кочевников Белой Вежи. Полагая, что мне не удалось добиться максимально полного учета всех возможных источников по истории этих кочевников, я предложил вниманию специалистов лишь общую оценку этих материалов, максимально свободную от условных статистических характеристик. Все использованные памятники были описаны по достаточно подробной программе в таблицах приложения. Надеюсь, что основная задача последней выполнена. При минимальных временных затратах все учтенные в ней данные могут быть проверены, дополнены или уточнены. При необходимости они могут быть как исправлены, так и переработаны в кодированную форму уже для непосредственного использования в статистических подсчетах в каком угодно сочетании.

Основной вывод этой работы заключается в том, что общее количество погребальных памятников IX – нач. XI в. с печенежскими признаками на территории Северного Прикаспия оказалось крайне незначительно. Ряд принципов выделения памятников этих кочевников, высказанных в работах В.А.Иванова, я не могу принять. Видимо, в будущем этот вопрос также потребует дополнительного изучения. Абсолютное большинство учтенных на территории Северного Прикаспия захоронений, полагаю, были сооружены по огузскому погребальному обряду. Анализ собранных материалов позволил выявить несколько дополнительных особенностей, свойственных именно для огузского обряда (Круглов Е.В., 2001а; 2001б, с.429-440, приложение):

– значительное количество захоронений совершалось в курганных насыпях, бэровских бутрах и дюнах, имевших вытянутые удлиненные формы;

– погребения, в основном, сооружались в небольших семейно-клановых родовых могильниках. Выявлено наличие совместных и коллективных погребений;

– скаковые конечности в сопровождавших погребенных шкурах коней сохранялись по 1-й или, реже, по 2-й сустав. Не было выявлено ни одного захоронения печенего-огузского круга, достоверно датирующегося IX – нач. XI в., с сохранением скаковых конечностей по 3-й сустав. Шкуры животных в захоронениях оказались представлены в сложном и растянутом вариантах. Изредка встречаются захоронения с “аккуратно” разложенными отчлененными скаковыми конечностями, расположение которых копировало сложную шкуру, но таковой по своей сути не являлось;

– естественная анатомическая целостность и сохранность скелетов большого количества захоро-

нений еще в древности была нарушена полностью, частично или хотя бы незначительно. Помимо разрушения останков погребенных, имело место и разрушение естественной целостности конских шкур. Выражающееся в самых разнообразных формах состояние разрушения погребений у средневековых кочевников Северного Прикаспия IX – нач. XI в. следует считать всеобщим признаком.

Вопрос о степени распространения и о характере выявленных разрушений пока представляется мне наименее ясным и наиболее дискуссионным. Без явных следов разрушения было выявлено крайне незначительное количество памятников. Почти все кочевнические погребения Белой Вежи при их ближайшем рассмотрении также оказались потревоженными еще в древности. Трудно сказать, почему раньше исследователи не обращали на это свое внимание. Пожалуй, все дело в том, что ориентировка и поза погребенных, ряд других обычных обрядовых признаков достаточно четко фиксировались авторами раскопок даже у полностью разрушенных скелетов. Это позволяло археологам-кочевниковедам ограничиваться простым учетом обычных особенностей погребальной обрядности. Возможно, что в некоторых случаях работа с этими материалами у специалистов не выходила за пределы простого сбора и анализа основной текстуальной информации, шла без визуального ознакомления с планами самих погребений.

В свое время я уже отмечал существование ярко выраженных признаков неестественного состояния сохранности костных останков в почти одной трети захоронений Северного Прикаспия (Круглов Е.В., 1994, с. 39-40). Тогда я считал это результатом предпогребального состояния тел умерших, отражавшего условия их смерти. Работа над статьей (Круглов Е.В., 2001б) показала мне, что состояние общей разрушенности костных останков погребенных и сопровождавших их жертвенных шкур коней в самых разных формах и проявлениях фиксируется в гораздо большей части анализируемых захоронений. Почти везде, за очень редким исключением, это состояние являлось отражением многообразных форм постпогребального ритуального воздействия на останки умерших. Это потребовало ввести в состав обрядовых признаков средневековых кочевников признак XI-12 “Характеристика сохранности человеческих останков”. В действительности ситуация оказалась еще более разительной. Разные состояния разрушения погребений оказались объективной реальностью, требующей более тщательного фиксирования, осмысления и интерпретации. Поэтому мне фактически заново при-

⁵ Каждый скелет в совместных погребениях учитывался как отдельный комплекс.

шлось собрать и изучить большинство существующих планов кочевнических погребений Северного Прикаспия и создать их полные текстовые описания.

Основные проблемы поднимаемой темы в значительной степени психологические. Констатация существования фактов разрушения ставит целый комплекс новых вопросов. В состоянии ли мы отделить проявления действительно широко распространенных норм и явлений ритуальной обрядовой практики разрушения останков погребенных от разного рода случайных, не обрядовых постпогребальных древних и современных силовых воздействий на останки погребенных? В состоянии ли мы вообще с точки зрения психологии современного человека правильно определить и оценить подобные случаи? Не могло ли практически всеобщее распространение самых разнообразных форм разрушения костных останков погребенных и сопровождавших их шкур коней исказить познавательные возможности изучаемых захоронений, основного археологического источника наших представлений о средневековых кочевниках? Признаюсь, что однозначных ответов на все эти вопросы я пока не вижу. Полагаю, что среди общих обычных проблем средневековых кочевников IX – нач. XI в. огузского (печенего-огузского) круга Северного Прикаспия назрела необходимость проведения экспертизы с целью определения возможности использования разрушенных погребений в качестве полноценного археологического источника.

Все вышеперечисленное, вместе взятое, вызвало необходимость появления этой работы. В условиях практически полной неопределенности поднимаемого вопроса, полагаю, что введение и использование любых количественных характеристик погребальной обрядности средневековых кочевников IX – нач. XI в. до четкого определения круга всех источников по проблемам печенегов и огузов будет преждевременным и, как можно было убедиться на неудачных результатах работы наших коллег, даже бесполезным. В лучшем случае предлагаемые выводы будут отражать лишь некоторые, самые общие тенденции распространения тех или иных действий обрядово-погребальной практики древних, а в худшем – субъективные взгляды самих исследователей, искажающие объективную реальность. Количественные характеристики тех или иных особенностей погребального обряда могут не отражать реальной степени распространения тех

или иных обрядовых действий также и в связи с возможным структурно-функциональным изменением их некоторой первоначальной части вследствие постпогребальных разрушений. Необходимо установить время и характер имеющихся разрушений, получить квалифицированные советы, пожелания и уточнения коллег. Все это необходимо для определения уровня информативной возможности каждого конкретного захоронения и всей их совокупности в целом, определения степени надежности и самой возможности дальнейшего полноценного научного исследования данных материалов⁶.

Группы погребений

В относительно качественно и полно исследованных курганных могильниках Северного Прикаспия различаются следующие виды группирования захоронений IX – нач. XI в.:

– сочетание в одном кургане из нескольких одиночных погребений: Белая Вежа, к. 10, 35, 38, нас. 19; Верхнепогромное-I, 3; Волжский-II, 2; Заяры, 1; Заплавное-I, 3; Карасу-I, 11; Колобовка-I, 6; Красный Октябрь, Самарск. обл.; Кривая Лука-III, 1; -XV, 2; Ленинск, 3; Маяк Октября-90, 1; Средняя Ахтуба, 1, 3; Старица, 21; Степана Разина, 4; Чернойарский, 1, 2;

– сочетание в одном кургане из разновременных одиночных подзахоронений одного к другому в одну могильную яму⁷: Калиновский, 28; Кос Оба, 11; У-85 (Барун), 3;

– сочетание в одном кургане из одиночного захоронения и разновременных одиночных подзахоронений одного к другому в одну могильную яму: Дюкер, 27; Эльтон-85, 7;

– сочетание в одном кургане из одного или нескольких одиночных и парного погребений: Заплавное-I, 3;

– одиночные и совместные единичные погребения в составе курганных могильников: Алешкин; Бахтияровка-I; Бахтияровка-II; Большой Царын; Букановский; Васильевка; Волчанский; Журов; Занальный; Зубовка; Ильевка; Кано-В; Кировский-II; Комсомольский; Косика; Красная Деревня; Красный Октябрь, Волгогр. обл.; Кривая Лука-V; -VI; -VII; -XXXV; Купцын Толга; Никольское-V; Новая Квасниковка; Новоникольское-I; Покровка-I; -II; Пятнадцатый поселок; Рахинка; Степаневка-II; Сухая Саратовка-II; Торгунское; Трясиновский; Ченин; Эльтон-83; Химкомбинат-Б;

⁶ Примечание Г.Н. Гарустовича и В.А. Иванова о том, что ими в статистических подсчетах не использовались материалы разрушенных погребений (2001, с.162) в связи с данной постановкой вопроса также нуждается в более конкретных пояснениях.

⁷ Все подобные эпизоды следует рассматривать как вариант совместных погребений.

– сочетание из нескольких одиночных погребений из разных курганов одного могильника: Быково-I; -II; Верхнепогромное-II; Верхний Балыклей-II; Капитанский; Кияковка; Маляевка-V; Первомайский-VII; Приозерное; Царев;

– сочетание в разных курганах одного могильника из одного или нескольких одиночных погребений и одновременного парного: Вертячий; Колобовка-III; Покровка-VIII;

– сочетание в разных курганах одного могильника из одного или нескольких одиночных погребений, двух и более одиночных погребений в одном кургане: Белая Вежа; Верхнепогромное-I; Громки; Колобовка-I; Кривая Лука-XV; Ленинск; Средняя Ахтуба; Степана Разина; Черноярский; Эльтон-84;

– сочетание в разных курганах одного могильника из одного или нескольких одиночных погребений и разновременных индивидуальных подзахоронений одного к другому в одном кургане: Кос Оба; У-85 (Барун);

– комбинация захоронений одного могильника из нескольких одиночных погребений из разных курганов, двух и более одиночных погребений в одном кургане и одновременного парного захоронения: Заплавное-I; Карасу-I; Старица;

– сочетание в разных курганах одного могильника из одного или нескольких одиночных погребений, нескольких одиночных погребений в одном кургане и разновременных подзахоронений одного к другому в одном кургане: Калиновский.

Таким образом, количественно преобладают сочетания из нескольких захоронений, большинство которых можно считать погребальными памятниками родственных друг другу небольших групп кочевников. Хронологический диапазон их существования не мог быть особенно большим. Появление таких групп отражало процесс закрепления кочевого населения на конкретных территориях. С наибольшей вероятностью этими кочевниками являются огузы. Конкретные особенности расположения погребений на территории могильника могли отражать особенности кровного родства умерших.

Случайные находки и захоронения, лишенные достоверных сведений о характере погребального обряда

Из общего количества учтенных памятников 31 погребение является разного рода случайными

находками. К ним примыкают материалы нескольких погребений, по разным причинам не сохранивших достоверных документальных сведений об особенностях погребального обряда:

Асат Бай-III (Мелентьев А.Н., 1967, л.39); **Батаевка** (Пигарев Е.М., 1997, с.105-106; Круглов Е.В., 2001б, с.408, рис.8, 10); **Водянское, 1/1** (Гарустович Г.Н. и др., 1998, с.240, № 2); **Волжский**, Астраханская обл. (Пигарев Е.М., 1997, с.107-109); **Головка** (Раев Б.А., 1979, с.85); **Гришанкин** (Гарустович Г.Н. и др., 1998, с.135, № 29); **Досанг** (Рыков П.С., 1929, с.154); **Колобовка**, совместное парное погребение (Спицын А.А., 1895, с.90-91); **Лапас** (Филипченко В.А., 1959, с.239-242); **Лапин** (Гаврилина Л.М., 1987, с.61); **Маяк Октября-91, 3/3, 4/1**⁸ (Каталог, 2001, с.14-15, 25, № 15, 16, 19); **Новоникольское** (Ильина А.И., Шишкин П.Н., 1929, с.16; Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.48-49, № 228); **Олений остров, -/13** (АКМЗ, инв.№ 5505-5507); **Оленье, 1/1** (Круглов Е.В., 1989а, л.31-32); **Петропавловка** (Шнайдштейн Е.В., 1991, с.12); **Рахинка** (Гаврилина Л.М., 1993, с.85); **Саратов** (Ляхов С.В., 1997, с.230-232); **Сероглазово** (СОМК, инв.№ 1103, 2342-2346); **Средняя Ахтуба** (Конкин В.Н., 1969, с.268-271); **Суслы** (Гарустович Г.Н. и др., 1998, с.98, № 17); **Таловая** (Раев Б.А., 1979, с.81, 84-85); **Тинаки** (Арзютов Н., 1933, с.103-106); **Уральск** (Кригер В.А., 1979, с.177-178); **Ханская могила** (Нефедов Ф.Д., 1899, с.32-33); **Хошеутово** (Гаврилина Л.М., 1985, с.216); **Челкар**, г.Сасай (Максимов Е.К., 1969, с.133-137); **Челкар-III, 13** (Железчиков Б.Ф., Кушаев Г.А., 1999, с.129, 137); **473-я верста** (АКМЗ, инв.№ 4919-4920); **Энгельс**, бывший Покровск (Гаврилина Л.М., 1993, с.85); **Янайкино** (Кригер В.А., 1979, с.177).

Повышенное количество случайных находок является характерной спецификой археологических памятников кочевников IX – нач.XI в. Северного Прикаспия и отражает чрезвычайно высокую степень насыщенности ими территории региона. Как правило, большинство находок были сделаны в ходе строительных или сельскохозяйственных работ. Часть погребений выявлена развеевыми на песчаных дюнах. Полноценно использовать эти материалы затруднительно. Введенные в статистические расчеты они способны исказить реальное распространение тех или иных обрядовых явлений. Лишь в некоторых случаях места находок были осмотрены археологами. Иногда им удавалось зафиксировать формы могильных ям, положение и ориентировку погребенных, собрать, описать и сохранить некоторые или даже большинство вещей по-

⁸ Материал сохранился в виде полевых фотографий и коллекции предметов погребального инвентаря.

гребального инвентаря (рис.1). Но практически нигде им не удалось получить сведения о комплектности костных останков погребенных и сопровождавших их коней, их пространственном соотношении относительно друг друга.

Захоронения без признаков разрушения

Из общего числа учтенных памятников только в 29 комплексах следов внешнего воздействия на скелетизированные останки погребенных и сопровождающих их шкур коней выявлено не было:

Алексашкино, 4/2 (Мельник В.И., 1977, л.10; Круглов Е.В., 20016, с.418, рис.13, 6); **Болгарский, 1/3** (Гуцалов С.Ю., 1993, с.91-94; Круглов Е.В., 20016, с.422, рис.15, 7-8); **Быково-I, 10/11** (Смирнов К.Ф., 1960, с.201), **16/9** (Смирнов К.Ф., 1960, с.215-216; Круглов Е.В., 20016, с.414, рис.11, 4-5); **Заплавное-I, 3/3**, (Шилов В.П., 1958, л.28-34; Круглов Е.В., 20016, с.412, рис.10, 9-11), **3/7** (Шилов В.П., 1958, л.37-40; Круглов Е.В., 20016, с.410, рис.9, 9-10); **Заяры, 1/А, 1/2, 1/3** (Шишкин П.Н., Ильина А.И., 1928; Гарустович Г.Н. и др., 1998, с.119-121, № 105)⁹; **Зубовка, 9/2** (Мамонтов В.И., 1992, с.33, 35; Круглов Е.В., 20016, с.410, рис.9, 3); **Калиновский, 12/19** (Шилов В.П., 1959, с.359, 363-364, 384; Круглов Е.В., 20016, с.410, рис.9, 4) и **28/1** (Шилов В.П., 1959, с.384)¹⁰; **Карасу-I, 20**¹¹ (Кушаев Г.А., 1975, л.32-35; Кокебаева Г.К., 1980, с.99-100, 102); **Колобовка-III, 1/2** (Сергацков И.В., 1999, л.13); **Кривая Лука-VII, 9/16; -XV, 2/6, 3/8; -XXXV, 1/6** (Дворниченко В.В. и др., 1975, л.175-179, 206; Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов

Г.А., 1980, л.49-51; Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1981, л.184-186); **Купцын Толга, 46/5** (Шнайдштейн Е.В., 1981, с.109; Круглов Е.В., 20016, с.412, рис.10, 7-8); **Приозерное, 4/1** (Лукашов А.В., 1985, л.17-18, 31-32); **Пятнадцатый поселок, 3/7** (Шилов В.П., 1958, л.81-89; Гаврилина Л.М., 1991, с.147-155; Круглов Е.В., 20016, с.412, рис.10, 1-3); **Рахинка, 3** (Кригер В.А., 19856, л.42-45; Круглов Е.В., 20016, с.412, рис.10, 4); **Ровное, 4/7** (Синицын И.В., 1966, с.35-37); **Средняя Ахтуба, 3/4** (Шилов В.П., 1958, л.4-5, 14); **Степана Разина, 4/8** (Мерперт Н.Я., 1967, с.96-97); **Увак, 10/2** (Федорова-Давыдова Э.А., 1969, с.262-266; Круглов Е.В., 20016, с.410, рис.9, 5); **Элиста-III, 29/1** (Синицын И.В., Эрдниев У.Э., 1971, с.93); **Эльтон-84, 2/5** (Лукашов А.В., 1984, л.16-17); **Ясырев, 8/17** (Мошкова М.Г., Федорова-Давыдова Э.А., 1974, с.50).

В нескольких случаях при явном нарушении сохранности конских шкур, останки самих погребенных потревожены не были. Материал отдельных погребений дал возможность предполагать связывание ног без разрушения целостности скелетов. Такие эпизоды анализируются отдельно.

Ограбленные погребения, выявленные в ходе археологических раскопок

Археологи постоянно встречают в своей полевой практике захоронения с разрушенными скелетами погребенных, объясняя их древними ограблениями могил. При этом, каких-либо доказа-

⁹ Планы этих погребений изданы крайне схематично.

¹⁰ Включен условно – отсутствует чертеж погребения.

¹¹ На материалах этого памятника мы сталкиваемся с крайней формой небрежности археологов во время раскопок. Сфотографированные отдельно друг от друга конь во входной яме и погребенный в камере подбоя в реальности ориентированы в одном направлении – на запад (!). Не соответствует плану погребения его поперечный разрез. Ширина входной ямы и камеры подбоя на разрезе равные, при этом во входной яме могилы показана ступенька, оставшаяся неотмеченной на плане погребения. На плане кургана широкой частью входной ямы является западная сторона, а не восточная, как на плане погребения. Стрелкой на плане кургана указано направление ориентировки останков коня – на запад. С северной стороны входной ямы пунктиром обозначен западный край подбоя, а восточный совмещен со входной ямой. Все это означает, что опубликованный Г.К.Кокебаевой план захоронения является результатом крайне грубого и неверного совмещения отдельно выполненных планов входной ямы с останками коня и камеры подбоя с останками погребенного. При этом возникает такой вопрос: зачем авторам раскопок потребовалось снимать кости коня до расчистки останков погребенного, ведь фактически они не мешали расчистке скелета человека. Очевидно, что останки погребенного располагались гораздо ближе к останкам коня.

Мной предлагается принципиально иная реконструкция внешнего вида данного захоронения (рис.7, 7), с которой в частной беседе согласился В.А.Кригер, работавший в 70-е гг. в пединституте г.Уральска. Все другие возможные варианты реконструкции опирались бы на гораздо большее количество предположений.

тельств, как правило, никто не приводит. Полагаю, что действия грабителей во все исторические времена носили чрезвычайно практичный и рациональный характер. Как правило, все они имели большой опыт и четко отработанные методы обнаружения в курганах древних могил. Почти всегда грабители вели раскопки только в центре насыпей – месте наибольшей вероятности обнаружения захоронений. Поскольку ценных и редких предметов в погребениях поздних кочевников встречается мало, их захоронения, обычно располагавшиеся в насыпях более древних курганов, специально интересовать грабителей не могли. Разрывая курганы, грабители уничтожали на пути к древнему золоту основных погребений практически все и, обычно, не засыпали после раскопок свои ямы. Сохраняясь на поверхности курганов до наших дней, они, как правило, визуально бывают хорошо видны еще до начала археологических раскопок. В профилях бровок таких курганов всегда отмечаются разнообразные воронки и залпывшие шурфы. На фоне мягкого супесчаного грунта остальной части насыпи хорошо фиксируется их крайне плотное заполнение. Позу и ориентацию погребенных, местоположение относительно человека конских останков и погребальных вещей удается проследить крайне редко. Обычно эти детали обряда отмечаются лишь тогда, когда в ходе чисто случайных причин ограблению подвергалась лишь какая-то часть древнего захоронения. Кости погребенных и остатки могильного инвентаря при ограблениях разбросаны крайне хаотично, и, что очень важно, они обнаруживаются не только на дне могил, но и в их заполнении. Поэтому вещи, явно относящиеся к одному комплексу, могут фиксироваться на чрезвычайно большой площади и быть смешанными с материалами из других так же разрушенных погребений. Обнаружение целых и ценных вещей при действительных ограблениях крайне проблематично и случайно. Дорогие и привлекательные предметы из золота, бронзы грабители в могилах не оставляли. Изредка сохранявшиеся в остатках таких погребений единичные изделия из бронзы, кости, рога и железа их или не интересовали, или же просто оставались незамеченными. Обнаруживаемые предметы имеют чрезвычайно низкую степень сохранности и обычно крайне фрагментарны. Деревянные и кожаные изделия не сохраняются. Железные вещи, подвергавшиеся в условиях длительного соприкосновения с открытым воздухом интенсивной коррозии, оказываются наиболее уязвимыми. Определить, что из себя функционально представлял в древности тот или иной предмет по невыразительным обломкам порой не представляется возможным. Подобные захо-

ронения мало что добавляют к нашим сведениям о культуре древнего кочевого населения IX – нач. XI в. Полноценное использование их в статистических разработках достаточно проблематично и всегда должно оговариваться.

Достоверно выделяется 18 ограбленных погребений, разделяющихся на частично и полностью разрушенные. Еще для шести случаев (Верхний Балыклей-II, 6/5; Калиновский, 4/1; Комсомольский, 1/1 (рис.2); Маляевка-V, 6/1; Торгункое, 1/5; Эльтон-83, 7/2) можно предполагать воздействия на останки погребенных иного рода, не связанные с ограблениями. Эти эпизоды будут рассмотрены отдельно. Ограбленными могли быть и некоторые из полностью разрушенных погребений, но для подобного заключения достоверными данными мы не располагаем.

1. Погребения, частично разрушенные при ограблениях

Заплавное-I, 2/1 (Шилов В.П., 1958, л.23-24). Погребение мужчины с конем разрушено грабительской воронкой. In situ сохранились лишь берцовые кости ног и стопы. Остальные кости скелета человека беспорядочно перемешаны между собой и со скаковыми конечностями коня. Инвентарь обнаружен только в сохранившейся части ямы: стремяна, фрагменты сабли, соединительное кольцо, обломки блях. **Капитанский, 10/1** (Шилов В.П., 1964, л.24-25). In situ зафиксированы фрагменты черепа, малая берцовая кость, стопы обеих ног скелета взрослого человека, вероятно, женщины, по положению которых были определены поза и ориентировка. Все остальные кости скелета разрушены. Инвентарь обнаружен только в сохранившейся части могильной ямы: стремяна, седло, бронзовые бляхи. При наличии предметов сбруи кости коня не отмечены. **Киляковка, 1/5** (Мыськов Е.П., 1993, с.70-73, рис.1, 9-15; 2, 1-11; Круглов Е.В., 20016, с.416, рис.12, 14). Вся верхняя часть скелета мужчины и скаковые конечности шкуры коня разрушены грабительским раскопом. In situ сохранились правое крыло таза, бедренные и берцовые кости ног, кости предплечья правой руки взрослого человека, по положению которых были определены поза и ориентировка погребенного. Инвентарь находился лишь в сохранившейся части могильной ямы: фрагменты сабли, стремяна, наконечники стрел, пряжки, остатки колчана, накладка лука. **Эльтон-84, 1/1** (Лукашов А.В., 1984, л.7-9). Бедренные кости ног скелета взрослого человека и фрагменты инвентаря обнаружены в заполнении могильной ямы погребения более раннего времени. In situ сохранились не замеченные грабителями скаковые конеч-

ности сложенной шкуры коня. Инвентарь: фрагменты сабли, наконечники стрел, пряжка, остатки колчана, бронзовая бляха.

2. Погребения, полностью разрушенные при ограблении

Васильевка, 1/1 (Васильева И.Н., 1979, с.213, 235, рис.17, 4). Средневековое погребение разрушило основное погребение эпохи бронзы, но также было полностью уничтожено. Обнаруженный в заполнении ямы нож с волютообразным навершием достоверно связывать с остатками какого-то конкретного захоронения невозможно. **Верхнепогромное-II, 14/21** (Шилов В.П., 1957, л.68-69). Погребение взрослого человека полностью разрушено. Зафиксирован череп коня. Инвентарь: костяная трубочка, бронзовая бляха, клык животного. **Волжский-II, 2/9** (Мыськов Е.П., 1983, л.27-28; Круглов Е.В., 2001б, с.420, рис.14, 15). Погребение полностью разрушено современной ямой. Кости скелета мужчины были беспорядочно разбросаны. Инвентарь: бронзовая бляха, перстень, фрагмент сабли. **Калиновский, 30**. (Шилов В.П., 1959, с.388, 517, рис.71, 8). Погребение полностью уничтожено при строительстве мавзолея XIV в. Инвентарь – фрагмент бронзовой копоушки. **Киляковка, 5/8 А** (Мыськов Е.П., 1985, л.11-13). Погребение взрослого человека полностью уничтожено грабительской воронкой. Отмечены остатки черепа и скаковых конечностей шкуры коня. **Маляевка-V, 5/3** (Сергацков И.В. и др., 2001, с.17, 42, рис.2, 5). Разрозненные кости скелета взрослого человека, обломки черепа, зубы, копыта и путовые кости коня обнаружены под грабительским перекопом в заполнении и на дне могильной ямы. Инвентарь слабовыразителен. **Маляевка-V, 9/2** (Сергацков И.В. и др., 2001, с.23, 45, рис.5, 4). Погребение мужчины с черепом и шкурой коня полностью разрушено. Кости человека и фрагменты железных предметов встречались в заполнении могильной ямы. **Маляевка-V, 11/2** (Сергацков И.В. и др., 2001, с.25, 46, рис.6, 3). Погребение взрослого человека с черепом и шкурой коня было полностью разрушено грабительской воронкой. Кости и фрагменты железных предметов встречались в заполнении могильной ямы. **Мишкина Пристань, 2***¹² (Гарустович Г.Н. и др., 1998, с.82, 304, табл.1, 10, 28). На месте могильной ямы выявлена грабительская воронка, в заполнении которой находились перемешанные

кости человека и коня, бронзовые пряжка и соединительное кольцо. **Молчановка-II, 3/2*** (Синицын И.В., 1959, с.137). В плотном заполнении и на дне могильной ямы встречались кости полностью разрушенного скелета взрослого человека. Инвентарь: фрагменты стремян и наконечник стрелы. **Новый Рогачик, 2/1** (Мамонтов В.И., 1979, л.30-32). Погребение взрослого человека с конем полностью разрушено грабительской воронкой. Инвентарь: фрагменты стремян, пряжки, кремь, накладка лука. **Старица, 38/1** (Шилов В.П., 1961, л.110-111). Погребение полностью разрушено. Среди разбросанных костей скелета взрослого мужчины и скаковых конечностей коня собраны фрагменты стремян, сабли, неопределенные железные предметы. **Химкомбинат-Б, 4/2** (Мамонтов В.И., 2000а, с.254-255, 266, рис.4, 2, 8-10). Погребение полностью разрушено грабительской воронкой. Выделено по беспорядочно разбросанным останкам взрослого человека и инвентарю – фрагментам удила, наконечнику стрелы, бронзовым бляхам. **Эльтон-84, 2/15** (Лукашов А.В., 1984, л.24). Кости скелета взрослого человека, череп и скаковые конечности шкуры коня полностью разрушены. Инвентарь: неопределенные фрагменты железных предметов.

Захоронения с различными формами нарушения естественного состояния костных останков скелетов погребенных и сопровождающих их шкур коней, не имеющие явных признаков ограбления

Далеко не все случаи нарушения сохранности останков могут быть объяснены ограблением. Не следует забывать и о деятельности землеройных грызунов, второго после грабителей бича всех степных археологических объектов. Особенно актуально это для впускных захоронений средневековых кочевников, многие из которых располагались в верхнем супесчаном грунте курганов. Обычно авторы отчетов интерпретируют случаи нарушения естественного состояния сохранности костных останков погребенных, не связанные с ограблениями, деятельностью грызунов. Но действия животных были хаотичны и не несли систематического характера. В целом ряде случаев они достаточно легко определимы. Грызуны могли смещать отдельные мелкие кости погребенных, но перемещать длинные кости и черепа они не могли. Поэтому доста-

¹² Отмеченные звездочкой (*) погребения в статье (Круглов Е.В., 2001б) не учитывались.

точно однообразные и специфические случаи разрушения скелетов вряд ли являлись результатом только их жизнедеятельности.

В последние годы археологам на целом ряде средневековых аланских бескурганых могильников Дона и Северного Кавказа (Верхнесалтовский, Дмитровский, Клин-Ярский, Маяцкий, Рубежанский, Старосалтовский) удалось зафиксировать захоронения с самыми разнообразными вариантами нарушения естественной сочлененности и местоположения костей человеческих останков, смещение которых нельзя было объяснить ограблением могил. Подобные случаи были интерпретированы как возможные проявления обряда преднамеренного обезвреживания погребенных (ООП) (Флёров В.С., 1989; 1992; 1993; 2000а; 2000б; Аксенов В.С., 2002). В структуре салтово-маяцкой археологической культуры Хазарского каганата обряд ООП был зафиксирован и в погребальной практике этнических хазар. Так, захоронения из курганов Соколовская балка, 11 (Клейн Л.С. и др., 1972, с.132-134; Флёров В.С., 1993, с.54), Дорофеевский, 13 (Круглов Е.В., 1992г, с.152-158), Барановский, 13 (Круглов Е.В., 1992д, с.177-179), Шиловский, 1 (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, с.183-190; Комар А.В., 2001, с.14) имеют явные признаки именно ООП, а не ограбления.

Обряд обезвреживания погребенных мог выражаться самыми различными способами: связыванием длинных конечностей, обычно ног, смещением отдельных костей, смещением значительной части костей, полным разрушением целостности скелета. Проявлением этого обряда считается отсутствие в погребении отдельных костей, например, черепа или целого отдела скелета, например, костей ног или грудной клетки. Крайним вариантом являлось удаление из могил нескольких или даже большинства костей. Вариантом этого обряда могло быть и совмещение той или иной степени разрушения анатомической сохранности скелета со смещением или удалением того или иного числа костей.

Выделение в реальной археологической практике ООП потребовало пересмотра результатов многих старых раскопок, особенно тех, в которых состояние разрушенности скелетов, те или иные необычные особенности стратиграфии могил до сих пор не получили какого-то определенного толкования (Флёров В.С., 2000б, с.10). Понятно, что подобный пересмотр не всегда возможен в силу несовершенства методики многих старых раскопок и неполноты сохранившейся отчетной и полевой

документации. Но именно с позиций существования ООП и стало возможным дать оценку многочисленным случаям разрушения скелетизированных останков погребенных и сопровождающих их коней в археологической культуре огузов (огузопеченегов), населявших в IX-XI вв. степи Северного Прикаспия. Только сейчас, с позиций уже достаточно хорошо известных археологических признаков ООП, становится возможным оценить некоторую совершенно не понимаемую и даже не воспринимаемую ранее информацию, зафиксированную в ходе многолетних археологических раскопок многими полевыми исследователями. При этом, вполне естественно, что далеко не все погребения с нарушением сохранности останков могут быть объяснены исключительно только последствиями ритуального вскрытия могил. Я далек от того, чтобы абсолютно все такие случаи объяснять только требованиями ООП. Проблема достоверной идентификации различий искусственного расчленения трупа и естественного распада останков скелета вследствие элементарного разложения, несомненно, полностью пока еще не решена. Изучение вопроса осложняется и реальным существованием разного рода постпогребальных разрушений, далеко не всегда связанных с самой погребальной обрядностью. Некоторые отдельные сдвиги и смещения костей вполне могли иметь и естественные причины. Но, тем не менее, позволю предположить, что большинство их все же могло быть проявлением ритуальных действий, близких именно к ООП. Во всяком случае, продолжать игнорировать существование подобных особенностей в погребениях огузопеченегов, объявлять их все результатом только ограблений или последствий жизнедеятельности грызунов невозможно. Между тем, до настоящего времени единственным позднекочевническим погребением с опознанными явными признаками ООП являлось захоронение близ с.Успенка Астраханской обл. (рис.8). Автор раскопок прямо сопоставила зафиксированное в полевых условиях особое состояние обнаруженного скелета взрослой женщины не с ограблением, а с явлением его ритуального разрушения (Шнайдштейн Е.В., 1989, с.271).

Ниже даны описания самых разнообразных состояний нарушения сохранности захоронений. Многие из них подготовлены автором на основе информации, документально зафиксированной в полевых дневниках, отчетах, научных публикациях, подтверждаемых планами погребений или фотографиями¹³. Разумеется, что в некоторых эпизо-

¹³ Крайне признателен за ценные советы А.В.Евглевскому, Т.М.Потемкиной и В.С.Флёрову, высказанные ими при подготовке данной статьи к публикации.

дах вполне возможны отдельные ошибки и некоторые неточности. Имеется много претензий к планам погребений, которые иногда даже не совпадали с полевыми фотографиями. Отчетные характеристики многих захоронений слишком неполны и расплывчаты. Довольно часто авторы раскопок, кроме общего упоминания не вполне обычного состояния скелетов, конкретный характер непосредственно наблюдаемых ими нарушений естественного положения костных останков погребенных оставляли без элементарного описания. Особенно часто это относится к кистям рук, коленным чашечкам, стопам ног, а также к нижним челюстям черепов. Достаточно сказать, что почти никто не подсчитывал в разрушенных захоронениях сохранившиеся и отсутствующие кости. Поэтому не всегда было ясно, как следует понимать отсутствие тех или иных костей на планах – как небрежность самих археологов или их действительное отсутствие. В некоторых случаях оказались не описаны явные развороты тел. Именно поэтому предлагаемое группирование эпизодов является достаточно условным и несколько произвольным.

А. Особенности сохранности одиночных погребений

Одиночные групповые погребения погребенных являются основным видом захоронения у средневековых кочевников. Общепринятой позой погребенных было положение умерших вытянуто на спине. Особым, редко встречающимся вариантом групповых погребений у кочевников были развороты тел на бок. Положение рук в погребальном обряде значения не имело (Круглов Е.В., 2001б, с.429-440, приложение, признаки XIII-15). Не придавалось значения и особенностям полового диморфизма.

1. Разрушение конских шкур без разрушения останков погребенных

Средневековых погребений с разрушенными черепами и шкурами коней оказалось достаточно много. Выявлено существование большого количе-

ства захоронений с останками или только черепа, или только разрушенных шкур, от которых, зачастую, сохраняются только кости трех, двух или даже одной скаковой конечности. Поскольку большинство таких случаев одновременно сопровождалось разрушением останков погребенных, все такие эпизоды рассматриваются уже в других разделах¹⁴. Здесь же приводится описание только тех захоронений, в которых предполагаемое разрушение конских шкур сочетается с неразрушенными останками погребенных.

Верхний Балыклей-II, 5/1 (Скрипкин А.С., 1980, л.9; Яворская Л.В., 1997, с.148-150, 156, рис.1, 2; Круглов Е.В., 2001б, с.406, 414, рис.6, 1; 11, 2-3). Лежащий на перекрытии в засыпи могилы череп коня был перевернут. Инвентарь: удила, стремяна, седло, многочисленные украшения сбруйных ремней, оружие. **Громки, 2/1** (Мамонтов В.И., 1977, л.20; Круглов Е.В., 2001б, с.424, рис.16, 11). При наличии задних скаковых конечностей шкуры и стремян передние конечности и череп коня отсутствуют. **Журов, 2/1** (Круглов Е.В., 1992а, с.135-139, рис.1; Круглов Е.В., 2001б, с.424, рис.16, 1). Кенотаф. Шкура коня со скаковыми конечностями, без черепа. Инвентарь: стремяна, наконечник стрелы, сабля, набор поясных или сбруйных блях. **Киляковка, 4/1** (Мыськов Е.П., 1993, с.74-79, рис.3, 4, 1-2; Круглов Е.В., 2001б, с.410, рис.9, 7). Череп коня, лежащий на деревянном перекрытии над скелетом, разбит на мелкие части и разбросан. Кости сложной шкуры в полной сохранности. В заполнении ямы и на черепе коня ременные бляхи. С погребенной: серьги, бубенчики, браслеты, птицевидные нашивки, ключи, бляхи, ножницы, грузик-пломба. **Тамар Уткуль, 3** (Горбунов В.С. и др., 1983; Иванов В.А., 2001, с.155-157, рис.2) (рис.5, 9). Череп и скаковые конечности коня фиксировались на разных глубинах в засыпи входной ямы основной могилы (0,2-0,6 м) и были явно потревожены. Свод и нижняя челюсть черепа коня расположены отдельно друг от друга¹⁵. Отдельно от костей коня найдены фрагменты удил. С погребенным: глиняный сосуд, использованная в качестве загробной пищи бедренная кость коня, накладки лука, наконечники стрел, поясной набор

¹⁴ Барановка-70, 1/1 и 1/2; 23/1, Астр.обл.; Быково-I, 10/16; -II, 26/5; Верхнепогромное-I, 1/3, 3/7; Верхний Балыклей-II, 7/1, 8/1; Дюкер, 27/9; Ильевка, 9/1и 1/2; Кара Оба, 6/1; Карасу-I, 6/1, 8/1, 11/1, 11/2, 18/1; Киляковка, 3/2; Колобовка-I, 3/4, 6/1, 6/2; Комсомольский, 1/1; Кос Оба, 7/2; Кривая Лука-V, 4; -XV, 2/2; Ленинск, 3/7; Маляевка-V, 11/5; Новоникольское-I, 7/13; -II, 1/7; Первомайский-VII, 10/1, 12/3; Приозерное, 2/3; Светлое Озеро, 6/6; Средняя Ахтуба, 1/5; Старица, 7/18; Челкар-II, 8/1; Черноярский, 2/2; Шульц, А 11/1; Эльтон-83, 7/2; -85, 7/1 и др.

¹⁵ Отчетная информация об обнаружении костей коня в засыпи входной ямы могилы и о характере их расположения в публикации В.А.Иванова опущена.

с пряжкой и бляхами. **Фриденберг** (Мирное), 7/1 (Рыков П.С., 1926, с.123; Гарустович Г.Н. и др., 1998, с.134, 317, табл.XIV, 5, 29-31). Справа от колоды со скелетом мужчины находились кости скаковых конечностей коня без черепа. Инвентарь: накладка лука, бронзовая пряжка, кресало, кремь, нож. **Ченин**, 8/4 (Лукашов А.В., 1980, л.21-30; Круглов Е.В., 2001б, с.400, 402, 404, 406, 414, рис.3-5; 6, 2; 11, 6-7). В засыпи могильной ямы зафиксированы кости трех скаковых конечностей сложенной шкуры коня. Кости четвертой обнаружены в насыпи кургана. С конем и погребенным – богатый и чрезвычайно разнообразный могильный инвентарь. **Царев**, 11 (Мамонтов В.И., Ситников А.В., 1993, с.188, рис.3, 2, 194-196, рис.6, 5-6; Круглов Е.В., 2001б, с.418, рис.13, 14). Череп коня разбит и разбросан. Инвентарь: стремена, удила. **Черноярский**, 2/1 (Шнайдштейн Е.В., 1970, л.5-6; Круглов Е.В., 2001б, с.424, рис.16, 12). При наличии задних скаковых конечностей коня кости передних конечностей и череп отсутствуют. Инвентарь: накладка лука, костяная пряжка. **Яшкуль**, 1/1 и 1/8 (Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1986, л.7-15). Выделенные автором раскопок как два отдельных погребения – останки коня (п.1) и человека (п.8) – явно относятся к одному захоронению. При наличии скаковых конечностей и предметов сбури, череп коня отсутствовал.

2. Связывание ног погребенных

Предполагаемое связывание ног погребенных реконструируется на основе большой группы захоронений с перекрещенными и неестественно сомкнутыми костями ног. Добиться подобного положения мертвых тканей можно было только их связыванием. Случаи, совмещающие предполагаемые связывания ног с различными вариантами нарушения костных останков человека, рассматриваются отдельно. Ниже указаны только погребения без явного нарушения естественной целостности скелетов умерших.

Вертячий, 6/1 (Мамонтов В.И., 1978, л.32-34; Круглов Е.В., 2001б, с.418, рис.13, 11-12). Кости ног скелета мужчины полусогнуты в коленях и сведены пяточными костями. Инвентарь: удила, стремена, седло, колчан, наконечники стрел, нож. **Волжский-II**, 2/4 (Мыськов Е.П., 1993, с.69-71, рис.1, 1-8; Круглов Е.В., 2001б, с.410, рис.9, 1). Скелет взрослой женщины лежал вытянуто с разворотом корпуса влево. Ребра правой половины грудной клетки располагались над позвоночным столбом. Кости ног согнуты в коленях и сведены стопами. Над скелетом, на перекрытии, в беспорядке лежали смещенные кости двух скаковых

конечностей, ребро и лопатка коня. Череп животного обнаружен не был. Инвентарь: грузик-пломба, перстень, бляхи. **Маяк Октября-90**, 1/2 (Комаров А.М. и др., 1990, л.19) (рис.6, 11). Скелет взрослого человека лежал вытянуто с разворотом корпуса влево. Руки вытянуты вдоль туловища. Ноги сведены в коленях и берцовых костях. **Новая Квасниковка-I**, 6/1 (Ляхов С.В., 1997, с.220-224, рис.3, 4; Круглов Е.В., 2001б, с.414, рис.11, 1). Кости правой ноги погребенного мужчины резко согнуты в коленном суставе и положены поверх бедренной кости левой ноги. Инвентарь: удила, колчан, наконечники стрел, накладки лука, серьга, кресало, пряжка, нож. **Светлое Озеро**, 2/1 (Ляхов С.В., 1997, с.217). Стопы погребенного сомкнуты. **Черноярский**, 1/1 (Шнайдштейн Е.В., 1970, л.4; Круглов Е.В., 2001б, с.424, рис.16, 8). Скелет взрослого человека лежал по центру могильной ямы, на правом боку, вытянуто. Кости ног перекрещены в коленях. При наличии скаковых конечностей, череп коня отсутствует. Инвентарь: стремена, пряжка. **Яман**, 2/2 (Попов С.А., 1976, л.3-9; Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001, с.132, рис.3, 1-18). Впускное погребение в поле уже существующего кургана. Кости коня (скаковые фаланги, лопатки, крестец и фрагменты черепа) из насыпи, вероятнее всего, связаны с полностью разрушенным более ранним основным захоронением. Кости ног погребенного сведены в коленях и берцовых костях, стопы отсутствуют. Стопы ног и кисти рук, отсутствующие на плане, по информации автора раскопок были разрушены во время расчистки скелета. С погребенным обнаружено: бедренная кость коня (загробная пища), железная сабля без рукояти, срединная обкладка лука, берестяной колчан с дровками стрел, два отдельных железных наконечника стрел, бронзовые пряжки и многочисленные накладки поясного набора, железное кресало, бронзовая серьга.

3. Погребения с отсутствием отдельных костей скелета

Комплектность скелета может быть полной или частичной. Во многих погребениях комплектность останков неполная. Чаще всего отсутствуют мелкие кости, но иногда не хватает длинных костей и даже черепа.

Алешкин, 1/2 (Гуренко Л.В., 1993, с.36-41, рис.1, 2; 2, 1-8; 3; Круглов Е.В., 2001б, с.418, рис.13, 10). У скелета мужчины отсутствует кисть правой руки. Инвентарь: удила, стремена, колчан, наконечник стрелы, накладки лука. **Агпа-II**, 2* (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001, с.145, рис.16, 13) (рис.5, 4).

У скелета мужчины отсутствует череп. **Бахтияровка-I, 32/12**¹⁶ (Кригер В.А., 1984, л.10-12; Круглов Е.В., 20016, с.424, рис.16, 13). Скелет взрослого человека лежал на правом боку, скорченно. Левая рука слегка согнута в локтевом сгибе, кисть находилась у бедра. Правая рука вытянута под скелетом. Кости ног согнуты в коленях, стопы отсутствовали. Шейные и поясничные позвонки, возможно, смещены. При наличии черепа и задних скаковых конечностей коня, на плане не были отмечены кости передних конечностей, возможно, они отсутствовали. Инвентарь: удила, колчан, пряжки, кресало, соединительные кольца, бляха, костяная бусина, глиняный сосуд с гириандоподобным орнаментом. **Блюменфельд (Цветочное), 2/1** (Рау П.Д., 1920, л.15-17; Гарустович Г.Н. и др., 1998, с.168-170, 310, табл.VII, 7-8) (рис.7, 1-2). Реконструкция захоронений этого кургана, предложенная Г.Н.Гарустовичем, А.И.Ракушиным, А.Ф.Яминовым, не убедительна. В отчете П.Д.Рау достаточно четко и вполне ясно указано, что в кургане были обнаружены крестообразно расположенные по отношению друг к другу могильные ямы двух одновременных захоронений. На глубине 0,7 м, исключительно только над п.1, было расчищено перекрытие, выложенное из продольных и поперечных дубовых досок. Все земляное заполнение погребения над перекрытием было переполнено кусками угля, обожженной земли и пережженными костями. Здесь же находился и полный скелет барана. На перекрытии располагались кости черепа и 4 скаковых конечностей растянутой шкуры коня. Скелет взрослой женщины был обнаружен под деревянным перекрытием в выдолбленной из цельного ствола ивы колоде. На плане у скелета отсутствуют кисти рук и грудные позвонки. Инвентарь: удила, стремяна, бронзовые бляхи, браслеты со стеклянными вставками, серга, бубенчик, свинцовый грузик-пломба, ножницы. Безынварное п.2 было явно разрушено при сооружении п.1. Кости скелета взрослого мужчины оказались свалены грудой в северной части ямы. Поскольку автор раскопок П.Д.Рау отметил "сидячее" положение останков этого погребенного, наиболее вероятно, что это было скорченное захоронение эпохи бронзы. **Быково-II, 26/5** (Мерперт Н.Я., 1957, л.23; Круглов Е.В., 20016, с.424, рис.16, 4). У скелета женщины отсутствуют кисти обеих рук. При наличии передних скаковых конечностей от-

сутствуют череп и задние конечности коня. **Верхний Балыклей-II, 8/1** (Скрипкин А.С., 1980, л.45; Яворская Л.В., 1997, с.152-153, 159, рис.4; Круглов Е.В., 20016, с.424, рис.16, 5). У скелета мужчины отсутствуют кисти рук и стопы ног. При наличии черепа, задних скаковых конечностей коня и предметов сбруи, кости передних конечностей отсутствуют. Инвентарь: удила, стремяна, костяная пряжка, накладки лука, кресало. **Заплавное-I, 1/3** (Шилов В.П., 1958, л.19) (рис.6, 3). У скелета мужчины отсутствуют кости правой руки, ребра, лопатки и ключицы грудной клетки. Инвентарь: кресало, пряжка. **Ильевка, 9/1 и 9/2** (Мамонтов В.И., 1970, л.18-19; Круглов Е.В., 20016, с.422, рис.15, 1-2). Выделенные автором раскопок как два отдельных погребения останки коня (п.1) и человека (п.2) явно относятся к одному захоронению. У скелета взрослого человека на плане не отмечены кисти рук. Череп коня сильно раздроблен. Положение скаковых конечностей имитирует положение сложенной шкуры, но таковой не является. С костями коня: удила, стремя, бляхи, пряжка, костяной наконечник стрелы, фрагменты керамики, кремь. **Кано-В, 1/1** (Кушева-Грозевская А., 1928, с.5, 13-15; Гарустович Г.Н. и др., 1998, с.139, 317, табл.ХХVI, 1, 8, 11, 15). Положение костей ног женщины не зафиксировано, видимо, они отсутствовали. Инвентарь: грузик-пломба, бляхи, бубенчики, копоушка. **Кара Оба, 6/1** (Синицын И.В., 1956, с.127-128, рис.28; Круглов Е.В., 20016, с.424, рис.16, 7). У скелета мужчины отсутствовал череп. При наличии скаковых конечностей, череп коня также отсутствовал. Инвентарь: нож. **Колобовка-I, 6/2** (Мамонтов В.И., 1973, л.14-15; Круглов Е.В., 20016, с.424, рис.16, 2¹⁷). У скелета взрослого человека отсутствуют кисти обеих рук. Вместе с погребенным обнаружено одно копыто коня. Инвентарь: кремь от кресала. **Кольчево-II, 2/2** (Мажитов Н.А., Рутто Н.Г., 1974, л.11-12). У скелета погребенного отсутствовали кости ног. Над скелетом – череп и конечности коня. **Красный Октябрь, 1/1***, Самарская обл. (Васильева И.Н., 2000, с.272, 289, табл.5). Лежащий в колоде скелет взрослого человека был разрушен. In situ сохранились позвонки, левая лопатка, плечевая кость левой руки, ребра правой стороны грудной клетки, кости правой руки, кисти обеих рук, кости таза, бедренные кости ног. На плане не отмечены ребра левой стороны грудной клетки, предплечье левой руки, берцовые кос-

¹⁶ Описание данного захоронения (Кригер В.А., 1984, л.10-12) неполно и несколько противоречиво. Текст, предлагаемый автором, основан на личных наблюдениях, высказанных еще при подготовке отчета.

¹⁷ Подписи к ранее изданным планам погребений Колобовка-I, 6/1 и 6/2 (Круглов Е.В., 20016, с.424, рис.16, 2-3) перепутаны местами.

ти ног и стопы. Отсутствовал череп человека, погребенного положили в могилу, видимо, без головы – сохранившиеся шейные позвонки вплотную подходили к стенке колоды. Инвентарь: стремяна, остатки седла, наконечники стрел, соединительные кольца. **Красный Октябрь, 1/2***, Самарская обл. (Васильева И.Н., 2000, с.272, 290, табл.6). Скелет взрослого человека был разрушен. *In situ* сохранились ребра правой половины грудной клетки, позвонки, кости обеих рук, таза, бедер и берцовые кости правой ноги. Череп погребенного отсутствовал. На плане не отмечены берцовые кости левой ноги и стопы обеих ног. Сверху, на левой стороне грудной клетки лежал череп коня, в связи с чем наличие или отсутствие костей левой стороны грудной клетки, шейных и грудных позвонков по плану не определяется. При наличии черепа, скаковые конечности коня в погребении не обнаружены. Инвентарь: удила, стремяна, украшения ремней сбруи – бляхи и решмы, соединительное кольцо, колчан с креплениями и наконечниками стрел, пряжка, нож, бляхи. **Новоникольское-II, 1/7** (Шилов В.П., 1975, с.32-33, рис.24, 8; Круглов Е.В., 2001б, с.424, рис.16, б). У скелета женщины отсутствуют кисти рук, большеберцовая кость правой ноги, стопы ног. При наличии предметов сбруи и одного ребра коня, скаковые конечности и череп последнего отсутствуют. Инвентарь: удила, стремя, височное кольцо. **Первомайский-VII, 10/1** (Мамонтов В.И., 2000б, с.13, рис.34, 4; 38, 1-4; Круглов Е.В., 2001б, с.418, рис.13, 4). У скелета мужчины отсутствуют лопатка, ключица и плечевая кость левой руки. От разрушенного и смещенного черепа коня сохранилась одна нижняя челюсть. Кость передней скаковой конечности смещена к конскому черепу. Инвентарь: бубенчики, нож, пряжки, гребень. **Покровск-VIII, 4/1*** (Веддер Дж. и др., 1993, с.44, 108, рис.41) (рис.4, 7). Безынвентарное погребение с южной ориентировкой погребенного, не характерной для захоронений IX-XI вв. У скелета отсутствовали шейные и грудные позвонки, значительная часть ребер, некоторые фаланги пальцев рук и ног, бедренная кость левой ноги. На месте левой бедренной кости фиксировалась нора, однако, именно здесь *in situ* располагалась и кость скаковой конечности коня. **Приозерное, 2/3** (Лукашов А.В., 1985, л.17-18) (рис.6, 8). Кисть левой руки скеле-

та взрослого человека отсутствовала. При наличии черепа, передних скаковых конечностей шкуры коня и предметов сбруи, кости задних конечностей в могиле отсутствовали. Инвентарь: удила, пряжка, седло, стремяна. **Средняя Ахтуба, 3/2** (Шилов В.П., 1958, л.14) (рис.6, 5). У скелета женщины отсутствуют кисти рук, берцовые кости левой ноги, стопы обеих ног. **Средняя Ахтуба, 3/7** (Шилов В.П., 1958, л.16) (рис.6, б). У скелета мужчины отсутствуют предплечье правой руки, кисти обеих рук, кости таза и ног. **Степана Разина, 3/2** (Мерперт Н.Я., 1957, л.37; 1967, с.96-97) (рис.5, 2). У скелета ребенка, лежащего в деревянном гробу, отсутствуют часть ребер правой стороны грудной клетки, кости правого предплечья и кисти обеих рук. **Степаневка-II, 6/1¹⁸** (Мамонтов В.И., 1990, л.78-79; Круглов Е.В., 2001б, с.418, рис.13, 8). У скелета мужчины отсутствуют кости правой руки. Инвентарь: удила. **Цаган Усн-VII, 4/9** (Шилов В.П., 1987, л.38-40; Круглов Е.В., 2001б, с.416, рис.12, 13). У скелета мужчины отсутствуют череп, плечевая кость левой руки, ключица и часть ребер левой половины грудной клетки. Инвентарь: стремяна, бляхи, бубенчик, нож, наконечник стрелы, накладка лука. **Черноярский, 1/2** (Шнайдштейн Е.В., 1970, л.5). Скелет погребенного лежал на правом боку. Кости его верхней части отсутствовали. *In situ* сохранились кости рук и ног. Кости ног полусогнуты в коленях. **Черноярский, 4/5** (Шнайдштейн Е.В., 1970, л.14-15). Скелет взрослого человека лежит на левом боку, скорченно. Правая рука слегка согнута в локте, кисть перед черепом, левая сильно согнута, кисть перед грудной клеткой, под челюстью. Кости ног согнуты под прямым углом к туловищу. Берцовая кость правой ноги отсутствует. В ногах погребенного – разрушенные кости черепа и скаковых конечностей коня. Инвентарь: фрагменты стенок и венчика гончарного сосуда, накладки лука. В насыпи кургана также находились кости полного остова коня с подогнутыми скаковыми конечностями без сопровождающего инвентаря, связь которого с п.5 достоверно не была установлена. **Эльтон-85, 7/1** (Лукашов А.В., 1985, л.3-4; Круглов Е.В., 2001б, с.407, рис.7, 2) (рис.9, 4-18). У скелета женщины отсутствуют ребра правой половины грудной

¹⁸ Северная ориентировка погребенных не характерна для захоронений IX-XI вв. Возможно, это предсалтовское погребение сивашовского типа 2-й пол.VII в. Расположение черепа и костей скаковых конечностей растянутой шкуры коня слева и справа от останков человека позволяет считать это проявлением признака 36 – “положение коня непосредственно на останках человека”, что, предположительно, дало возможность связать памятник с захоронениями огузо-печенежского круга (Круглов Е.В., 2001б, с.436). Но вопрос пока остается открытым.

клетки и, возможно, кисть левой руки. Задние скаковые конечности растянутой кожи коня находятся в положении *in situ*, передние смещены, череп отсутствует. Это, а также наличие в засыпи могильной ямы отдельных ребер коня свидетельствуют о преднамеренном характере разрушения кожи животного. Инвентарь: стремя, бронзовые птицевидные нашивки, копоушки, привеска, бубенчик, бусины, вставка перстня, ножницы, разновес, грузик-пломба.

4. Захоронения со смещением отдельных костей скелетов погребенных

а. Смещение или разрушение черепа

Быково-II, 3/5 (Смирнов К.Ф., 1960, с.227, 229, рис.22, 8-15). Череп женщины разбит. Инвентарь: удила, стремяна, бляхи, грузик-пломба. **Верхнепогромное-II, 19/1** (Шилов В.П., 1958, л.111). Череп погребенного мужчины разбит. **Колобовка-I, 3/4** (Мамонтов В.И., 1973, л.8, 10). Череп взрослого человека смещен. При наличии скаковых конечностей, череп коня отсутствует. **Новоникольское-I, 7/13** (Шилов В.П., 1975, с.23, 28, рис.17, 7; Гаврилина Л.М., 1991, с.151-152, рис.3; Круглов Е.В., 20016, с.412, рис.10, 5-6). Лежащие сверху на колоде череп и скаковые конечности коня смещены. Над погребением в насыпи кургана найдены фрагменты лепного сосуда и бронзовая бляха. Череп мужчины разрушен. Инвентарь: удила, стремяна, украшения ремней сбруи, сабля, колчан, наконечники стрел, накладки лука. **Старица, 21/2** (Шилов В.П., 1961, л.32-33; Круглов Е.В., 20016, с.408, рис.8, 7). Череп женщины разбит. Инвентарь: бронзовые копоушка, бубенчики, перстень. **Черноярский, 2/2** (Шнайштейн Е.В., 1970, л.6-7; Круглов Е.В., 20016, с.418, рис.13, 5). Череп человека отделен от позвоночного столба и перевернут. Кости рук неестественно близко прижаты к скелету, кисти соприкасались под тазом, возможно, были связаны. Череп коня сильно разрушен. Инвентарь: стремя, нож, пряжка, колчан, наконечник стрелы, накладки лука.

б. Смещение черепа и костей грудной клетки погребенных

Громки, 3/2 (Мамонтов В.И., 1977, л.21-22) (рис.6, 4). У скелета подростка смещены череп и шейные позвонки. **Дюкер, 27/9** (Цуцкин Е.В., 1982, л.124-125). *In situ* сохранились кости таза, рук и ног скелета взрослого человека, вероятно, женщины. Кости верхней части туловища смещены. Над погребенным – остатки перекрытия и лежащий на нем

череп коня. Костей скаковых конечностей не обнаружено. **Калиновский, 1/7** (Шилов В.П., 1959, с.328-329, 511, 513-514, 516, рис.4, 1; 66, 14-15, 22, 27; 67, 7; 68; 70; Круглов Е.В., 20016, с.418, рис.13, 9). Скелет мужчины обернут берестой и положен в гроб. Череп перевернут. Верхняя часть ребер правой стороны грудной клетки, шейные и грудные позвонки смещены, стопы ног вывернуты. При наличии двух скаковых конечностей коня, отсутствует череп животного. Инвентарь: стремя, кинжал, кресало, колчан, наконечники стрел, поясной ремень с пряжкой и бляхами. **Покровск-I, 17/2*** (Яблонский Л.Т. и др., 1994, с.30, 111, рис.31). Череп погребенного мужчины лежал на основании, на костях грудной клетки. Отдельные ребра грудной клетки и позвонки были смещены. При наличии костей скаковых конечностей коня, череп животного отсутствовал. Инвентарь: фрагменты железных предметов. **Степана Разина, 4/4** (Мерперт Н.Я., 1957, л.37; 1967, с.96-97). Череп скелета ребенка разрушен. Позвонки в месте соединения грудного и поясничного отделов смещены.

в. Смещение костей рук

Быково-I, 14/3 (Смирнов К.Ф., 1960, с.207-209, рис.15, 4-5). Локтевая кость правой руки скелета мужчины обнаружена на черепе. Инвентарь: нож, пряжка, соединительное кольцо, колчан, древки и наконечники стрел. **Косика, -/3** (Дворниченко В.В. и др., 1984, л.31-33). Скелет взрослого человека лежит с разворотом в плечах и грудной клетке влево. Зафиксировано смещение лопатки и плечевой кости правой руки. Инвентарь: удила, стремяна, костяная пряжка, колчан, наконечники стрел, кремень.

г. Смещение костей черепа, рук и грудной клетки

Верхний Балыклей-II, 6/5 (Скрипкин А.С., 1980, л.26-27; Круглов Е.В., 20016, с.408, рис.8, 19). Верхняя часть скелета женщины разрушена. *In situ* сохранились тазовые и бедренные кости ног. Берцовые кости ног погребенной потревожены грабительским раскопом, полностью уничтожившим соседнее захоронение. Инвентарь: бубенчик, бляха, шило. **Карасу-I, 6/1** (Кушаев Г.А., 1974, л.36-37) (рис.5, 3). Все кости верхней части скелета взрослого человека были перемешаны в местах своего первоначального расположения. *In situ* сохранились кости ног: несколько согнутая в колене левая и вытянутая правая. Шкура коня разрушена. Передние скаковые конечности обнаружены в засыпи могильной ямы, задние находились в районе расположения ног погребенного. Череп животного отсутство-

вал. Инвентарь: птицевидная нашивка. **Карасу-I, 8/1** (Кушаев Г.А., 1975, л.14-16) (рис.4, 5). Череп, плечевая кость и предплечье левой руки, а также ребра скелета взрослого человека смещены. In situ сохранились кости правой руки, поясничные позвонки, тазовые кости, кости ног. В засыпи ямы находились смещенные кости шкуры коня. Инвентарь: колчан, наконечники стрел, накладки лука, кресало. **Карасу-I, 11/1** (Кушаев Г.А., 1975, л.19-21) (рис.4, 4). Смещены кости верхней части скелета погребенного – череп, кости рук, ребра, позвонки, левое крыло таза, скаковые конечности коня. Череп коня не обнаружен. Инвентарь: удила, стремяна, костяная пряжка, колчан, наконечник стрелы, накладки лука, кресало, бляхи. **Кос Оба, 7/2** (Железчиков Б.Ф., 1998, с.13-14, рис.7, 2) (рис.6, 7). Потревожены и смещены с мест своего первоначального расположения череп, ребра грудной клетки, верхняя часть позвонков, плечевая кость правой руки, кисти рук скелета мужчины. От шкуры коня in situ сохранилось одно копыто задней ноги, все кости остальных скаковых конечностей были вынесены в насыпь. Череп коня не обнаружен. **Красная Деревня, 15/8** (Лукашов А.В., 1981, л.41; Круглов Е.В., 2001б, с.416, рис.12, 7). У скелета мужчины in situ сохранились кости левого крыла таза и ног, а также задние скаковые конечности коня. Практически по всей площади дна ямы прослеживался темный тлен органической подстилки. Все кости верхней части скелета человека находились на одной глубине в местах своего первоначального расположения и были перемешаны между собой. Слева от тазовых костей погребенного лежали обломки черепа коня и его передние скаковые конечности. Один фрагмент челюсти был обнаружен лежащим на остатках плах деревянного перекрытия. Отдельные позвонки скелета погребенного находились в сочленении. Инвентарь: колчан, наконечники стрел, седло, бронзовые пряжка и бляхи. **Кривая Лука-V, 4** (Дворниченко В.В. и др., 1977, с.50, 126, рис.35) (рис.6, 9). В засыпи могильной ямы основного погребения зафиксированы смещенные кости черепа коня, два ребра и череп мужчины зрелого возраста без нижней челюсти и, отдельно, один фрагмент нижней челюсти. Кости грудной клетки, лопатки и ключицы, часть шейных и грудных позвонков, плечевая кость правой руки человека потревожены. Среди переломанных и смещенных ребер находился фрагмент второй части нижней челюсти погребенного. Остальные кости скелета сохранили положение in situ. Все кости, за исключением черепа погребенного, были покрыты толстым слоем берестяного луба. Потревоженные скаковые конечности растянутой шкуры коня лежат на костях человека. Инвентарь: колчан, костяной

наконечник стрелы, пряжка. **Кривая Лука-XV, 2/2** (Дворниченко В.В. и др., 1975, л.171-172). В местах первоначального расположения обнаружены смещенные кости черепа, ребра, лопатки, ключицы, позвонки, плечевая кость левой руки, правое крыло таза скелета мужчины. Остальные кости потревожены не были. Над лежавшей in situ правой рукой погребенного располагались смещенные кости черепа коня и барана. Костей скаковых конечностей коня не отмечено. Инвентарь: колчан, накладки лука, нож, пряжка. **Малаяевка-V, 11/5** (Сергацков И.В. и др., 2001, с.26, 46, рис.6, 6). Кости скелета подростка потревожены. In situ сохранились предплечье левой руки, поясничные позвонки, правое крыло таза, кости ног. Череп и остальные кости скелета погребенного смещены в местах первоначального расположения. От черепа коня сохранился лишь один зуб. В заполнении могилы над грудной клеткой и берцовыми костями ног обнаружены лежащие в сочленении на остатках деревянного перекрытия одна передняя и одна задняя скаковые конечности коня. Инвентарь: фрагменты удил и стремян. **Шульц (Красный Октябрь), А 11/1** (Минаева Т.М., Рау П.Д., 1926; Гарустович Г.Н. и др., 1998, с.174-175). Верхняя часть скелета взрослого человека разрушена. In situ сохранились кости ног человека. В засыпи над бедренными костями находились перемещенные кости черепа и двух скаковых фаланг коня. Нижняя челюсть животного обнаружена в районе ступней погребенного. Инвентарь: удила, пряжка. **Эльтон-83, 7/2** (Лукашов А.В., 1983, л.9-10; Круглов Е.В., 2001б, с.420, рис.14, 11). Яма перекопа, нарушая засыпь захоронения, непосредственно до останков самого погребенного не доходила. Тем не менее, положение черепа, костей левой половины грудной клетки, правой руки скелета мужчины было нарушено. Правые лопатка и ключица, плечевая и локтевая кости правой руки и правое крыло таза оказались смещены. Ребра левой половины грудной клетки и кисти рук отсутствовали. Кости позвоночного столба не потревожены. При наличии предметов сбруи и скаковых конечностей растянутой шкуры коня, череп животного отсутствовал. Инвентарь: стремя, блокчумбур, колчан, соединительные кольца, наконечник стрелы, пряжка.

д. Смещение костей ног

Быково-I, 10/16 (Смирнов К.Ф., 1960, с.201-202, рис.11, 21-22). Кости ног скелета женщины были смещены и разбросаны на разной глубине. При наличии костей задних конечностей коня, череп и

передние конечности отсутствовали. Инвентарь: нашивки и нож.

е. Одновременное смещение некоторых костей верхней и нижней частей скелета

Барановка-70, 1/1 и 1/2, Астр.обл. (Шнайдштейн Е.В., 1970, л.17). Выделенные автором раскопок как два отдельных погребения останки коня (п.2) и человека (п.1) явно относятся к одному захоронению. Череп, кости рук, бедренная кость левой ноги, берцовые кости и стопы обеих ног скелета взрослого человека смещены. В засыпи погребения обнаружены смещенные череп и скаковые конечности коня. Инвентарь: стремя, нож, кремь, накладка лука, костяной наконечник стрелы. **Дюкер, 27/4** (Цуцкин Е.В., 1982, л.108-112). У скелета взрослого человека смещены череп, кости правой руки, предплечье левой руки, тазовые кости, бедренные кости ног. In situ сохранились поясничные позвонки, часть ребер, лопатка, плечевая кость левой руки, берцовые кости ног погребенного. Смещены лежащие в засыпи череп и скаковые конечности коня. Инвентарь: удила, стремя, пряжка, бляхи. **Карасу-I, 11/2** (Кушаев Г.А., 1975, л.20-21) (рис.4, 3). По Г.А.Кушаеву, данное погребение основное. In situ сохранились череп, шейные и грудные позвонки, ребра левой половины грудной клетки, кости левой руки скелета взрослого человека, череп и передние скаковые конечности коня. Остальные кости скелета человека и скаковые конечности шкуры коня не были отмечены на плане захоронения, и, судя по полевой фотографии данного погребения, были сложены в центре ямы. Инвентарь: удила, бляхи, птицевидные нашивки, зеркало, нож, бусы. **Карасу-I, 18/1** (Кушаев Г.А., 1975, л.30-32) (рис.4, 1). Смещены череп, плечевая кость, лопатка и ключица левой руки, ребра правой стороны грудной клетки, предплечье и кисть правой руки, правое крыло таза, бедренная кость правой ноги скелета взрослого человека. В засыпи могилы найдены зубы полностью разрушенного черепа коня. Скаковые конечности растянутой шкуры коня находятся слева от погребенного в положении in situ. Инвентарь: пряжки, накладки лука, наконечники стрел, нож. **Кривая Лука-XVI, 1/1** (Дворниченко В.В. и др., 1976, л.6). Смещены череп, часть позвонков, ребра правой половины грудной клетки, левое крыло таза, бедренные кости, берцовая кость правой ноги скелета взрослого человека. Инвентарь: бляхи, пряжка, нож, соединительные кольца. **Солодовка-I, 4/1*** (Глухов А.А., 2001, л.13-15). Впускное погребение обнаружено в заполнении могильной ямы основного захоронения раннего железного века. Вся верхняя часть скелета мужчины

была полностью разрушена, а кости смещены и перемешаны в местах их первоначального расположения. In situ сохранились все кости левой ноги, а также берцовые кости и стопы правой. Выше них обнаружены 4 копыта коня. Инвентарь: костяная крышка кармана и фрагменты железных креплений каркаса колчана, нож, бронзовая серьга. **Средняя Ахтуба, 1/3** (Шилов В.П., 1958, л.4). Все кости верхней половины скелета взрослого человека и стопы его ног смещены. При наличии передних скаковых конечностей шкуры коня, задние конечности и череп животного отсутствуют. **Старица, 7/18** (Шилов В.П., 1960, л.53-55; Круглов Е.В., 2001б, с.416, рис.12, 5). Смещены череп, ребра грудной клетки, плечевая кость левой руки, берцовые кости и стопы обеих ног скелета взрослого человека. In situ сохранились позвоночный столб, плечевая кость и предплечье правой руки, таз, бедренные кости ног. От коня сохранилось копыто одной конечности. Инвентарь: стремя, колчан, бубенчики, поясные бляхи, кресало, нож.

5. Сочетание нескольких вариантов нарушения естественного положения останков человека

а. Смещение костей верхней части скелета и связывание ног

Верхнепогромное-I, 3/7 (Шилов В.П., 1975, с.49, 55-56, рис.42, 2-3; 37, 7) (рис.6, 2). Череп, ребра, плечевая кость правой руки скелета женщины смещены. Шейная и грудная части позвоночного столба, кости левой руки, кисти обеих рук на плане погребения не отмечены. In situ сохранились поясничная часть позвоночного столба, предплечье правой руки, таз и ноги. Берцовые кости ног перекрещены в голеностопных суставах. От шкуры коня осталось только одно копыто. Черепа коня не зафиксировано. Инвентарь: нашивки, нож. **Заплавное-I, 3/4** (Шилов В.П., 1958, л.34-35; Круглов Е.В., 2001б, с.408, рис.8, 5). Скелет женщины лежал на правом боку, вытянуто. Череп, кости позвоночника, ребра грудной клетки и плечевая кость правой руки погребенной смещены непосредственно на местах своего первоначального расположения. In situ сохранились предплечье правой, кости левой рук, таза и ног, согнутые в коленях и сведенные стопами. Инвентарь: бубенчик, зеркало, гребень, грузик-пломба. **Кривая Лука-III, 1/10** (Дворниченко В.В. и др., 1977, с.32, 178, рис.87, 2). Череп скелета мужчины несколько приподнят. Кости ног сведены в коленях и перекрещены в голеностопных суставах. Инвентарь – бубенчик.

б. Смещение костей верхней части скелета, удаление отдельных костей

Барановка, 23/1, Астр. обл. (Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1989, с.50-53, рис.31, 7-12; 32; 33; Круглов Е.В., 20016, с.422, рис.15, 4). В насыпи кургана, на глубине 0,2 м от современной поверхности, в яме овальной формы был обнаружен череп коня. Авторами раскопок были прослежены границы ямы. Между отметками -0,2м и -0,75м от верха кургана непосредственно под этой ямой (скорее всего, также еще в насыпи кургана) было зафиксировано пятно погребения 23/1. На глубине -0,75 м, при высоте кургана 0,65 м, в лучшем случае соответствующей уровню древнего горизонта, были обнаружены фаланги скаковых конечностей коня, остатки железных креплений колчана, наконечники стрел, бронзовые бляхи, пряжка и соединительные кольца. Скелет взрослого человека лежал на дне ямы. На плане у него отмечено смещение правой ключицы, отсутствие кистей обеих рук, костей левой стопы. Слева от останков погребенного на плане зафиксирована одна скаковая конечность коня, отчлененная по 1-й сустав. Других костей коня на дне ямы обнаружено не было. На поясе погребенного найдены бронзовые бляхи и бубенчик. Из-за отсутствия полной ясности в объяснении причин нахождения костей коня и вышеуказанных вещей в заполнении совершенно неограбленной могилы у авторов раскопок возникла неуверенность в определении характера данного погребения в качестве основного или впускного. Они также полагают, что погребенный мог лежать в подбое. Между тем, особых оснований для последнего утверждения нет, однако, можно предположить, что, скорее всего, авторы раскопок в действительности наблюдали разный состав земляного заполнения данного погребения, первичный и вторичный, предположив, что первый является заполнением подбоя, а второй – входной ямой в него. При уверенной интерпретации данного памятника как основного захоронения (разрушенное погребение № 2 этого кургана было определено самими авторами раскопок как впускное, а каких-либо других захоронений обнаружено не было), череп и конечности шкуры коня могли появиться в заполнении данной могилы только лишь в ходе вторичного проникновения в нее. Именно в ходе него и могло произойти изъятие из погребения черепа и шкуры коня, а также пояса вместе с прикрепленным к нему колчаном со стрелами. **Близнецы, 3/2*** (Смирнов К.Ф., 1957, л.34-35). Скелет мужчины 50 лет был частично разрушен расположенной рядом с ним ямой с кострищем. У погребенного отсутствовали: верхняя часть черепа, плечевая кость левой руки, кости предплечья пра-

вой, кисти обеих рук, левое крыло таза, бедренная и большая берцовая кость левой ноги. Часть отсутствовавших костей была обнаружена в кострище. Сдвинуты: нижняя челюсть, располагавшиеся в сочленении кости предплечья левой руки, поясничные позвонки, правое крыло таза. Копыта и пальцевые фаланги двух скаковых конечностей коня найдены в районе ног погребенного, копыто и пальцевые фаланги третьей конечности коня найдены над левой частью грудной клетки человека, череп коня отсутствовал. Инвентарь: фрагменты железного стремени, роговые накладки сложного лука, а также две обгоревшие осиновые плашки. **Букановский, 1/1** (Цыбин М.В., 1986, с.257, 260, рис.2, 1) (рис.6, 1). У скелета взрослого человека отсутствуют обе лопатки, левая ключица, ребра левой половины грудной клетки, крестец. Ребра правой половины грудной клетки смещены. Инвентарь: стремени, нож. **Верхнепогромное-I, 1/3** (Шилов В.П., 1975, с.41-45, рис.32, 2; 34; Круглов Е.В., 20016, с.408, рис.8, 9). У скелета подростка смещены все ребра грудной клетки. Обе лопатки и ключицы, а также шейные и поясничные позвонки на плане не отмечены, видимо, они отсутствуют. Остальные кости скелета, в том числе грудные позвонки потревожены не были. В заполнении могилы обломки черепа коня. Инвентарь: удила, стремени, пряжка, простые бляхи, обложенные золотой фольгой особые бляхи, бронзовые бубенчики, копоушки, птицевидные нашивки, привеска. **Верхнепогромное-I, 3/4** (Шилов В.П., 1975, с.49, 55, рис.37, 18; 42, 1; Круглов Е.В., 20016, с.408, рис.8, 14). In situ у скелета подростка сохранились череп, шейные и грудные позвонки, ребра, кости левой руки, таза, бедро левой ноги. Отсутствуют кисти обеих рук, правое крыло таза, крестец, поясничные позвонки, бедренные кости правой ноги, берцовые кости и стопы ног. На плане погребения выявлено явное смещение плечевой кости и предплечья правой руки. Они в состоянии сочленения с лопаткой и ключицей были отделены от остальной части туловища и перевернуты лопаткой вверх. Инвентарь: птицевидная нашивка и привески. **Верхний Балыклей-II, 7/1** (Скрипкин А.С., 1980, л.34; Яворская Л.В., 1997, с.158, рис.3; Круглов Е.В., 20016, с.408, рис.8, 8). Кости скелета женщины потревожены, но зафиксированная в отчете автором раскопок информация об этом не была включена в публикацию материалов комплекса. Череп человека разрушен. Грудные позвонки, кисти рук и стопы ног отсутствовали. Ребра, лопатки и кости рук смещены относительно позвоночного столба. При наличии скаковых конечностей, одна из которых была потревожена, в погребении также отсутствовал и череп коня. Инвентарь: стремени, нож, ножницы, браслеты, зеркало, бронзовые бляхи. **Зака-**

нальный, 4/4 (Мамонтов В.И., 1967, с.29, 34-36; Круглов Е.В., 20016, с.408, рис.8, 3). Череп женщины смещен и перевернут. Ребра левой половины грудной клетки, кисть левой руки и стопа правой ноги отсутствуют. Инвентарь: нож, ножницы, золотая обкладка особой бляхи, бронзовые птицевидные нашивки, копоушки и браслеты. **Калиновский, 1/3** (Шилов В.П., 1959, с.326, 329, рис.4, 6; Круглов Е.В., 20016, с.410, рис.9, 2). Череп женщины был расколот по линии глазниц на две части, отсутствуют кисти рук. **Калиновский, 42/1** (Шилов В.П., 1959, с.373, рис.21, 5, с.393; Круглов Е.В., 20016, с.408, рис.8, 12). Череп и скаковые конечности коня находились *in situ* в засыпи могилы. У скелета ребенка смещены плечевая кость и предплечье левой руки. Ребра грудной клетки, обе лопатки, ключицы, кисти и стопы обеих рук и ног отсутствуют. **Киляков-ка, 3/2** (Мыськов Е.П., 1993, с.71-74, рис.1, 9-15; 2, 1-11; Круглов Е.В., 20016, с.418, рис.13, 3). Нижняя челюсть черепа мужчины смещена. Несколько позвонков шейного и грудного отдела отсутствуют. Возможно, отсутствуют и кисти обеих рук. От шкуры коня сохранились кости задних конечностей и разбитый череп. Инвентарь: удила, стремяна, колчан, наконечники стрел. **Колобовка-I, 6/1** (Мамонтов В.И., 1973, л.14-15; Круглов Е.В., 20016, с.424, рис.16, 3). Череп мужчины смещен и перевернут. На плане погребения не отмечены лопатки и ключицы погребенного. Череп коня разрушен, при наличии задних скаковых конечностей, кости передних не обнаружены. Инвентарь: стремяна. **Комсомольский, 1/1** (Мамонтов В.И., 1976, л.4-5) (рис.2). *In situ* сохранились отдельные кости грудной клетки, плечевые кости обеих рук, локтевая кость левой руки взрослого человека. Берцовые кости и стопы ног разрушены грабительским лазом, также уничтожившим и нижерасположенное основное погребение кургана. Остальная часть захоронения не была затронута грабителями, однако предплечье правой руки, лучевая кость левой руки, кисти обеих рук, поясничные позвонки и тазовые кости отсутствовали, а череп, отдельные ребра, бедренные кости ног погребенного оказались смещены. При наличии черепа коня, находившегося над останками человека, костей скаковых конечностей в могиле обнаружено не было. Инвентарь: удила, накладки сложного лука, наконечники стрел. **Красный Яр, 17/1*** (Пшеничнюк А.Х., 1984, л.17-18). Нижняя челюсть погребенного мужчины смещена вправо, на черепе имеется пробитое круговое отверстие. Кисть и кости предплечья правой руки отсутствовали. Зафиксировано наличие фаланг лишь двух задних скаковых конечностей коня. Череп и передние скаковые конечности животного отсутствовали. Инвентарь: рого-

вые накладки лука, железные наконечники стрел. **Кривая Лука-III, 1/11** (Дворниченко В.В. и др., 1977, с.32). У скелета юноши череп несколько приподнят, стопы ног отсутствуют. Инвентарь: кресало. **Кривая Лука-VI, 1/5** (Дворниченко В.В. и др., 1977, с.61-62, 136, 172, 175, 178, рис.45; 81, 1; 84, 4; 87, 6; Круглов Е.В., 20016, с.418, рис.13, 7). У скелета зрелого мужчины отсутствуют ключица, лопатка, ребра левой половины грудной клетки, кисти обеих рук. Плечевая кость и предплечье левой руки находятся в естественном сочленении. Кости правой руки смещены к позвоночному столбу. Перекрытие, прослеженное слева и справа над останками погребенного, непосредственно над скелетом не фиксировалось. Оно могло быть уничтожено только при разрушении костей грудной клетки скелета. При наличии сбури, череп и скаковые конечности коня отсутствуют. Инвентарь: стремя, наконечники стрел, щиток пряжки. **Лбище, -/4** (Васильев Д.В., 1993, л.13-14; Круглов Е.В., 20016, с.422, рис.15, 5-6). Д.В.Васильевым, автором раскопок, был зафиксирован разворот верхней части скелета погребенного вправо. Кости правой руки, в состоянии сочленения с лопаткой и ключицей, оказались смещены к виску. Отмечено отсутствие кисти левой руки, плюсны и фаланг пальцев обеих ног. Инвентарь: удила, стремяна, кресало, нож. **Ленинск, 3/7** (Шилов В.П., 1956, л.12-13; Круглов Е.В., 20016, с.420, рис.14, 10). Череп, плечевые кости рук скелета взрослого мужчины смещены. Кости предплечья правой руки, большинство ребер грудной клетки, лопатки и ключицы, поясничные позвонки, левое крыло таза, крестец, кисти рук, кости стопы левой ноги отсутствуют. При наличии в погребении копыта коня, череп и другие конечности отсутствуют. Инвентарь: обойма кармана сумки, бляхи, бронзовый наконечник стрелы. **Новоузенск, 2/1*** (Ким М.Г., 1977, л.25-26). Скелет погребенного потревожен. План захоронения (в отчете) и полевая фотография не соответствуют друг другу. Череп сдвинут и обращен лицевой стороной на север. Значительная часть ребер сдвинута, большая часть костей правой стороны грудной клетки смещены за череп человека. Лопатка и кости правой руки сдвинуты ближе к черепу и к позвоночному столбу. Кости левой руки, наоборот, отодвинуты в сторону от погребенного. Кисти рук и стопы ног отсутствуют. Инвентарь: остатки колчана с железными креплениями каркаса и костяной крышкой кармана, железные наконечники стрел. На крышке кармана колчана вырезано граффити. **Осинки-I, 4/1*** (Пятых Г.Г., 1975, л.3). Скелет погребенного частично разрушен. Отсутствуют: кости левой стороны грудной клетки, кисть правой руки, берцовые кости одной ноги и большая берцовая кость другой, стопы ног. Смещены: лопатка,

плечевая и кости предплечья правой руки, правое крыло таза. Инвентарь: железная пряжка. **Первомайский-VII, 12/3** (Мамонтов В.И., 2000б, с.15, рис.34, 7; 38, 5-9; Круглов Е.В., 2001б, с.418, рис.13, 2). У скелета мужчины смещены череп и кости правой руки. Правая лопатка и ключица отсутствуют. При наличии скаковых конечностей шкуры и предметов сбруи, череп коня не был обнаружен. Инвентарь: стремяна, колчан, наконечники стрел, накладки лука, соединительное кольцо. **Светлое Озеро, 6/6** (Ляхов С.В., 1997, с.219, рис.2, с.222; Круглов Е.В., 2001б, с.418, рис.13, 1). Череп погребенного отодвинут от шейных позвонков, нижняя челюсть расположена отдельно. Плечевая кость правой руки находится на костях грудной клетки, кости предплечья отсутствуют. Крестец и правое крыло таза смещены к черепу. При наличии скаковых конечностей, отсутствует череп коня. Инвентарь: колчан, наконечники стрел, нож. **Свинуха, 13**¹⁹(Арзютов Н.К., 1930, с.11-12; Гарустович Г.Н. и др., 1998, с.199-200, 328, табл.ХХV, 1-2, 6-12, 22) (рис.7, 3-4). Основное погребение. У скелета ребенка, лежащего в колоде, отсутствуют череп, кости левой руки, предплечье правой руки, берцовые кости и ступни ног. Кости таза и грудной клетки смешаны. In situ сохранились бедренные кости и плечевая кость правой руки. Инвентарь: удила, пряжка, игральные альчики, свинцовый грузик-пломба. **Солянка, 3/1** (Скворцов Н.Б., 2000, л.18-20; Круглов Е.В., 2001б, с.420, рис.14, 13). Зафиксирован лаз в северную часть могильной ямы погребения. In situ сохранились кости таза, ног и позвоночного столба скелета мужчины. Нижняя челюсть смещена к левому плечу, остальные кости черепа отсутствовали. Плечевая кость и предплечье левой руки вместе с левой лопаткой и ключицей сдвинуты к тазу. Ребра левой половины грудной клетки, правые лопатка и ключица, плечевая кость правой руки, а также кисти обеих рук отсутствуют. Ребра правой половины грудной клетки и предплечье правой руки смещены к южной стенке могильной ямы. Налицо явно выборочный характер разрушения скелета погребенного, при котором непо потревоженными остались кости позвоночного столба. При наличии стремян, костей коня не обнаружено. Инвентарь: стремяна,

колчан, накладки лука, бубенчик, нож. **Средняя Ахтуба, 1/5** (Шилов В.П., 1958, л.4; Круглов Е.В., 2001б, с.410, рис.9, 8). Ребра грудной клетки скелета женщины перемешаны, кисти обеих рук отсутствуют. При наличии черепа коня, скаковые конечности шкуры отсутствуют. **Средняя Ахтуба, 3/5** (Шилов В.П., 1958, л.15) (рис.6, 10). Скелет женщины лежал в гробу. Локтевая кость правой руки смещена к колену. Череп разрушен и смещен, ребра и позвонки на плане погребения не отмечены. Лопатки и ключицы не потревожены. Инвентарь: перстень и щиток пряжки. **Средняя Ахтуба, 3/6** (Шилов В.П., 1958, л.15-16) (рис.6, 12). У скелета лежащей в гробу женщины отсутствуют предплечье левой руки, кисти рук. Череп смещен. **Старица, 21/5** (Шилов В.П., 1961, л.36-37; Круглов Е.В., 2001б, с.410, рис.9, 11-12). У скелета женщины смещена часть ребер левой половины грудной клетки, отсутствуют кисти рук и стопы ног. Инвентарь: предметы сбруи, бронзовые бубенчики, птицевидные нашивки, ключи. **Степана Разина, 1/10** (Мерперт Н.Я., 1957, л.36-37; 1967, с.93; Круглов Е.В., 2001б, с.408, рис.8, 4). Погребение взрослого человека с размерами карлика. Зубы сильно стертые, швы деформированного черепа срослись. In situ у скелета сохранились череп, плечевые кости рук, грудной и поясничной отделы позвоночного столба, таз и бедренные кости ног. Смещены ребра, шейные позвонки. Предплечье и кисти обеих рук, берцовые кости и стопы обеих ног, а также отдельные ребра и позвонки отсутствовали. Инвентарь: бронзовые серьга, птицевидные нашивки, привески, бубенчик, глиняный сосуд. **Степана Разина, 2/3** (Мерперт Н.Я., 1957, л.37; 1967, с.96-97). У скелета взрослого человека отсутствуют кисти обеих рук, разрушена нижняя челюсть, сдвинуты и перемешаны ребра левой половины грудной клетки, левые лопатка и ключица. **Степана Разина, 4/2** (Мерперт Н.Я., 1957, л.37; 1967, с.96-97) (рис.5, 1). Верхняя часть скелета взрослого человека разрушена. Череп перевернут. Длинные кости рук, ребра, шейные и грудные позвонки смещены. Предплечье правой руки и кисти обеих рук отсутствуют. **Торгунское, 1/5** (Лукашов А.В., 1982, л.7-8; Круглов Е.В., 2001б, с.420, рис.14, 12). В засыпи и на дне северо-западной части могильной ямы находи-

¹⁹ К погребению приписываются хранящиеся в фондах СОМК (Инв. № 30425-30428) серебряная серьга и бляхи поясного набора, упоминание о которых в тексте полевого отчета Н.К.Арзютова, автора раскопок, отсутствует. Скаковые конечности коня из этого захоронения отчленены по 3-й сустав, что было характерно для золотоордынского времени, к которому относятся и все остальные средневековые погребения этого могильника. К IV хронологическому периоду относил это захоронение и Г.А.Федоров-Давыдов (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.255, № 281). Не является ли использование данного памятника в составе огузо-печенежских древностей досадной ошибкой, а приписанный к нему инвентарь происходит из какого-то иного объекта?

лись разбросанные кости верхней части скелета взрослого человека. Остальные кости скелета отсутствуют. Инвентарь: бляхи и бубенчик. Сохранившиеся кости погребенного и вещи были обнаружены вне грабительского раскопа, уничтожившего всю остальную часть захоронения. **У-85** (Барун), **1/5** (Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1985, л.20-21; Круглов Е.В., 20016, с.416, рис.12, 6). На плане погребения зафиксировано смещение черепа, костей грудной клетки, плечевой кости правой руки скелета мужчины. Предплечье и кисть правой руки не отмечены. На скелете человека лежали кости коня: на груди – череп, на тазе и за ступнями – скаковые конечности растянутой шкуры. Инвентарь: золотая серьга, накладки лука, удила, наконечники стрел, нож, колчан, кресало, пряжки. **У-85** (Барун), **4/2** (Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1985, л.40, 44-46; Круглов Е.В., 20016, с.418, рис.13, 13). У скелета мужчины отсутствуют кисти обеих рук. Предплечье правой руки смещено. Инвентарь: со шкурой коня – покрытые серебряными инкрустированными пластинами стремяна, седло, украшенное декоративной бронзовой аппликацией и бляхами, с погребенным – бусина. **Царев, 23/1** (Мамонтов В.И., Ситников А.В., 1993, с.203-204, рис.8, 8-11; 9, 2; 10, 3-5; Круглов Е.В., 20016, с.408, рис.8, 13). Череп, лопатки и ключицы, ребра грудной клетки, позвонки скелета женщины смешаны в местах своего первоначального расположения. Возможно, отсутствовали тазовые кости, не отмеченные на плане. *In situ* сохранились только лишь кости рук и ног. Инвентарь: бляхи, колчан, наконечник стрелы, нож, глиняный сосуд. **Челкар-II, 8/1** (Кушаев Г.А., 1968) (рис.5, 5). Юго-западная часть могильной ямы разрушена, частично скрыта ступенька. Череп взрослого человека смещен и перевернут. Ключица, плечевая кость и предплечье правой руки в состоянии сочленения смещены, кисть правой руки отсутствует. Кости левой руки также смещены, предплечье и кисть – в сочленении. Левое крыло таза и часть ребер левой половины грудной клетки смещены. Череп коня разрушен, кости вынесены в насыпь. При наличии в погребении трех скаковых конечностей шкуры, кости четвертой конечности отсутствуют. Инвентарь: копые.

в. Смещение костей нижней части скелета, удаление костей

Ленинск, 4/4 (Шилов В.П., 1956, л.26-28; Круглов Е.В., 20016, с.424, рис.16, 9). *In situ* сохранились ребра, шейные и грудные позвонки, кости обеих рук и левой ноги скелета мужчины. Череп, лопатки, ключицы, поясничные позвонки, кисть правой руки, правое крыло таза, берцовые кости и стопа правой ноги отсутствуют. Крестец, левое крыло таза и бедренная кость правой ноги смещены. Потребованы череп и кости скаковых конечностей шкуры коня. Инвентарь: стремяна, удила, фрагменты сабли, накладки лука, нож, пряжка и большое количество бронзовых блях. **Никольевка, -/1²⁰** (Цыбин М.В., 1986, с.257, 260, рис.2, 2) (рис.6, 13). У скелета взрослого человека были смещены бедренные и берцовые кости ног. Ребра, позвонки, предплечья, кисти обеих рук, таз и стопы ног отсутствуют. Кости коня разделены на две части: череп и передние конечности располагаются *in situ* на ступеньке, задние конечности смещены и находятся на дне ямы вместе с погребенным. Та часть ступеньки, где они первоначально должны были располагаться, скрыта. Инвентарь: удила, стремяна.

г. Смещение костей верхней и нижней частей скелета, удаление отдельных костей

Волчанский, 6/1 (Васильева И.Н., 1985, с.173-178, рис.1; Круглов Е.В., 20016, с.420, рис.14, 5). Скелет мужчины сильно разрушен. *In situ* сохранились отдельные кости ребер, предплечья рук, кисть правой руки, крестец, правое крыло таза, бедренная кость правой ноги человека, под которыми была зафиксирована подстилка из коры. Бедренная кость левой ноги погребенного смещена. Рядом с этими костями находились не отмеченные авторами раскопок на плане захоронения остатки черепа человека, а также лежащие в общей куче лопатки, позвонки, скаковые конечности, копыта и остатки черепа коня. Плечевые кости рук, большая часть ребер и позвонков грудного отдела, кисть левой руки, левое крыло таза, берцовые кости и стопы ног погребенного отсутствовали. И.Н.Васильева, опубликовавшая материалы этого памятника, объясняет разрушение захоронения исключительно только

²⁰ Бескурганное грунтовое погребение датировано X-XI вв., но основания для этого только стратиграфические – захоронение было перекрыто слоем славяно-русского поселения XII-XIII вв. (Цыбин М.В., 1986, с.257). Отчленение скаковых конечностей коня по 3-й сустав говорит о его довольно поздней дате. Возможно, это – памятник кочевников чернокопобуцкого круга XI-XII вв. В этом случае использование его среди огузо-печенежских материалов является ошибкой.

деятельностью землеройных грызунов. Но как грызуны могли сместить череп человека, сложить в одну кучу череп и кости коня и куда-то деть остальные кости погребенного, она оставила без объяснения. Инвентарь: стремяна, кресало, колчан, наконечники стрел, нож. **Громки, 3/1** (Мамонтов В.И., 1977, л.20; Круглов Е.В., 20016, с.420, рис.14, 2). Череп, кости правой руки и ног скелета мужчины смещены. Кисти рук и тазовые кости отсутствуют. In situ сохранились кости левой руки, ребра и позвонки. **Красный Октябрь, 1/2**, Волгогр.обл. (Новожилов В.В., Клепиков В.М., 1997, с.65, 77, 79, рис.8, 2; 10, 5-8; Круглов Е.В., 20016, с.416, рис.12, 1). Череп скелета погребенного мужчины раздроблен. Шейные и грудные позвонки удалены вместе с лопатками. Несколько ребер смещены. Отсутствует кисть левой руки. Берцовые кости и стопы ног раздроблены и разбросаны по дну могилы на месте первоначального расположения, часть костей удалена. Над погребенным находились передние скаковые конечности шкуры коня в сочленении (находка в насыпи Г), без черепа и задних конечностей. Инвентарь: накладки лука, колчан, наконечники стрел. **Ленинск, 3/2** (Шилов В.П., 1956, л.6, 8-9; Круглов Е.В., 2001, с.420, рис.14, 9). Череп, плечевая кость и предплечье левой руки, часть ребер, бедро левой ноги смещены. Часть ребер, позвонки, плечевая кость и предплечье правой руки, кисти рук и стопа левой ноги скелета отсутствуют. In situ сохранились тазовые кости, бедренная, берцовые кости и стопа правой ноги. Обнаруженные в насыпи могилы кости копыт и скаковых конечностей коня потревожены, череп отсутствовал. Инвентарь: стремяна, фрагменты сабли, накладки лука, наконечники стрел, бляха, пряжки. **Маляевка-V, 6/1** (Сергацков И.В. и др., 2001, с.17-18, 43, рис.3, 4; Круглов Е.В., 20016, с.416, рис.12, 12). Заполнение могильной ямы было до глубины -1,05 м потревожено грабительской воронкой. Располагавшиеся на перекрытии череп и скаковые конечности шкуры коня были перемещены в заполнение соседнего захоронения. До дна могилы 6/1 (-1,35 м) грабители не дошли. Тем не менее, обнаруженные кости скелета мужчины оказались потревожены. Череп погребенного был смещен. Лопатки, ключицы, верхняя часть ребер, шейные и грудные позвонки, плечевые кости и кисти рук, берцовые кости и стопы ног отсутствовали. In situ сохранились поясничные позвонки, нижняя часть ребер, предплечья рук, таз и бедренные кости ног. Инвентарь: стремяна, нож, пряжка, остатки колчана. **Маяк Октября-90, 1/1** (Комаров А.М. и др., 1990,

л.18-19; Круглов Е.В., 20016, с.408, рис.8, 15; 14, 1²¹). Нижняя челюсть черепа женщины, шейные и грудные позвонки смещены к ребрам правой стороны грудной клетки, один позвонок находился между ног. Берцовые кости правой ноги отсутствуют, стопа этой ноги оказалась смещена. При наличии предметов сбруи и фаланги одной скаковой конечности коня, череп и остатки других конечностей отсутствуют. Инвентарь: стремя, бубенчики, зеркало, нож, кинжал. **Мирное, 1/6** (Ляхов С.В., 1997, с.225-226, 228, рис.5; Круглов Е.В., 20016, с.408, рис.8, 6). Скелет ребенка сильно поврежден. Бедренная кость правой ноги смещена. На плане погребения отсутствуют позвонки, предплечья и кисти обеих рук, правое крыло таза, берцовые кости и стопы обеих ног. Остальные кости скелета не потревожены. Среди них был собран разнообразный инвентарь: птицевидные нашивки, привески, бубенчики, перстень, бусы, костяные ложка, ковш, пряжка и пронизка. **Сухая Саратовка, 1/5** (Галкин Л.Л., 1975, л.2-4; Ляхов С.В., 1997, с.226-227, 229, рис.6; Круглов Е.В., 20016, с.408, рис.8, 1, 2). Кости рук, ребра, тазовые и берцовые кости и стопы ног скелета женщины отсутствовали. In situ сохранились отдельные кости черепа, позвоночный столб, бедренные кости ног. В насыпи могилы на деревянном перекрытии in situ были зафиксированы череп и кости скаковых конечностей растянутой шкуры коня. Инвентарь: ножницы, зеркало, бубенчики, птицевидные нашивки, привески, бусы, бляхи. **Трясиновский, 1/1** (Мышкин В.Н., Турецкий М.А., 1993, с.27-29, рис.1, 1-5; Круглов Е.В., 20016, с.420, рис.14, 3). У скелета взрослого человека отсутствуют лопатка и большинство ребер левой половины грудной клетки, предплечье левой руки, кисти обеих рук, стопа левой ноги. Отдельные ребра правой половины грудной клетки смещены. Берцовая кость левой ноги разрушена, возможно, была сломана. Череп коня разрушен, от него сохранились лежащие поверх правой плечевой кости десять зубов. Сохранились три из четырех скаковых конечностей шкуры коня. Инвентарь: стремяна, нож и пряжка. **Эвдык-I, 7/8** (Шилов В.П., 1983, л.7; Круглов Е.В., 20016, с.416, рис.12, 11). Большинство костей скелета ребенка отсутствовали, череп смещен. In situ сохранились берцовые кости ног, по которым определены поза и ориентировка погребенного, остатки органической подстилки. Над скелетом – смещенные череп коня без нижней

²¹ В данном издании план погребения воспроизведен дважды. Подпись к рис.14, 1 содержит досадную опечатку.

челюсти и две скаковые конечности шкуры. Инвентарь: удила, стремяна.

д. Смещение костей верхней и нижней частей скелета, связывание ног

Рубежка, -/3 (Кригер В.А., Железчиков Б.Ф., 1980, с.300, рис.1; Круглов Е.В., 20016, с.424, рис.16, 10). Череп мужчины перевернут, его нижняя челюсть смещена к левому крылу таза и предплечью левой руки. Бедренные кости ног перекрыты выше колен. Отсутствие ребер и смещение берцовых костей обеих ног у погребенного на плане захоронения, опубликованном авторами раскопок, не подтверждается полевой фотографией памятника. На фото ясно видны все ребра, и зафиксировано смещение только лишь большеберцовых костей, малоберцовые, продолжавшие направление бедренных костей, сохранили расположение *in situ*. Рядом с черепом человека находились разрушенные кости черепа коня. Скаковые конечности шкуры не зафиксированы. Инвентарь: удила, нож, пряжки, накладка лука, фрагменты керамики.

е. Смещение костей верхней части скелета, удаление отдельных костей, связывание ног

Нежинское, 1/4 (Кривцова-Гракова О.А., 1928, с.288, рис.1) (рис.5, б). Плечевая кость и предплечье правой руки погребенного мужчины, ребра правой стороны грудной клетки смещены. Кисти рук, тазовые кости, крестец, стопы обеих ног на плане отсутствуют. Кости ног согнуты в коленях вправо и сведены голеностопными суставами. При наличии черепа коня, кости скаковых конечностей шкуры отсутствуют. Инвентарь: удила, пряжки, бляхи. **Степана Разина, 4/3** (Мерперт Н.Я., 1957, л.37; 1967, с.96-97). Скелет взрослого человека развернут на правый бок. Ключицы и лопатки плечевых отделов, кисти рук погребенного отсутствуют. Кости грудной клетки смещены. Ноги согнуты в коленях.

ж. Смещение костей верхней и нижней частей скелета, удаление отдельных костей, связывание ног

Кировский-II, 2/2 (Васильева И.Н., 1979, с.232-233, рис.16) (рис.5, 10). Кости обеих рук, лопатка, ключица и ребра левой стороны грудной клетки, правое крыло таза, берцовые кости правой ноги у скелета взрослого человека отсутствуют. Ребра правой стороны грудной клетки смещены. Кости левой ноги погребенного согнуты в коленном суста-

ве. Кости черепа, правая лопатка и ключица, шейные и грудные позвонки сохранились в сочленении. В сочленении находились и поясничные позвонки, крестец и левое крыло таза, кости левой ноги, бедренная кость правой. Кости верхней и нижней частей скелета между грудными и поясничными позвонками смещены относительно друг друга. Смещение составляет 0,3-0,4 м и не может быть связано с деятельностью грызунов. Видимо, еще до полного истлевания мягких тканей и связок скелет погребенного непосредственно в могильной яме был рассечен и растянут на две части. Верхние поясничные позвонки были расположены с некоторым изгибом по отношению к основной оси скелета. Инвентарь: колчан, наконечники стрел, бляхи. **Успенка, -/1** (Шнайдштейн Е.В., 1989, с.269-271, рис.1; Круглов Е.В., 20016, с.408, рис.8, 16). Грунтовое бескурганное погребение было случайно обнаружено на склоне оврага на самом краю первой надпойменной террасы левого берега р. Ахтуба. Южная сторона могильной ямы была разрушена современной траншеей, в которой еще до начала раскопок оказались отдельные кости черепа и скаковых конечностей коня, характер и местоположение которых остались не выясненными. *In situ* у скелета женщины сохранились череп, ребра правой стороны грудной клетки, поясничные позвонки, кости обеих рук, таза и бедер. Зафиксировано смещение костей левой стороны грудной клетки, грудных и шейных позвонков, ребер. Берцовые кости и стопа левой ноги отсутствуют. Частично сохранилась смещенная большеберцовая кость правой ноги, возможно, сломанная. Пяточная кость правой ноги была обожжена. Е.В.Шнайдштейн, автор раскопок, предположила, что разрушенные ниже колен кости ног погребенной могли быть связаны кожаным ремнем, украшенным 67 серебряными бляхами, но, судя по известным аналогиям, вполне вероятно, что данные бляхи могли быть и остатками украшений кожаных сапог. Инвентарь: серебряные серьга и перстень, бронзовые браслеты, обтянутые золотой фольгой особые бляхи, 225 серебряных блях, 973 бисерины, нож, ножницы (рис.8, 1-21).

з. Переворачивание тела, смещение костей верхней и нижней частей скелета, удаление отдельных костей, связывание ног

Кара Оба, 10/1 (Синицын И.В., 1952, с.72, рис.30; 1956, 130-131) (рис.5, 7). В засыпи могильной ямы зафиксировано пятно перекопа, при расчистке которого обнаружены смещенные сюда кости скелета человека: тазовые, бедро левой ноги, поясничные позвонки, крестец. Здесь же был обна-

ружен глиняный сосуд. На дне могильной ямы *in situ* обнаружены остальные кости скелета мужчины, лежащего на животе, лицом вниз. Кисти рук упирались в дно, локти подняты вверх. Кости ног ниже колен перекрещены. Инвентарь: колчан, соединительные кольца, пряжка, накладки лука, наконечники стрел.

б. Значительное или полное разрушение (смещение) останков погребенных

Акбулак (Зарецкий И.А., 1941, с.153). При раскопках колодцем небольшого кургана был обнаружен полностью разрушенный скелет взрослого человека, перекрытый песчаниковыми плитами. На поверхности плит были найдены обломки черепа коня. Инвентарь: с человеком – фрагменты железных предметов; с конем – фрагменты удила, стремян, соединительные кольца, костяной наконечник стрелы, бронзовые пряжка и бляхи. **Бахтияровка-II, 55/5** (Кригер В.А., 1983, л.23, 27-28; Круглов Е.В., 2001б, с.420, рис.14, 14). В засыпи могильной ямы зафиксированы остатки деревянного перекрытия. На нем располагались кости коня: у западного края череп, от которого сохранились только небольшие фрагменты и зубы, в центре и у восточного края – скаковые конечности растянутой шкуры. На дне ямы – полностью разрушенный скелет мужчины, кости которого, однако, были не беспорядочно разбросаны, а только лишь слегка потревожены непосредственно на местах их первоначального расположения. Поза и ориентировка погребенного определены. Прослежены следы камышовой подстилки. Инвентарь: стремяна, наконечники стрел, сабля, колчан, кресало, кремь, черешки стрел, пряжка, бляхи. В северо-восточном углу могилы *in situ* обнаружены кожаные подпружные ремни, украшенные набором бронзовых блях и решм. **Большой Царыи, 3/5** (Цуцкин Е.В., 1977, л.19). Ниже воронки позднего перекопа на одной глубине были обнаружены сильно потревоженные кости скелета взрослого человека, по расположению которых была установлена ориентировка погребенного. Инвентарь: бронзовые бляхи, свинцовый грузик-пломба. **Быково-I, 21/3** (Мерперт Н.Я., 1957, л.7-8; Круглов Е.В., 2001б, с.420, рис.14, б). Скелет взрослого человека, сопровождаемого конем, оказался полностью разрушен. Поза и ориентировка его, предположительно, были определены. Инвентарь: удила, седло. **Верхнепогромное-II, 15/2** (Шилов В.П., 1957, л.71-72). Отмечена плохая сохранность большинства костей скелета ребенка, характер которой в условиях отсутствия плана погребения не определен. Инвентарь: птицевидные нашивки, привески, зеркало. **Дюкер, 27/5** (Цуцкин Е.В., 1982,

л.112-115). Скелет взрослого человека был полностью разрушен. Ориентировка погребенного установлена. В заполнении и среди костей человека находились череп и скаковые конечности коня. Прослежены остатки деревянного перекрытия и подстилки. Инвентарь: стремяна, бляха. **Жарсуат-I, 1/2** (Железчиков Б.Ф., 1998, с.58, рис.38, 2). Погребение обнаружено в заполнении могильной ямы более раннего захоронения. Полностью перемешанные кости скелета взрослого человека и остатки инвентаря находились в полном беспорядке на дне ямы. По сохранившимся *in situ* берцовым костям ног поза и ориентация погребенного установлены. Зафиксировано наличие деревянного перекрытия и расположенных на нем скаковых конечностей коня, количество которых не было определено. Череп коня не зафиксирован. Инвентарь: кресало, костяной наконечник стрелы. **Калиновский, 4/1** (Шилов В.П., 1959, с.340, рис.9, 1; 66, 26; 67, 5, 11-12; 69, 1-4, 8-9, 14; 71, 10). Захоронение мужчины было полностью разрушено. Ориентировка и поза погребенного не установлены. Грабительским раскопом уничтожена восточная часть могильной ямы. Останки скелета человека, барана, скаковые конечности разрушенной шкуры коня, а также весь инвентарь: стремяна, кресало, нож, пряжка и бляхи были обнаружены в полностью перемешанном состоянии в западной и центральной частях могильной ямы вне грабительского раскопа. В засыпи этой части ямы был обнаружен череп коня без нижней челюсти, заполнение ямы имело обычный темный цвет и было насыщено обильными вкраплениями углей. **Калиновский, 9/3** (Шилов В.П., 1959, с.339, рис.9, 1, с.356; Круглов Е.В., 2001б, с.408, рис.8, 11). Кости скелета подростка находились в полном беспорядке. Череп и верхние позвонки были обожжены. Ориентировка и поза погребенной установлены. Инвентарь: привеска. **Капитанский, 11/1** (Шилов В.П., 1964, л.26-27). Останки скелета взрослого человека и череп коня полностью перемешаны на местах своего первоначального расположения. Инвентарь: фрагменты стремян, пряжки, наконечник стрелы, накладки лука. **Карасу-I, 1/1** (Кушаев Г.А., 1974, л.21-29) (рис.4, б). В центре насыпи – воронка. Скелет мужчины и шкура коня полностью разрушены. Скаковые конечности коня были разбросаны на разной глубине в засыпи ямы. Скопление костей человека и череп коня обнаружены на дне ямы. По сохранившейся *in situ* бедренной кости правой ноги погребенного его поза и ориентировка были установлены. Инвентарь: удила, стремяна, пряжка, копьё, фрагменты сабли, наконечник стрелы, кольчужные кольца, накладки лука, колчан, накладка передней луки седла. **Карасу-I, 4/6 Б** (Кушаев Г.А., 1974, л.21-29) (рис.4, 2). Погребение на-

ходилось в заполнении могильной ямы захоронения б А раннего железного века. Все кости скелета человека, а также череп и скаковые конечности коня, могильный инвентарь находились на одной глубине. Скелет человека был полностью разрушен, но его разбросанные останки сохраняли определенную степень упорядоченности. Череп находился у восточной стенки, возможно, скелет до разрушения был ориентирован на СВ. Перемешанные ребра правой и левой половин грудной клетки располагались отдельно друг от друга по обе стороны от сохранивших положение *in situ* позвонков. Кости ног, таз и крестец смещены к черепу, а кости рук концентрировались по центру ямы. Севернее костей человека располагались скаковые конечности коня, также лежащие в положении *in situ*. Передние скаковые конечности вместе со стременем находились в центре ямы, задние – у восточной стенки. Остатки черепа коня обнаружены в центре. Инвентарь: птицевидная нашивка, бубенчик, нож, накладки лука. **Киляковка, 4/2** (Мыськов Е.П., 1993, с.73, 79-80, рис.2, 12-16; Круглов Е.В., 20016, с.408, рис.8, 17). Кости скелета женщины, скаковые конечности коня, бронзовые бляхи и некоторые другие невыразительные остатки погребального инвентаря обнаружены как в заполнении, так и на дне могилы. На дне ямы фиксировались остатки растительной подстилки и угля. **Кривая Лука-III, 1/23** (Дворниченко В.В. и др., 1977, с.36, 172, 178, 180-181, рис.22; 81, 2; 87, 3, 5; 89, 3; 90; Круглов Е.В., 20016, с.416, рис.12, 8). Кости скелета мужчины, череп и кости скаковых конечностей шкуры коня были полностью перемешаны на местах первоначального расположения. *In situ* сохранилась правая стопа погребенного, по положению которой была установлена его ориентировка. На дне ямы – камышовая подстилка, в заполнении, на перекрытии – череп и одна скаковая конечность коня. Инвентарь: накладки лука, наконечник стрелы, оббивка верхнего края деревянного сосуда, бляхи и соединительное кольцо. **Кривая Лука-XV, 2/9** (Дворниченко В.В. и др., 1975, л.184-185). Кости скелета мужчины, лежащего в дощатом гробу, а также череп и конечности шкуры коня разрушены. *In situ* сохранились большая берцовая кость правой ноги и малая берцовая левой, по которым установлены поза и ориентировка погребенного. Инвентарь: смещенные пять фрагментов концевых и две, лежащие *in situ*, срединные накладки лука, колчан, наконечник стрелы, пряжка. **Покровка-II, 1/1** (Веддер Дж. и др., 1993, с.23-24, 26, 90, рис.22; Круглов Е.В., 20016, с.420, рис.14, 4). Могильная яма имеет форму трапеции, ограни-

ченную размерами 1,1x0,8x0,6 м, заполнение которой состояло из супеси, насыщенной вкраплениями угля и древесного тлена. В яме расширены останки скелета взрослого мужчины, аккуратно уложенные плотным скоплением. Среди костей найдена бронзовая пряжка. Авторы раскопок интерпретируют комплекс как вторичное перезахоронение. **Сары Айдин, 4/1** (Синицын И.В., 1956, с.101). Скелет человека разрушен. Инвентарь: нож. **Солодовка, 5/4** (Мыськов Е.П., 1993, с.81-83, рис.5, 10-17; Круглов Е.В., 20016, с.416, рис.12, 4²²). Кости скелета мужчины были полностью перемешаны на местах первоначального расположения. Ориентировка погребенного определена предположительно. В западной части ямы над костями человека *in situ* обнаружены кости черепа, а в восточной части – четыре смещенные скаковые конечности и копыта сложенной шкуры коня. На черепе животного находились бронзовые бляхи уздечных ремней. С погребенным: накладка лука, наконечники стрел, колчан. **Старица, 21/3** (Шилов В.П., 1961, л.32, 34; Круглов Е.В., 20016, с.416, рис.12, 3). Останки скелета мужчины перемешаны в местах своего первоначального расположения. Отдельные кости скелета находились в сочленении. Поза и ориентировка погребенного установлены. Прослежены остатки растительной подстилки. Инвентарь: колчан, наконечники стрел, нож, пряжка. **Степана Разина, 4/1** (Мерперт Н.Я., 1957, л.37; 1967, с.97). Погребение разрушено. Сложные кости скелета взрослого человека обнаружены у более широкой стенки могильной ямы. **Тамар Уткуль** (Кумакский, также Черный Яр), 1 (Смирнов К.Ф., 1956, л.29-30). Основное погребение было полностью разрушено ямой, в своих размерах практически полностью совпадавшей с размерами самой могилы. Ее заполнение состояло из большого количества пережеванной земли, древесного угля, кусков тонких необожженных кольев и хвороста, остатков деревянного поперечного перекрытия. В заполнении этой ямы, располагаясь на остатках перекрытия, были выявлены разбросанные, но хорошо сохранившиеся обломки черепа, копыт, пальцевых и пястных фаланг двух скаковых конечностей коня. Костей двух других скаковых конечностей зафиксировано не было. Частично вместе с костями коня, частично на дне могильной ямы, на месте первоначального естественного расположения находились разбросанные кости скелета взрослого мужчины, имевшие довольно хорошую сохранность. Их общее расположение позволило автору раскопок установить позу и ориентировку погребенного. Череп коня покрыт

²² План погребения в данном издании по ошибке был перевернут.

обрывками кожаных уздечных ремней, в свое время украшенных бронзовыми и серебряными бляхами, из которых, однако, удалось сохранить только одну. Все остальные предметы инвентаря также были собраны среди костей человека и коня: обкладки боковых граней полок седла, железные пряжка и соединительное кольцо, остатки колчана с железными креплениями каркаса и костяной накладкой кармана, срединная и фронтальная тыльная накладки лука, золотая серьга. Семь железных наконечников стрел найдены в колчане в положении *in situ*. Ханата, 5/18 (Шнайдштейн Е.В., 1985, с.79; Круглов Е.В., 20016, с.420, рис.14, 7). Останки скелета взрослого человека, череп и скаковые конечности коня полностью перемешаны на местах своего первоначального расположения. Ориентировки человека и коня определены. Инвентарь: бронзовые бляхи. Шульц (Красный Октябрь), F 10/16 (Гарустович Г.Н. и др., 1998, с.188). Обнаружено полностью перемешанное скопление костей скелета человека и скаковых конечностей коня. Инвентарь: удила, бляхи.

Б. Особенности сохранности останков погребенных в совместных и коллективных захоронениях кочевников Северного Прикаспия

Совместные захоронения относятся к особым типам погребений средневековых кочевников. Различаются:

– одновременные парные подзахоронения одного погребения к другому в одну могильную яму: Калиновский, 28/1 и 28/2; Кос Оба, 11/1 и 11/2; У-85 (Барун), 3/3 и 3/4; Эльтон-85, 7/2, скелеты 1 и 2;

– одновременные двойные (Вертячий, 7/5, скелеты 1 и 2; Заплавное-I, 3/6; скелеты 1 и 2; Колобовка-III, 1/3, скелеты 1 и 2) и коллективные погребения (Старица, 30/4, скелеты 1-4);

– неопределенные парные (Никольское-V, 1/4, скелеты 1 и 2) и двойные (Карасу-I, 24/1 и 24/2; Покровка-VIII, 1/8 и 1/9).

По степени сохранности останков выделяются неповрежденные и разрушенные (полностью или частично) погребения.

1. Полностью разрушенные погребения

Карасу-I, 24/1 и 24/2 (Кушаев Г.А., 1975, л.44) (рис.5, 8). Основное погребение 24/2 принадлежит взрослому человеку, сопровождаемому останками скаковых конечностей коня, зафиксированных на разных глубинах в засыпи могильной ямы. Наличие черепа коня не оговаривается. Впускное захоронение 24/1 принадлежит

ребенку и располагается в засыпи основного. По расположению отдельных костей скелета была определена ориентировка погребения 24/2. Инвентарь: фрагменты железных удил и нож. **Покровка-VIII, 1/8 и 1/9** (Веддер Дж. и др., 1993, с.32, 98, рис.31, 1; Круглов Е.В., 20016, с.408, рис.8, 18). В насыпи кургана на одной глубине обнаружены лежащие в сочленении берцовые кости ног, обломки бедер и другие кости скелета мужчины (1/8). Вместе с ними на той же глубине находились фрагменты костей ребенка 8-9 лет (1/9). Инвентарь: свинцовый грузик-пломба.

2. С полностью или частично разрушенным одним погребением и частично разрушенным вторым

Заплавное-I, 3/6 (Шилов В.П., 1958, л.35-37; Круглов Е.В., 20016, с.410, рис.9, 6). Двойное захоронение женщины (скелет 1) и ребенка грудного возраста (скелет 2). У останков женщины разрушен череп, отсутствует одна из костей правого предплечья (к сожалению, ни по чертежу, ни по тексту непонятно, какая именно) и, возможно, кисти рук. От останков младенца сохранился разрушенный череп, информации о наличии каких либо других костей нет. Инвентарь: удила, стремяна, ножницы, бронзовые бубенчики, копоушки, птицевидная нашивка. **Колобовка-III, 1/3** (Сергацков И.В., 1999, л.13-16; Круглов Е.В., 20016, с.407, рис.7, 5-6). Двойное захоронение мужчины 20-22 лет (скелет 1) и ребенка 3 лет (скелет 2). У скелета мужчины были потревожены и смещены шейные позвонки и все ребра. Кисти обеих рук, лопатки и ключицы на плане не отмечены, возможно, они отсутствовали. В положении *in situ* сохранились кости черепа, грудные и поясничные позвонки, кости обеих рук и таза. Наличие явное выборочное разрушение одних отделов скелета при сохранении других. Кости ног сближены и сведены в голеностопных суставах, возможно, в момент захоронения они были связаны. Зафиксировано разрушение и останков ребенка, лежащего вдоль правой ноги взрослого. Возможно, *in situ* сохранились верхняя часть его черепа, кости левой руки и таза. Ребра, позвонки, кости ног и правой руки смещены. На перекрытии в заполнении ямы располагались череп коня, покрытый бронзовыми бляхами, а также кости скаковых конечностей шкуры. Задние находились в центре ямы, а передние лежали под черепом коня. С конем: удила, стремяна. Ремни сбруи покрыты многочисленными серебряными бляхами. В заполнении могильной ямы обнаружен отдельно лежащий железный наконечник стрелы. С погребенным: нож, наконечники стрел, остатки колчана, накладки лука,

поясные бляха и пряжка. **Кос Оба, 11/1 и 11/2** (Кригер В.А., 1979, с.175, рис.1; Железчиков Б.Ф., 1998, с.16, рис.9, 2, 5, 7, 12-24, 17; Круглов Е.В., 2001б, с.416, рис.12, 9). Останки скелета взрослого человека из п.11/1 расположены на гл. 1,1 м от поверхности и были полностью перемещены на месте своего первоначального расположения. Поза и ориентировка погребенного определены. Над ним, на глубине 0,3-0,9 м от поверхности фиксировались кости коня: обломок копыта, шесть позвонков, обломок челюсти, плечевой эпифиз. Погребение 11/2 располагалось на глубине 1 м от поверхности, в 0,4 м к югу от п.11/1. Череп скелета мужчины был отделен от шейных позвонков и перевернут, предплечье левой руки, кисти обеих рук и крестец отсутствовали. Факт наличия в данном погребении только одной задней скаковой конечности коня (Кригер В.А., 1979, с.175) не подтверждается текстом отчета и повторной публикацией материалов данного памятника (Железчиков Б.Ф., 1998, с.16), в которых речь идет об обнаружении между ног погребенного копыта, таранной кости, двух фаланг, трех базиподий и трех путовых конечностей коня, лежащих в сочленении. При наличии костей трех скаковых конечностей сложенной на ногах человека шкуры коня, череп и кости еще одной скаковой конечности отсутствовали. Инвентарь: колчан, накладка лука, костяной наконечник стрелы, пряжка. **Старница, 30/4** (Шилов В.П., 1961, л.98-102; Круглов Е.В., 2001б, с.407, рис.7, 7-8). В насыпи кургана эпохи бронзы на глубине 2,2 м от поверхности находилось коллективное захоронение останков четырех человек. Форма могильной ямы достоверно не прослежена. На остатках деревянных перекрытий над погребенными покоились четыре конских черепа, в ногах скелетов *in situ* находились скаковые конечности сложенных шкур. Череп и кости конечностей пятого коня лежали в насыпи еще выше и были разрушены. Все погребенные взрослые, лежали вытянуто на спине, ориентированы на СЗ. У скелета женщины (1) отсутствовали кости верхней части черепа, ребра левой половины грудной клетки, левая рука, левое крыло таза, кисть правой руки. *In situ* сохранились кости правой половины грудной клетки, позвонки, плечевая кость и предплечье правой руки, правое крыло таза, кости и стопы ног. Нижняя челюсть смещена и располагалась на плечевой кости правой руки. От мужского скелета (2) не сохранились череп, тазовые кости, кости позвоночного столба, отдельные ребра. Локтевая кость левой руки несколько смещена. Все остальные кости сохранились. От женского скелета (3) не сохранились череп, кости правой руки, кисть левой руки, поясничные позвонки, бедренная кость правой ноги. Левая нога слегка согнута в колене, стопы ног соприкасались, види-

мо, были связаны. Тазовые кости смещены. *In situ* сохранились кости левой руки без кисти, ребра грудной клетки, шейные и грудные позвонки, кости левой ноги, берцовые кости правой ноги, стопы. От скелета, пол которого остался неопределенным (4), *in situ* сохранились только берцовые кости ног. Череп, плечевая кость правой руки, часть ребер и позвонков, кисти рук, тазовые кости, стопы ног отсутствовали. Плечевая кость левой руки, предплечья обеих рук, часть ребер и позвонков, лопатки, бедренные кости обеих ног были смещены в местах своего первоначального расположения. Инвентарь: стремяна, пряжки, колчан, наконечники стрел, кресало, ножи, копоушка. Ранее я предполагал, что здесь мы имеем дело с многократным проникновением в могилу для совершения дополнительных подзахоронений, во время которых более ранние погребения преднамеренно разрушались (Круглов Е.В., 2001а, с.61). Ознакомление с другими известными случаями разрушения коллективных захоронений подсказало возможность и иной интерпретации данного комплекса, как одновременного захоронения всех умерших с последующим таким же одновременным разрушением их скелетизированных останков со смещением и удалением из могилы некоторых костей. **У-85** (Барун), **3/3 и 3/4** (Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1985, л.31, 35-37; Круглов Е.В., 2001б, с.416, рис.12, 10). Скелет юноши (3/3) был обнаружен на глубине 1,2 м от поверхности насыпи на спине, вытянуто, головой на ЮВ. Кисть левой руки и стопа левой ноги отсутствовали. Инвентарь: колчан, наконечники стрел. Скелет мужчины 40 лет (3/4) находился в 0,15 м от п.3/3, на глубине 0,8 м от поверхности, также на спине, вытянуто, но головой на ЮЗ. Берцовые кости левой ноги отсутствуют. На останках погребенного лежали кости коня. На плане отмечены череп и одна скаковая конечность. Инвентарь: удила, стремяна, деревянная чаша, остатки колчана, наконечник стрелы, пряжка, накладки лука, соединительные кольца с обоймами. **Эльтон-85, 7/2** (Лукашов А.В., 1985, л.4-5; Круглов Е.В., 2001б, с.407, рис.7, 1). В материалах данного погребения под одним номером были объединены два разновременных погребения-подзахоронения. Частично разрушенный скелет взрослого человека (1) был найден на глубине 1,06 м. Погребенный лежал на спине, вытянуто, головой на З. Отсутствуют кости левого крыла таза, левой ноги, предплечья обеих рук и стопы обеих ног. На расстоянии 0,15 м к северо-востоку на глубине 1,16 м находился еще один скелет взрослого человека (2). Он также лежал на спине, вытянуто, позвоночным столбом на З. Кости левой руки отсутствовали, от правой сохранилась плечевая кость. Нет стопы

правой ноги. Над скелетом зафиксировано дерево от перекрытия. Отделенный от позвоночного столба череп обнаружен рядом со скелетом 1 на глубине 0,95 м от поверхности. В ногах, у локтя правой руки, у правого колена, а также на месте смещенного черепа *in situ* располагались копыта и фаланги скаковых конечностей шкуры коня, уложенной непосредственно на останки погребенного. Черепа коня обнаружено не было (рис.9, 3). Инвентарь: бронзовая бляха.

3. С полностью или частично разрушенным одним погребением и полностью сохранным вторым

Вертячий, 7/5 (Мамонтов В.И., 1979, л.8-9) (рис.6, 14). Впускное парное погребение в кургане. На дне могилы – скелеты взрослого мужчины и подростка, лежащих вытянуто на спине, но ориентированных в противоположные друг от друга стороны, взрослый – на 3, подросток – на В. Скелет взрослого человека (1) не имеет признаков какого-либо разрушения. Череп скелета подростка (2) смещен и перевернут. Бедренная кость его правой ноги сломана или разрушена. Инвентарь: с останками мужчины – колчан, наконечники стрел, кожаная сумка, с подростком – кресало и кремь. **Калиновский, 28/1 и 28/2** (Шилов В.П., 1959, с.383-386, рис.25, 2; 26, 3; 60, 9, 12-13; 61, 9, 12-16; 62, 8-9, 14, 20, 33; 65; Круглов Е.В., 2001б, с.426, рис.17, 1-3). Осознание причастности исследованных в к.28 обоих погребений к одной этнокультурной группе памятников долгое время тормозилось отсутствием соответствующих аналогий. В настоящее время памятник, обладающий крайне богатой библиографией, органично вписывается в структуру древностей именно огузского круга. В полностью исследованном Калиновском могильнике к.28 располагался между к.4 и 30, в самом центре цепочки насыпей, содержащих впускные погребения 2-й пол. IX – нач. XI в. Его диаметр 8, а высота 0,32 м. Исследованные погребения выявлены непосредственно друг над другом. Впускное п.28/1 было ориентировано длинной осью по линии ЮЗЗ-СВВ. Оно прорезало по диагонали до отметки – 0,06 м в материке (0,62 м от поверхности) верхнюю часть насыпи ямы основного п.28/2, ориентированного по линии СЗ-ЮВ. Случайным такое взаиморасположение захоронений в столь маленьком кургане быть не может. Отклонение ориентировки длинных осей могильных ям, вызвавшее нарушение одной ямы другой, объясняется сезонной разновременностью комплексов. Поскольку скелет п.28/1 принадлежал жен-

щине старческого возраста, а скелет п.28/2 – мужчине, можно предположить, что они составляли одну семейную пару. Информации о нарушениях сохранности костных останков скелета п.28/1 при отсутствии плана погребения не имеется. Могильного инвентаря нет. В насыпи п.28/2, на уровне дна п.28/1 располагался плохо сохранившийся череп коня, характер разрушения которого остался не выяснен. Челюсти черепа окрашены окисью бронзы. Кости скаковых конечностей шкуры отсутствовали. В насыпи ямы найдены железные удила. Заполнение могильных ям обоих погребений состояло из однородных комков красной обожженной глины, порой ошлакованных, перемешанных с кусками древесного угля, золы, обгорелыми обломками дерева и песком. В некоторых местах на обожженной обмазке фиксировались отпечатки жердей и камыша. В.П.Шилов, автор раскопок памятника, интерпретировал указанные фрагменты остатками печки или жертвенника. В насыпи ямы, на глубине 0,7-0,95 м от дна, зафиксирована прослойка необожженной глиняной обмазки желто-зеленого цвета толщиной 0,25 м. Непосредственно на ней фиксировалась прослойка из крупных (0,30x0,25 м) ошлаковавшихся кусков глины, самана и обуглившегося дерева, мощностью до 0,2 м. Отмеченные прослойки были разрушены в западной и восточной частях. Обнаруженные на дне ямы кости скелета мужчины и предметы могильного инвентаря были беспорядочно разбросаны. *In situ* сохранились берцовые кости и стопа левой ноги человека, по которым определены его поза и ориентировка. Скелет был разрушен через узкий лаз, выявленный в западной части могильной ямы, заполненный золой без включения кусков обожженной обмазки и древесного угля. Инвентарь: копье, кинжал, накладки лука, остатки колчана, наконечники стрел, золотое височное кольцо, бляхи, пряжки, соединительное кольцо. **Никольское-V, 1/4** (Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1989, с.108-115, рис.86-93; Круглов Е.В., 2001б, с.407, рис.7, 3-4). Скелет взрослого мужчины (1) был без каких-либо признаков разрушения. Сопровождался лежащим над ним черепом и скаковыми конечностями коня. Инвентарь: удила, стремяна, седло, подпружные пряжки, кинжал, наконечник стрелы, кресало, деревянный сосуд. Ремни на черепе коня и близ седла украшены многочисленными накладками, решмами. Скелет женщины (2) находился справа от скелета мужчины, на правом боку, вытянуто, головой на ЮЗ, лицом на Ю. Учитывая не очень большие размеры ямы, какого-либо иного расположения тела, чем в положении на боку, просто не могло быть. Левая рука согнута в локте, кисть перед грудью. Кости пра-

вой руки – под туловищем. Ноги сведены в коленях и берцовых костях. С этим скелетом был связан второй череп коня, сопровождаемый удилами и стремями, но без скаковых конечностей. Непосредственно над скелетом женщины остатки перекрытия фиксировались довольно фрагментарно, возможно, они были разрушены. В связи с этим, останки погребенной можно интерпретировать не только как синхронносовместные с мужским скелетом 1, но и как несколько более позднее подзахоронение к нему. Последнее, даже более предпочтительно. Инвентарь: бубенчики, бляха, нож.

Сохранность останков погребенных у кочевников Белой Вежи

Кочевнические захоронения Белой Вежи, исследованные Волго-Донской археологической экспедицией, были подробно описаны и изданы О.А.Артамоновой и С.А.Плетневой (Артамонова О.А., 1963, с.164-168, рис.110-112; Плетнева С.А., 1963, с.218-235; 1990, с.9-40, рис.2-14). Поскольку они были оставлены населением, достаточно прочно связанным с большим центром городского типа, это не могло не отразиться в формировании особой специфики данных памятников. Появление нового массового материала позволяет не только ее выявить, но и оценить ряд неясных особенностей погребального обряда кочевников Белой Вежи.

Для курганов 1, 2, 3, 4/1, 4/2, 6, 7, 9, 13, 14 какая-либо информация о характере погребального обряда не сохранилась в связи с утратой полевых документов в годы Великой Отечественной войны. Курган (К.) 5 (рис.10, 2). Положение многих костей скелета нарушено; череп, фаланги пальцев рук и ног отсутствуют. Инвентарь: удила, наконечники стрел, пряжка, накладка лука. К. 8 (рис.10, 3). Ребра и таз разрушены, шейные и поясничные позвонки отсутствуют. Инвентарь: удила, стремя, шпора, накладки лука, колчана, наконечник стрелы. К. 10/1. Нарушений сохранности скелета не выявлено. Отсечена правая половина черепа. К. 10/2 (рис.10, 7). Все ребра и кости грудины перемешаны, фаланги пальцев рук отсутствуют. Плечевая кость левой руки сломана непосредственно в могильной яме со сдвигом левых лопатки и ключицы. Инвентарь: наконечники стрел, нож, накладки лука, в засыпи – лепной сосуд. К. 11. Мелкие кости рук и ног отсутствуют. Инвентарь: накладки лука, наконечник стрелы, нож, колчан. К. 12. Ноги перекрещены, фаланги пальцев рук и ног растащены, ребра раздавлены. Инвентарь:

кресало. К. 15. Отмечен след сабельного удара на черепе. Грудная клетка разрушена. Фаланги пальцев рук и частично ног отсутствуют. К. 16. Череп раздавлен, мелкие кости рук и ног, ребра правой стороны грудной клетки, часть позвоночника и крестец отсутствуют. Инвентарь: удила, сабля. К. 20. Фаланги пальцев рук и ног, локтевая кость правой руки отсутствуют. К. 21. Ребра раздавлены. Лучевая кость правой руки перемещена за левое плечо. Инвентарь: удила, копьё, наконечники стрел, кресало, пряжка, нашивка. К. 27 (рис.10, б). Погребение сильно изрезано ходами грызунов, но несмотря на это, все кости скелета сохранили целостность своего расположения. Отсутствовали лишь фаланги пальцев рук и отчасти ног. Инвентарь: колчан, нож, наконечник стрелы. К. 28. Фаланги пальцев правой руки и левая ключица отсутствуют. Инвентарь: нож, кремь. К. 29. Череп и грудная клетка скелета ребенка раздавлены, фаланги пальцев рук и ног и плечевая кость вынесены в заполнение могилы. К. 33. Тазовые кости разрушены, ребра раздавлены. Мелкие кости рук и ног отсутствовали. К. 34 (рис.11, 3). Череп разрушен, лицевая часть раздроблена, затылок сплюснен. Длинные кости плохой сохранности. Ребра раздавлены и перемешаны. Мелкие кости рук и ног отсутствовали. Инвентарь: седло, пряжка, сабля, наконечники стрел. К. 35/1. Сохранились обломки черепа, пять ребер, шесть позвонков, бедренная кость левой ноги ребенка. К. 35/2. Отсутствуют мелкие кости рук. К. 36 (рис.10, 10). Левая ключица перемещена в угол ямы, малоберцовая кость левой ноги сдвинута к тазу, почти все мелкие кости рук и ног отсутствуют. Инвентарь: нож, кремь. К. 37 (рис.11, 1). Положение ребер нарушено. Локтевая кость правой руки и шейные позвонки отсутствуют, мелкие кости рук и ног разбросаны. Инвентарь: удила, бронзовые бубенчики, копоушка, два серебряных браслета, ножницы, золотой перстень, золотая бусина. К. 38/1²³ (11, 11). Мелкие кости рук и ног отсутствуют. Лучевая кость правой руки перевернута. К. 38/2 (рис.11, 4). Скелет взрослой женщины лежал на правом боку с вытянутой левой и немного согнутой правой ногой, с согнутыми в локтях и сомкнутыми близ таза руками. Сохранность костей скелета хорошая, положение некоторых из них нарушено – фаланги пальцев рук сдвинуты или отсутствуют. К. 39. Сохранились развалившиеся кости черепа, левой руки, ног, левое крыло таза. Лобная кость скелета пробита. Инвентарь: нож, кресало, колчан. К. 40 (рис.11, 2). Лучевая кость

²³ В публикациях С.А.Плетневой 1963 и 1990 гг., эти погребения имеют разную нумерацию. В моей статье (2001б), а также в данной работе использована нумерация С.А.Плетневой 1963 г.

правой руки найдена под тазом, коленная чашечка левой ноги – среди костей грудной клетки. Все ребра перемешаны, фаланги пальцев рук и ног разбросаны. Инвентарь: удила, седло, стремя, пряжка, накладки лука. К. 41 (рис.11, 5). Череп и скаковые конечности коня находятся на разных глубинах, череп разрушен. Пяточная кость левой ноги скелета пробита железным гвоздем. Плюсна и фаланги пальцев левой ноги отсутствуют. Инвентарь: удила, седло, стремя, пряжки. К. 42. Несмотря на наличие в могиле большого количества сурчин, положение костей скелета не нарушено. К. 43 (рис.10, 1). Ребра перемешаны, но позвонки не потревожены. Фаланги пальцев кистей рук, коленная чашечка и кости ступни левой ноги отсутствуют. Позвоночный столб искривлен, кости таза расположены выше костей грудной клетки, кости левой ноги находятся выше правой. Скорее всего, погребенный был положен с разворотом на правый бок. Инвентарь: удила, пряжка, наконечники стрел, нож, кресало. К. 45. Кенотаф – череп и конечности шкуры коня. К. 46 (рис.11, 10). Череп отсечен от позвоночного столба. Ребра переломаны и перемешаны, но позвонки не потревожены. Фаланги пальцев рук и ног отсутствуют. К. 47 (рис.10, 4). Череп разрушен, ребра левой стороны грудной клетки отсутствуют, ребра правой перемешаны, но позвонки не потревожены. При полной сохранности костей ног, покрытых тленом от кожаной обуви, отсутствуют коленные чашечки. Инвентарь: удила, пряжка, ножницы. К. 48 (рис.11, 9). Череп рассечен саблей и раздавлен положенным сверху черепом коня, возможно, смещен. Фаланги пальцев обеих рук и стопы правой ноги отсутствуют, плюсна и часть большеберцовой кости левой ноги срезаны. Инвентарь: удила. К. 49 (рис.10, 9). Череп отчленен и поставлен на затылочное отверстие. Левая половина скелета приподнята относительно правой, таз искривлен. Возможно, это свидетельствует о развороте останков погребенного вправо. Фаланги пальцев обеих рук и стоп обеих ног отсутствуют. Инвентарь: накладки лука, наконечник стрелы, колчанские петли. К. 53 (рис.10, 11). Поясничные и часть грудных позвонков, часть ребер левой стороны грудной клетки и большинство фаланг пальцев рук и ног отсутствовали. Ребра грудной клетки, в основном ее правой стороны, в сочлененном состоянии были смещены в направлении от костей плечевого пояса к тазу. Кости таза раз-

давлены. Инвентарь: удила, седло, наконечник копья, нож. К. 54 (рис.10, 8). Большая часть костей отсутствует: ребра правой стороны грудной клетки, поясничные и грудные позвонки, предплечье левой руки, кисти рук, тазовые кости. Сохранились шейные позвонки, левая часть грудной клетки, длинные кости правой руки, плечевая кость левой руки, кости ног. Инвентарь: удила, стремя, крепления колчана, кресало, бронзовая пряжка, нож. К. 56 (рис.10, 5). Лицевая часть черепа раздавлена, крестец, нижняя часть позвоночника и фаланги пальцев рук и ног отсутствуют, ребра переломаны, ключицы смещены. Инвентарь: удила, стремя, кресало. К. 59. Фаланги пальцев рук и ног отсутствуют. К. 60. Кенотаф – череп и две скаковые конечности шкуры коня. Череп коня разбит. Инвентарь: накладки лука, наконечник стрелы. Насыль (Н.) 19/1, п.15 (рис.11, 8). Череп раздавлен. Правая часть костей грудной клетки повреждена: ребра, грудина, ключица и лопатка были сдвинуты. Мелкие кости стоп смещены. При наличии костей скаковых конечностей, череп коня отсутствует. Инвентарь: костяная пряжка, бронзовые бляхи, накладки лука, бусы, кресало, нож. Н. 19/1, п.22 (рис.11, 6)²⁴. Череп и нижняя челюсть погребенной разделены. Плечевая кость правой руки смещена к черепу. Правая ключица на плане не отмечена. Кисти рук – на тазовых костях, таз разрушен. Кости ног сближены в коленях, берцовые параллельны друг другу. Кости левой ноги смещены относительно правой. Стопы ног в беспорядке, частично отсутствуют. При наличии черепа коня, скаковые конечности не обнаружены. Шейные позвонки коня расположены отдельно от черепа. Инвентарь: удила, накладки седла. Н. 19/1, п.26 (рис.11, 7). Зафиксирован перелом поясничного позвонка. Нет нижних ребер. Кости предплечья и кисти левой руки разбросаны. Стопы в беспорядке. При наличии предмета сбруи, костей коня не было. Инвентарь: стремя, пряжка, нож, кольцо, серьга, бусы. Н. 19/1, п.29. Кости плохой сохранности, следы прижизненных переломов. Кости таза разрушены. Стопы ног смещены. Инвентарь: удила, стремя, нож.

С.А.Плетнева, зафиксировав достаточно многочисленные случаи разрушения сохранности скелетов в курганах Белой Вежи, объясняет их исключительно деятельностью землеройных грызунов. Но в этом могильнике есть несколько погребений, которые, несмотря на обнаруженные в них многочисленные сурчины, тем не менее оказались совер-

²⁴ План погребения, опубликованный С.А.Плетневой, не соответствует плану и фотографии О.А.Артамоновой.

шенно не нарушены (рис. 10, б). В то же время, ряд погребений, где сурчины вообще не были отмечены авторами раскопок, наоборот, оказались довольно сильно нарушенными. В связи с этим возникает несколько вопросов. Почему при почти всегда сохранявших положение *in situ* позвонках позвоночного столба оказывались разрушенными только ребра (грудные клетки) погребенных? Почему фаланги пальцев рук и ног оказывались удаленными даже и в тех случаях, когда ничего не сообщается о существовании нор грызунов? Почему их норы в реальности оказались показаны всего только на двух планах погребений? Достоверных ответов на эти вопросы мы, очевидно, уже не получим. Остается быть благодарным всем авторам раскопок Белой Вежи, прежде всего О.А. Артамоновой и С.А. Плетневой, скрупулезно обращавших свое внимание на все подобные нюансы и, более того, достаточно подробно сохранивших в своих дневниках и опубликованных работах информацию подобного рода.

Особый вариант труположения погребенных – развороты тел, положение на боку и животе

Общепринятая поза погребенных у средневековых кочевников – вытянуто на спине с вытянутыми вдоль тела руками. Особую группу захоронений составляют погребения с разворотами тел умерших и их положением на боку и животе. Поскольку такие труположения тел погребенных для кочевников не характерны, рассмотрим эти случаи отдельно.

В 4-х эпизодах погребенные лежали вытянуто на правом боку (Белая Вежа, 38/2; Заплавное-I, 3/4; Никольское-V, 1/4, скелет 2; Черноярский, 1/1, 1/2). Выявлено 4 захоронения с разворотами тела вправо (Белая Вежа, 43, 49; Лбище, -/4; Степана Разина, 4/3) и 3 влево (Волжский-II, 2/4; Косика, -/3; Маяк Октября-90, 1/2). Известно также одно захоронение на животе (Кара Оба, 10/1) и 2 скорченных на боку: слабоскорченное на правом (Бахтияровка-I, 32/12) и сильноскорченное на левом (Черноярский, 4/5).

Впервые подобные погребения были обнаружены в Белой Веже (к. № 38/2; 43; 49), однако в двух последних курганах они до сих пор не получили соответствующего определения. Все внимание исследователей концентрировалось на материалах лишь первого захоронения. Оно было интерпретировано как мусульманское и отнесено к беднейшей части кочевого населения Белой Вежи (Плетнева С.А., 1990, с.13). Вряд ли это предположение можно считать единственно возможным. Погребения на боку совершались по языческому обряду и сопровождалась черепами и шкурами коней. Не ме-

нее заманчивой представляется возможность объяснить существование подобных захоронений у кочевников контактами с салтовским населением, для которого и было характерно положение погребенных на боку. Считается, что последние продолжали обитать в Белой Веже и после крушения Хазарского каганата.

Достоверных половозрастных определений этих захоронений немного. В 12 случаях они, предположительно, определялись как мужские, в 3-х – как женские. Последние встречаются как в виде одиночных захоронений, так и в коллективных.

Выделяются несколько вариантов воздействия на останки погребенных в захоронениях этого типа:

– допогребальные, в виде связывания ног (Волжский-II, 2/4; Заплавное-I, 3/4; Кара Оба, 6/1; Маяк Октября-90, 1/2; Никольское-V, 1/4, скелет 2; Черноярский, 1/1);

– постпогребальные, в виде:

а. Смещения костей рук (Белая Вежа, 38/2; Косика, -/3; Лбище, -/4);

б. Смещения черепа, костей позвоночника, ребер и грудной клетки (Белая Вежа, к.43, к.49; Заплавное-I, 3/4; Степана Разина, 4/3);

в. Удаления отдельных костей (Бахтияровка-I, 32/12; Белая Вежа, к.43; Кара Оба, 6/1; Лбище, -/4; Степана Разина, 4/3; Черноярский, 1/2, 4/5).

Если положение тел погребенных на боку вряд ли может быть объяснено требованиями обряда разрушения, то развороты тел легко могут быть объяснены исключительно именно нормами этого обряда. Почти во всех вышеперечисленных эпизодах развороты тел на бок осуществлялись, по-видимому, непосредственно в самой могильной яме, но не сразу, а спустя какое-то время после помещения туда тела, скорее всего, в момент самого начала истлевания у трупа связок и мягких тканей. Наблюдаемые при этом смещения отдельных костей являлись вторичным следствием производимых разворотов тел.

Обряд обезвреживания погребенных у кочевников Северного Прикаспия

Итак, у 235 скелетов из 229 погребений были выявлены разные формы и варианты нарушения анатомической целостности и общей сохранности останков умерших или сопровождавших их ритуальных останков шкур коней. Большая часть таких случаев не была связана с ограблениями. Вместе со случайными находками это составляет 90% всех известных ныне захоронений кочевого населения IX – нач.XI в. Северного Прикаспия. Все ли вышерассмотренные эпизоды были связаны с проявлениями обряда обезвреживания по-

гребенных, разумеется, неясно²⁵. Однако, замечу, что именно с позиций ООП существование значительного количества разрушенных захоронений получает наиболее реальное объяснение.

Воздействия на скелетизированные останки погребенных, не связанные с ограблениями, выявляются следующие:

- без явного разрушения – в виде связывания ног, разворота тела погребенного человека или с разрушением сопровождавшей человека шкуры коня;
- с нарушением анатомической сохранности и целостности останков самого человека;
- с сочетанием особенностей обоих указанных вариантов.

Характерной особенностью разрушенных погребений IX – нач. XI в. Северного Прикаспия является проведение всех основных ритуальных действий над останками непосредственно в самих могильных ямах. В этом заключается основное отличие обряда обезвреживания погребенных этой эпохи от близких по своей сути погребальных обрядов населения катакомбной общности эпохи бронзы. У последнего разложение трупов совершалась, как правило, еще до предания тел умерших земле и вне могильной ямы. Соответственно, катакомбные захоронения интерпретировались, в основном, как вторичные, различающиеся друг от друга способами укладки человеческих останков, уже освобожденных от мягких тканей (Мельник В.И., 1991). Из общего количества средневековых погребений IX – нач. XI в. только одно может быть интерпретировано как вторичное перезахоронение – Покровка-II, 1/1 (Веддер Дж. и др., 1993, с.23-24, 26). Кости скелета взрослого человека в этом захоронении были уложены плотным скоплением в могильной яме с размерами 1,1x0,8 м (Круглов Е.В., 2001б, с.420, рис.14, 4). Изучение положения костных останков средневековых погребений IX – нач. XI в. Северного Прикаспия говорит о разрушениях, связанных, в основном, со вторичным проникновением в могилы. В связи с этим, одним из условий, а одновременно и доказательством реального существования обряда ООП эпохи средневековья являются стратиграфические наблюдения за слоями, перекрывающими костные останки погребенных, структурой заполнения могильных ям, наличием находок в них (Флёрв В.С., 1989, с.178). Поскольку значительная часть кочевнических погребений IX-XI вв.,

за очень редким исключением, это – впускные захоронения в насыпях уже существовавших древних курганов, к сожалению, в настоящее время приходится констатировать факт практически полного отсутствия документированных стратиграфических данных. Тем не менее, сведения об особенностях заполнения могильных ям отдельных погребений все же имеются (Барановка, 23/1, Астр. обл.; Калиновский, 4/1, 28/2; Кара Оба, 10/1; Кривая Лука-V, 4). Обычно же, в нашем распоряжении оказываются лишь косвенные данные о структуре заполнения могил: упоминания об обнаружении фрагментов керамики и каких-то иных предметов, наличии кострищ или углей, остатков разрушенных деревянных перекрытий. Основная находка в насыпи средневековых погребений – костные останки шкур коней и сопровождающие их предметы сбруи и узды, изучение которых и дает некоторые ответы на поставленные вопросы.

Другим условием существования ООП считается массовость и однообразие основных способов обезвреживания погребенных (Флёрв В.С., 1989, с.178). В этом еще одно отличие ООП эпохи средневековья от обрядов населения катакомбной общности эпохи бронзы, не являющихся основными для населения. Нарушение целостности и сочлененности костных останков умерших в целом ряде археологических культур раннего средневековья следует считать не отклонением от нормы, а самым обычным явлением. Скорее наоборот, отклонением от нормы следует считать сохранение останков погребенных непотревоженными и неразрушенными.

А. Особенности разрушения останков коня

Особенностью почти всех средневековых кочевнических захоронений является погребение человека в сопровождении коня. Покойного в иной мир должен был сопровождать полностью экипированный для дальней дороги в мир мертвых конь. Но в могилах огузов (печенего-огузов) IX-XI вв. Северного Прикаспия погребенных сопровождают собственно не кони, а, скорее всего, их имитации – конские шкуры с оставленными внутри скаковыми конечностями. Напомню, что шкуры при этом укладывались у кочевников в двух вариантах – в сложенном виде или в виде растянутого чучела, а скаковые конечности выбирались у них до первого или,

²⁵ Сейчас важно не только то, что могло быть в уже исследованных погребениях первопричиной описанных выше разрушений – ООП, деятельность землеройных грызунов или небрежность самих археологов, а то, чтобы при дальнейших раскопках таких захоронений подобный вопрос аргументировано решался бы самими полевыми исследователями.

реже, до второго сустава. Вместе со скаковыми метаподиями в могилах иногда находят ребра, лопатки и хвостовые позвонки (Быково-II, 26/5; Волжский-II, 2/4; Косика, -/3; Новоникольское-II, 1/7; Приозерное, 4/1; Старица, 21/5; Эльтон-84, 2/15 и -85, 7/1). Кочевники, несомненно, действовали по принципу замещения частью целого. Однако возможно и иное понимание данного обряда, когда основной смысл ритуального действия заключался в создании покойному условий, наименее способствующих каким-либо посмертным перемещениям самого умершего. В пользу реальности подобного предположения говорит изучение положения в могилах сложенных шкур. Довольно часто они (кости ног) располагаются очень далеко от черепа коня, и мы вправе поэтому предполагать существование двух самостоятельных обрядовых действий – отдельное друг от друга помещение в могилы черепов и шкур коней. Но трудно даже представить себе, как погребенный мог бы “перемещаться” в потустороннем мире на таком животном.

В некоторых захоронениях конские черепа еще в древности были разбиты или даже полностью разрушены (Белая Вежа, к.60; Верхнепогромное-I, 1/3; Ильевка, 9/1 и 1/2; Киляковка, 4/1; Кос Оба, 11/1). В ряде случаев от них сохранялись одни только зубы (Карасу-I, 18/1; Маляевка-V, 11/5; Трясиновский, 1/1). В других, при наличии скаковых конечностей шкур, черепа коней отсутствовали (Белая Вежа, нас.19/1, п.15; Быково-II, 26/5; Волжский-II, 2/4; Громки, 2/1; Жарсуат-I, 1/2; Журов, 2/1; Калиновский, 1/7; Кара Оба, 6/1; Карасу-I, 6/1; Колобовка-I, 3/4, 6/2; Кос Оба, 7/2, 11/2; Красный Октябрь, 1/2, Волгогр.обл.; Ленинск, 3/7; Маяк Октября-90, 1/1; Первомайский-VII, 12/3; Светлое Озеро, 6/6; Средняя Ахтуба, 1/3; Покровка-VIII, 4/1; Фриденберг, 7/1; Черноярский, 1/1, 2/1; Эльтон-83, 7/2; -85, 7/1, 7/2; Яшкуль, 1/1 и 1/8). В некоторых захоронениях фиксировалось наличие скаковых конечностей шкур коней далеко не в полном объеме, а только трех, двух и даже одной конечности (Быково-I, 10/16, -II, 26/5; Верхний Балыклей-II, 8/1; Волжский-II, 2/4; Громки, 2/1, Карасу-I, 6/1; Киляковка, 3/2; Колобовка-I, 6/1, 6/2; Кос Оба, 11/2; Красный Октябрь, 1/2, Волгогр.обл.; Ленинск, 3/7, 4/4; Маляевка-V, 11/5; Маяк Октября-90, 1/1; Приозерное, 2/3; Покровка-VIII, 4/1; Средняя Ахтуба, 1/3; Степаневка-II, 6/1; Челкар-II, 8/1; Черноярский, 2/1; Шульц, А 11/1; Эвдык-I, 7/8). В ряде погребений были обнаружены только копыта, без каких-либо иных костей конских скаковых конечностей (Верхнепогромное-I, 3/7; Карасу-I, 11/2,

24/2; Колобовка-I, 6/2; Кос Оба, 7/2; Ленинск, 3/7; Маляевка-V, 9/2; Светлое Озеро, 2/1; Старица, 7/18). Встречаются захоронения только с черепами коней, без скаковых конечностей (Акбулак; Белая Вежа, нас.19/1, п.22; Верхнепогромное-I, 1/3, -II, 14/21; Дюкер, 27/9; Калиновский, 28/2; Капитанский, 11/1; Комсомольский, 1/1; Нежинское, 1/4; Новоникольское-V, 1/4, скелет 2; Средняя Ахтуба, 1/5). В некоторых захоронениях кости коня располагались не только отдельно друг от друга, но и на разных глубинах (Тамар Уткуль, 3). Ряд погребений содержал лишь одни предметы сбрауи, потребность в которых при отсутствии останков самого коня мало понятна (Кривая Лука-VI, 1/5; Солянка, 3/1).

Разумеется, что все подобные случаи можно объяснять как проявлением разного рода случайных явлений, так и действиями социально-экономических причин. Так или иначе, но в реальной действительности все это выглядит несколько аномально. Полагаю, однако, что многие подобные случаи, если не их большинство, мы можем интерпретировать как специфическую и достаточно явную форму проявления обряда ООП. “Недостающие части” черепов и скаковых конечностей шкур коней случайно или целенаправленно изымались из погребений при повторных вскрытиях могил и ритуальных разрушениях останков погребенных. Именно с позиций ООП возникает вполне логичное, наиболее простое и понятное объяснение подобным фактам – человек лишился возможности использования коня, как основного средства своего посмертного передвижения.

Насколько мне известно, разрушение коня, как одно из проявлений ООП, впервые было зафиксировано и соответствующим образом определено С.А.Плетневой в материалах Дмитровского катакомбного могильника салтово-маяцкой культуры (Плетнева С.А., 1989, с.229). Ритуальное разрушение останков коня было зафиксировано В.С.Флёровым и на Маяцком могильнике (Флёров В.С., 1984, с.162, рис.10). Но, если в погребениях салтово-маяцкой культуры разрушение останков коня, в целом, носит единичный характер, то в культуре кочевого населения Дешти-Огуза IX – нач.ХI в., видимо, в связи со специфическими особенностями их погребальной обрядности, подобные действия приобретают уже массовый характер. В то же время, в материалах кочевнического могильника Белой Вежи проявления особенностей этого обряда практически не фиксируются. Но, по-видимому, это объясняется тем, что здесь мы имеем явную инфильтрацию в огузскую этническую среду кимакского

населения с несколько иными культурными традициями.

Де-факто, использование для похорон не целого остова коня, а только его шкуры фактически означало, что сопровождавший погребенного ритуальный конь “разрушался” еще до помещения его в погребение. Шкуры коней, расположенные в засыпях могил, кочевники во второй раз разрушали уже как препятствие, затрудняющее доступ к главной цели, – скелету самого человека. Чаще всего, видимо, все это происходило достаточно целенаправленно. Кочевник эпохи средневековья был неотделим от принадлежащего ему коня. Конь и всадник воспринимались как единое целое. Это подтверждают погребения, в которых анатомическая сохранность черепа и скаковых конечностей шкуры коня были нарушены без разрушения останков лежащего под ним человека (Верхний Балыклей-II, 5/1; Киляковка, 4/1; Новоникольское-I, 7/13; Тамар Уткуль, 3; Фриденберг, 7/1; Ченин, 8/4; Чернорский, 2/1; Яшкуль, 1/1 и 1/8). В большинстве же эпизодов с отсутствующими в могилах черепами коней, разрушением или смещением их относительно возможного первоначального положения одновременно фиксируется и разрушение костей верхней части скелетов самих погребенных – их черепов, грудной клетки и рук. Полагаю, что все такие случаи были явно взаимосвязаны между собой (Акбулак; Барановка-70, 1/1 и 1/2; Барановка, 23/1, Астр. обл.; Бахтияровка-II, 55/5; Быково-II, 26/5; Верхнепогромное-I, 1/3; Верхний Балыклей-II, 7/1; Волчанский, 6/1; Дюкер, 27/4; Ильевка, 9/1 и 1/2; Калиновский, 1/7; Кара Оба, 6/1; Карасу-I, 4/6 Б, 6/1, 11/1, 11/2, 18/1; Киляковка, 3/2; Колобовка-I, 3/4, 6/1; Кос Оба, 7/2; Красная Деревня, 15/8; Красный Октябрь, 1/2, Волгогр. обл.; Кривая Лука-V, 4; Ленинск, 3/2, 3/7, 4/4; Маляевка-V, 6/1, 11/5; Первомайский-VII, 10/1; Светлое Озеро, 6/6; Средняя Ахтуба, 1/3; Трясиновский, 1/1; Челкар-II, 8/1; Чернорский, 2/2, 4/5; Шульц, А 11/1; Эльтон-83, 7/2, -85, 7/1, 7/2).

Степень сохранности конских останков не всегда зависела от степени разрушения останков человека. В заполнении некоторых могил, при ниже лежащих полностью или частично разрушенных человеческих останках, были зафиксированы прекрасно сохранившиеся в положении *in situ* черепа и скаковые конечности шкур коней. Но это говорит лишь о том, что в некоторых случаях конь укладывался в могилу не сразу после похорон, а только после соблюдения требований ООП. Характерно, что даже при полном разрушении анатомической сохранности скелетов погребенных, археологам довольно часто

удавалось определить не только позу и ориентировку их самих, но также и местоположение, а в некоторых случаях даже и способ укладки конских шкур (Бахтияровка-II, 55/5; Жарсуат-I, 1/2; Карасу-I, 4/6 Б; Кривая Лука-III, 1/23; Кумакский, 1/1; Солодовка, 5/4).

Представляется, что для наиболее ранних огузских погребений Северного Прикаспия IX в. было характерно укладывание шкур коней непосредственно в засыпях могильных ям без сооружения над погребенными деревянных перекрытий. Но в этом случае тяжелые и объемные конские шкуры со временем оседали до уровня залегания останков людей. В результате, именно эти погребения, как уже отмечалось (Круглов Е.В., 2001б, с.419-421), воспринимались изучавшими их специалистами, в том числе и мной, как печенежские, что, как сейчас все более выясняется, было не совсем верно. Для погребений X – нач. XI в. постепенно становится характерным сооружение в засыпях могил деревянных перекрытий, а также использование гробов или колод. По-видимому, так огузы пытались отделять не засыпаемые грунтом останки погребенного от остальной части могильной ямы, заполняемой землей. Деревянные конструкции в условиях усиления ООП становятся просто необходимыми для предотвращения попадания грунта на костные останки погребенных и облегчения их последующего разрушения.

Общепризнано, что виды, местоположение и способы укладки шкур коня в погребальном обряде кочевников являются наиболее значимыми, этноопределяющими признаками. Признание объективной реальности ООП в культуре кочевников Северного Прикаспия IX-XI вв. с неизбежностью ставит несколько методических вопросов. В условиях чрезвычайно широкого распространения ООП, помещение останков коня в могилу являлось существенным, но далеко не всегда завершающим актом погребального обряда. Как правило, спустя некоторое время после похорон, останки коня, согласно канону помещаемые в могиле в засыпи над человеком, в рамках ООП с объективной неизбежностью разрушались так же, как и ниже лежавшие останки человека. Основной вопрос заключается в том, насколько, в какой степени и в каких конкретно случаях особенности ООП изменяли или могли изменять первоначальное расположение в могилах конских останков. Иными словами, насколько в разрушенных, но фактически не ограбленных погребениях останки коней, их черепа и скаковые конечности шкур, фиксируемые археологами в момент раскопок, отражают их действительное первоначальное расположение. Ответ на этот вопрос

требует индивидуального рассмотрения материалов каждого конкретного погребения и является наиболее принципиальным и основным. Без этого вряд ли будет целесообразно ставить и пытаться разрешать целый ряд некоторых других вопросов. Особенно актуально это для погребений огузов и печенегов, основное различие между которыми заключалось именно в местоположении останков шкуры коня относительно погребенного человека. Поэтому в нарушенных захоронениях практикующим полевым археологам необходимо уметь выделять и обязательно подробно оговаривать существование конских останков, как целых костей, так и их фрагментов, сохранявших свое первоначальное расположение. Следует признать, что в настоящее время эта проблема решается достаточно гипотетически, зачастую лишь на уровне логических предположений, что не может быть признано удовлетворительным. В будущем проблема достоверной и точной типологической идентификации подобных захоронений, конечно же, должна решаться исключительно только самими полевыми исследователями, которые, однако, должны быть с надлежащей степенью ответственности методически и психологически подготовлены к необходимости таких определений.

Б. Особенности разрушения человеческих останков

В одиночных погребениях ритуальному воздействию в равной мере подвергались останки как мужчин, так и женщин, представители абсолютно всех возрастов, от малолетних детей до престарелых, члены разных социально-имущественных прослоек. Почти все погребенные при этом сопровождалась необходимым минимумом инвентаря, состав которого, как правило, был устойчив и постоянен: сбруйная упряжь, оружие, отдельные бытовые предметы, амулеты и различные этнографические украшения костюма. В использовании некоторых предметов наблюдается половозрастное распределение. По отношению к погребальному инвентарю проявления ООП могли проявляться в виде помещения в могилы колчанов с древками стрел без наконечников (Бахтияровка-II, 55/5; Быково-I, 14/3, 16/9; Верхний Балыклей-II, 5/1; Красный Октябрь, 1/2, Волгогр. обл.; Никольское-V, 1/4; Ровное, 4/7) или – клинков сломанных сабель без рукоятей (Карасу-I, 1/1; Ленинск, 3/2, 4/4).

Важным проявлением ООП считается обнаружение фрагментов керамики и остатков разного рода ритуальных действий, обнаруживаемых в насыпях могильных ям (Флёров В.С., 1993, с.54-55). Следы трисн в насыпях могильных ям сред-

невековых погребений обычно встречаются лишь в виде отдельных фрагментов венчиков и стенок глиняных сосудов (Быково-II, 3/5; Ильевка, 9/1 и 1/2; Карасу-I, 11/2; Новая Квасниковка, 6/1; Новоникольское-I, 7/13; Рахинка, 3; Рубежка, -/3; Чернойарский, 4/5). Только однажды в заполнении был найден совершенно целый сосуд (Кара Оба, 10/1). В случайно обнаруженных погребениях из Волжского (Астраханская обл.), Петропавловки, Средней Ахтубы, Челкара (г.Сасай), ограбленных из Киляковки, 5/8 А, Маляевки-V, 5/3 и Старицы, 38/1, принадлежность обнаруженных фрагментов керамики к средневековым погребениям осталась не доказана. У кочевников Северного Прикаспия обычай ставить в могилу целый глиняный сосуд особого распространения не имел (Батаевка; Бахтияровка-I, 32/12; Быково-II, 10/11; Заяры, 1/3; Степана Разина, 1/10; Тамар Уткуль, 3; Царев, 23/1). Гораздо чаще в могилах встречаются остатки деревянных чаш, укреплявшихся по венчику металлическими оковками (Верхний Балыклей-II, 7/1; Киляковка, 3/2; Кривая Лука-III, 1/23; Купцын Толга, 46/5; Нежинское, 1/4; Никольское-V, 1/4; Торгунское, 1/5; У-85 (Барун), 3/4). Так или иначе, практически все перечисленные памятники также имеют те или иные следы нарушения сохранности костей человеческого скелета.

Более часто в насыпях могильных ям фиксируются угольно-золистые прослойки (около 30 случаев: Круглов Е.В., 2001б, приложение, таблицы, признак IX-11). Зафиксировано три случая обнаружения железных наконечников стрел в заполнениях могильных ям (Алешкин, 1/2; Колбовка-III, 1/3; Ченин, 8/4), которые, вероятно, отражали такую редкую особенность ООП, как стрельбу в могилу. Из погребения Барановка, 23/1, Астр. обл. в насыпь кургана были перемещены череп и скаковые конечности коня, а также колчан со стрелами и остатками поясного ремня, украшенного набором бронзовых блях, пряжкой и соединительными кольцами. В Акбулаке после разрушения останков человека могильная яма была заложена крупными песчаниковыми плитами.

В условиях общей нарушенности скелетов предметы погребального инвентаря ритуальному воздействию практически не подвергались. Основной целью проникновения в могилы были почти исключительно только костные останки самих умерших или сопровождавшие их шкуры жертвенных коней. При этом ориентировка, поза погребенных и ряд других обычных обрядовых признаков достаточно четко и легко фиксировались даже у полностью разрушенных скелетов практически на всех описываемых памятниках.

Несомненно, что кочевники сами разрушали скелетизированные останки своих ранее умерших родственников. Сохранившаяся сочлененность отдельных суставов у некоторых скелетов (Верхнепогромное-I, 3/4; Карасу-I, 4/6 Б; Кировский-II, 2/2; Кривая Лука-VI, 1/5; Солянка, 3/1; Старица, 7/18; Степана Разина, 4/4), случаи перемещения черепов с еще не отделившимися нижними челюстями, развороты тел на бок позволяют предположить, что разрушения останков происходили непосредственно в самих могильных ямах еще до полного истлевания на костях мягких тканей и связок.

Нарушения скелетов людей и сопровождающих их шкур коней могли быть как полными, так и частичными. Другие их виды, несмотря на некоторое разнообразие зафиксированных вариантов, выделить пока не представляется возможным. При неполном разрушении, в основном, нарушалась верхняя половина скелетов. Лишь изредка при этом разрушались также берцовые кости и стопы ног. При этом разрушители хорошо знали расположение останков умерших. Порой они настолько точно вскрывали заполнения могил, что нарушив целостность какой-то одной части скелета, не трогали других костей. Лишь трижды разрушители предпочли частично срыть оставленные вдоль длинных стен заплечики (Никольевка, -/1; Калиновский, 28/2; Челкар-II, 8/1). Возможно, первоначально могилы не всегда полностью заполнялись грунтом. Прямого подтверждения этого нет, но практически нигде при описании разрушений авторы раскопок не отмечали наличия переломанных костей, что было бы неизбежно при их извлечении из массы земляного грунта. Полностью же разобрать скелет человека можно было только лишь при условии отсутствия заполнения. Практически везде смещенные кости погребенных и сопровождающие их вещи лежали на дне могил, исключительно в одной горизонтальной плоскости.

Очевидно, что конкретная степень воздействия на костные останки от простого связывания ног до полного разрушения и удаления костей в древности была строго упорядочена и подчинялась каким-то неизвестным нам законам, соблюдение которых зависело от разного рода субъективных психологических факторов. Кости человека не разбрасывались хаотично. Обычно, они лишь слегка сдвигались и оставались в местах своего первоначального расположения. Нарушалась лишь естественная связь между отдельными частями скелета. Основная анатомическая схема скелетов обычно полностью сохранялась. Даже при полном разрушении скелетов

большинство костей оставались расположенными вблизи своих изначальных мест. Именно поэтому в расположении останков даже полностью разрушенных скелетов легко определяется как первоначальное положение тел, так и их ориентировка. Лишь в очень редких случаях кости перемещивались более значительно.

Нарушение верхней части скелетов погребенных обычно сопровождалось смещением, разрушением, перемещением или удалением черепа. Отделение от черепа нижней челюсти характерным не было, хотя достоверно утверждать это нельзя – на многих планах нижние челюсти просто не показаны. Прослеживается тенденция: разрушив и отделив череп от шейных позвонков, оставлять его вблизи останков других органов. Наиболее часто той или иной степени разрушения подвергались грудная клетка, кисти рук и стопы ног. Длинные кости рук обычно разрушались одновременно с разрушением грудной клетки. Во многих случаях смешивались ребра грудной клетки, а позвонки позвоночного столба не трогались. Отделение черепа, разрушение костей грудной клетки, стоп и берцовых костей были более характерны для мужских захоронений. Кисти рук и стопы ног довольно часто удалялись. Последнее было особенно характерно для погребенных курганов Белой Вежи.

Бедренные кости ног и крылья таза самостоятельным объектом разрушения не были и чаще всего оставались *in situ* на своих местах. Лишь иногда нарушалось положение какой-то одной длинной кости или одного крыла таза. Полностью они разрушались лишь при полном или значительном разрушении большинства костей скелета. Практически не получила распространения такая особенность разрушения, как складывание костей погребенных в грудку.

Считается, что сообществам, специально практиковавшим разрушение погребенных, была присуща парность захоронений (Флёров В.С., 1993, с.20; 2000б, с.19). Видимо, поэтому основные особенности сохранности человеческих останков, зафиксированные в совместных погребениях средневековых кочевников, были практически те же самые, что и в одиночных захоронениях. Два памятника (Карасу-I, 24/1 и 24/2; Покровка-VIII, 1/8 и 1/9) сильно разрушены. Достоверно определить, были ли это разновременные подзахоронения или одновременные двойные погребения, не удалось. В обоих случаях это были захоронения взрослого и ребенка. Отмечены ситуации, когда один скелет находился в полной сохранности, а другой – в той или иной степени разрушения (Вертячий, 7/5; Калиновский,

28/1 и 28/2; Никольское-V, 1/4). В двух случаях сохранными были погребения взрослых мужчин, в одном – женщины. В остальных захоронениях прослеживались самые разнообразные формы разрушения останков погребенных. Но, как правило, это были захоронения с разной степенью сохранности скелетов, одного разрушенного в большей степени или даже полностью, другого – лишь частично (Заплавное-I, 3/6; Колобовка-III, 1/3; Кос Оба, 11/1 и 11/2; Старица, 30/4; У-85 (Барун), 3/3, 3/4; Эльтон-85, 7/2). Действиями грабителей или землеройных грызунов такое выборочное разрушение скелетов объяснить практически невозможно. Подобная черта была зафиксирована практически на всех известных алано-болгарских могильниках с обрядом ООП и является их характерным признаком.

Разрушенный скелет со смещенными или удаленными костями – не единственный признак ООП (Флёров В.С., 1993, с.56). Зачастую ноги погребенных были неестественно согнуты или даже перекрещены в коленях и голеностопных суставах, что позволяет предполагать возможность связывания ног (Бахтияровка-I, 32/12; Вертячий, 6/1; Верхнепогромное-I, 3/7; Волжский-II, 2/4; Заплавное-I, 3/4; Кара Оба, 10/1; Карасу-I, 6/1; Кировский-II, 2/2; Кривая Лука-III, 1/10; Маяк Октября-90, 1/2; Нежинское, 1/4; Никольское-V, 1/4; скелет 2; Новая Квасниковка, 6/1; Рубежка, -/3; Светлое Озеро, 2/1, 6/6; Старица, 30/4, скелет 3; Успенка, -/1; Черноярский, 1/1, 1/2, 4/5). Возможно, предложенные археологические признаки связывания ног покойных могут показаться спорными и гипотетическими, но несомненно, что существование самого обряда вполне реально. Вероятно, потребуются поиск каких-то иных характеристик, обосновывающих реальность практикования этого обряда. Связывание ног, как одно из проявлений ООП, можно считать наиболее простой и самой естественной формой дополнительного внешнего воздействия на естественное состояние останков человека, осуществляемое в момент самого начала подготовки тела к захоронению. Тем самым, уже в самый начальный момент положения тела в могилу, погребенные лишались возможности встать и выйти из нее.

Огузо-салтовские этнические контакты, как возможное условие появления у кочевого населения Северного Прикаспия обряда обезвреживания погребенных

Считается, что способы обезвреживания погребенных у разных народов в древности особой

оригинальностью не отличались. В большинстве случаев они сводились к непосредственному разрушению останков самого скелета, являвшегося вмещителем духа покойного (Флёров В.С., 1993, с.59). В связи с этим хочется обратить внимание специалистов на имеющееся, как мне кажется, значительное, хотя и не совсем полное, сходство известных в настоящее время основных проявлений ООП у населения Дешт-и-Огуза и Хазарского каганата. Полагаю, что тюркоязычные кочевые огузы, впервые появившиеся в степях Северного Прикаспия уже в сер. IX в., легко могли воспринять все основные формы и особенности этого обряда в Восточной Европе в ходе непосредственных этнических контактов с населением Хазарского каганата. В пользу возможности такого предположения можно отметить следующие факты:

- одновременное существование кочевнических (огузских) и хазаро-болгарских погребений как в бескурганых могильниках бэровских бугров волжской дельты (Косика, Лбище), так и в курганных могильниках (Вертячий, Царев). К сожалению, хронология этих памятников относительно друг друга пока не ясна;

- распространение в кочевой среде погребений с положением тел умерших на боку, характерных для захоронений женщин салтово-маяцкой культуры;

- существование у кочевников коллективных и парных захоронений, обычных и характерных также для населения салтово-маяцкой культуры;

- широкое распространение этнографических культовых предметов, в частности копоушек, – специфической категории погребального инвентаря, широко распространенной у населения Хазарского каганата.

До настоящего времени северокаспийские огузские копоушки сопоставлялись только с хорошо известной копоушкой из подкурганного погребения сrostкинской культуры из Ур-Бердари (Савинов Д.Г., 1979, с.63). Но эти материалы практически одновременны друг другу и, в целом, датируются 2-й пол. X – нач. XI в. (Гаврилина Л.М., 1985, с.224). Поэтому типологически довольно поздняя и до сих пор вроде бы единственная в кругу кимакских древностей копоушка из Ур-Бердари сама может считаться предметом поволжского (огузского) происхождения. Между тем, существенные типологические различия между салтовскими и огузскими копоушками особого значения не имеют, так как это легко может быть объяснено разной хронологией основных групп этих памятников. Вполне возможно, что потомки салтовских женщин, всту-

павших в браке с огузскими мужчинами-воинами, как раз и стали хранителями и продолжателями традиций использования подобных украшений. Публикация типологически наиболее ранней кочевнической копоушки из Заяр, 1/А, возможно, относящейся еще к IX – нач.X в. (Шишкин П.Н., Ильина А.И., 1928; Гарустович Г.Н. и др., 1998, с.119-121, № 105, с.332, т.ХХІХ, 9), позволяет частично заполнить технотронологический разрыв между салтовскими и огузскими изделиями этого круга.

Именно через салтовских женщин в огузской среде мог получить распространение и обычай ООП. В одной из своих работ С.А.Плетнева, опираясь на материалы Маяцкого могильника, отметила, что погребения возмужалых и зрелых салтовских женщин наиболее всего отличаются от всех остальных максимально возможной степенью разрушения скелетов (Плетнева С.А., 1983, с.15). Преимущественное нарушение именно женских скелетов для погребений хазарского периода Саркела отмечает также и В.С.Флёров (Флёров В.С., 1989, с.182). Следовательно, именно потомки салтовских женщин могли быть носителями и основными хранителями традиций ООП также и в огузском обществе.

Высказанное выше предположение позволяет объяснить существование у населения Дешт-и-Огуза неразрушенных погребений, наиболее часть которых принадлежит богатым и знатым мужчинам, воинам-профессионалам, батырам: Быково-І, 16/9; Заплавное-І, 3/3; Карасу-І, 20; Кривая Лука-ХV, 2/6; Купцын Толга, 46/5; Никольское-V, 1/4; Пятнадцатый поселок, 3/7; Рахинка, 3. Еще несколько захоронений крайне высокого социального ранга (Верхний Балыклей-ІІ, 5/1; Тамар Уткуль, 3; Ченин, 8/4) обнаруживают признаки разрушения не погребенных, а только лишь сопровождающих их конских шкур. Еще в одном эпизоде (Новая Квасниковка, 6/1), при явном связывании ног, останки самого погребенного также не были разрушены. Профессиональные воины-батыры явно составляли отдельную социально-общественную прослойку, вероятнее всего, полностью выделившуюся из основного общества. Именно поэтому чаще всего они и погребались в местах, территориально достаточно удаленных от формирующихся родовых кладбищ остального населения, и, видимо, поэтому не требовали по отношению к себе применения обрядов разрушения.

Время и характер огузо-салтовских контактов пока не вполне ясен и напрямую может быть свя-

зан с историческими судьбами населения Хазарского каганата. Этнические контакты салтовского населения и огузов могли начаться уже в кон.ІХ в. Вопрос о верхней дате алаано-болгарских могильников окончательно еще не решен. Отмечено, что ни на Дмитриевском, ни на Маяцком катакомбных могильниках нет достоверных вещей X в. (Флёров В.С., 1993, с.94; 2000а, с.85). Но и хронология археологических древностей Дешт-и-Огуза разработана еще явно недостаточно. Жители уничтоженных печенегами салтовских поселений легко могли найти поддержку именно у огузов. Заимствовать обряды разрушения погребенных кочевники-огузы могли и от жителей Белой Вежи, являвшихся прямыми потомками салтовского населения прежнего Саркела. Несмотря на свою интенсивную христианизацию, беловежцы сохраняли немало прежних языческих верований, в том числе и обычай практически сплошного ритуального разрушения скелетов погребенных (Флёров В.С., 1989, с.181-184; Плетнева С.А., 1990, с.39). ООП и обычай сооружения двойных погребений и подзахоронений являлись наиболее характерными особенностями жителей Саркела-Белой Вежи. О.А.Артамонова отметила связь этих обрядов с традициями населения, коренного для Белой Вежи, преимущественно, представленного европеоидами-брахикранами среднеазиатского типа и, в меньшей степени, долихокранами средиземноморского (Артамонова О.А., 1963, с.49). Возможным решением блока поднимаемых вопросов может стать антропологическое изучение костных останков средневековых кочевнических погребений Северного Прикаспия IX – нач.ХІ в.²⁶

О существовании тесных огузо-хазарских этнических контактов имеется достаточно много данных. Хазары считали огузов родственным себе народом. Какие-то группы хазар в IX-X вв. обитали среди огузов на Сырдарье. Считается, что ябгу этих хазар и ябгу огузов в письменных источниках были абсолютно идентичны друг другу. Происхождение огузской династии сельджукидов в литературе связывается именно с этими группами хазар (Вайнберг Б.И., 2001, с.42). Хорошо известно, что территория Хазарского каганата на юге и северо-западе была окружена мощной линией фортификационных сооружений. Но с востока, где располагались основные печенего-огузские кочевья, страна была полностью открыта. Между тем, Волга выше широты расположения современного Волгограда ни в зимнее, ни в летнее время какой-либо серьезной

²⁶ Антропологический материал в настоящее время изучается и готовится к печати М.А.Балабановой.

преграды для кочевников не представляла. Следовательно, после проникновения на территорию Хазарского каганата печенегов каких-либо особых противоречий между появившимися в Заволжье огузами и хазарами просто не существовало. Между ними, скорее всего, даже не существовало четко установленной границы. По сообщениям Ибн-Фадлана и Константина Багрянородного, огузы и хазары с самого начала своих контактов были союзниками в общей борьбе с печенегами. Позднее огузы, платившие дань хазарам, могли легко и беспрепятственно проникать на территорию каганата. Известно, что отец Сельджука Тукак был полководцем в войске хазар. Сам Сельджук, основатель огузской династии, с раннего детства воспитывался при дворе хазарского кагана. Только после принятия огузской верушки ислама, дружественные отношения сменились враждебными, но и при этом какие-то группировки огузов постоянно продолжали находиться на территории каганата, являясь, по сообщению Ибн-Фадлана, заложниками хазар. Сам Сельджук довольно длительное время также был огузским заложником у хазар. Именно его непосредственное окружение могло состоять из тех среднеазиатских воинов-мусульман, которые находились на постоянной службе у хазар. Именно поэтому поволжские группировки огузов, оставшиеся в язычестве, беспрепятственно могли кочевать по территории каганата. Впоследствии, ранив царя хазар мечом и булавой, Сельджук вызвал на себя гнев и был изгнан из каганата. Тем не менее, даже после явного разрыва хазаро-огузские связи продолжали сохраняться. Хорошо известно, что дети и даже внуки Сельджука имели еврейские имена, что могло быть лишь результатом длительного культурного влияния хазар на огузов (Кестлер А., 2001, с.135-136).

Таким образом, длительная политическая зависимость огузов от Хазарского каганата, пусть во многом и номинальная, общность хозяйственной деятельности, при явном культурно-экономическом превосходстве населения Хазарского каганата, с неизбежностью должны были проявиться и в идеологической сфере. Одним из возможных заимствований кочевниками огузского круга и могло быть широкое распространение в их среде ООП. Отметим важный для нас вывод В.С.Флёрова о том, что обезвреживание погребенных путем проникновения в могилу и разрушения человеческих останков получало распространение, преимущественно, у оседлого населения (Флёров В.С., 2000б, с.18). Значительное ко-

личество женских и детских захоронений, существование погребений знати, основных и коллективных захоронений, широкое распространение обряда разрушения останков умерших, формирующиеся и обозначающиеся на местности собственные родовые могильники, существование зимников – все это позволяет определить огузское общество накануне половецкого нашествия, как находящееся на переходе от второй стадии кочевания к третьей. К началу XI в. держава огузских ябгу являлась раннефеодальным государством со стационарным аппаратом управления, фискально-налоговой системой и аильной системой кочевания населения (Агаджанов С.Г., 1969, с.120, 146).

Карта распространения огузских погребальных памятников (Круглов Е.В., 2001б, с.396, рис.1) убедительно показывает, что их кочевья находились не только в Заволжье и Южном Приуралье, но и на всей территории восточных районов Хазарского каганата. Степные просторы Сарпинской низменности, Волго-Донское междуречье и Черные земли уже в I-й пол.X в. населяли именно огузы. Алешкин, Барановка (Астраханская обл.), Большой Царын, Букановский, Вертячий, Волжский (Астраханская обл.), Головка, Дюкер, Заканальный, Ильевка, Капитанский, Косика, Кривая Лука-III, V, VI, VII, XV, XVI, XXXV, Купцын Толга, Лбище, Никольевка, Никольское-V, Олень, Первомайский-VII, Старица, Таловая, Трясиновский, У-85 (Барун), Ханата, Химкомбинат, Цаган Усн-VII, Эвдык-I, Яшкуль-86, наконец, кочевнический могильник Белой Вежи – вот неполный список археологических памятников Правобережья Волги, Подонья и Сарпинской низменности, в которых огузское присутствие фиксируется достаточно убедительно. Это подтверждает сведения Масуди, отмеченные еще Г.А.Федоровым-Давыдовым, о проникновении этих кочевников в самом начале X в. на территорию Хазарского каганата (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.139). Эта же ситуация описывается и анонимным автором Худуд-ал-Алема. Но уже ал-Истахри в том же X в. писал, что Итиль (Волга) являлась границей между кимаками и огузами. Очевидно, что к кон.X – нач.XI в. огузы, находясь под давлением кимаков (баяндеров и каев), постепенно начинают смещаться через территорию Волго-Донско-Маньчского междуречья на Нижний Дон, в Подонцовье и степное Приазовье²⁷.

Пока неясно, было ли начало проникновения огузов на территорию Хазарского каганата резуль-

²⁷ Большое количество огузских захоронений исследованы здесь В.Ф.Клименко и И.Ф.Ковалевой.

татом какой-то единовременной военной миграции, или же они по воле хазарского кагана беспрепятственно заняли территориальную нишу, опустевшую еще в I-й пол. IX в. после завершения событий гражданской войны в Хазарском каганате, ухода кавар и самих хазар вместе с венграми в Среднее Подунавье и последующего прохождения через эти территории печенегов. Так или иначе, но огузы заняли на территории каганата почти все земли, ранее занимаемые самими хазарами, за исключением лишь некоторых районов Сало-Маньчского междуречья и Восточного Приазовья, где этническая ситуация для этого времени пока не совсем понятна. После разрушения в 965 г. Саркела Святославом, действовавшим в союзе с огузами, все эти земли беспрепятственно вошли в состав их владений (Агаджанов С.Г., 1969, с.37, 89, 148, 150). Представляется, что разгром каганата без такого союза был бы просто невозможен. Полагаю, что именно огузы в том же 965 г. захватили и ограбили столицу Хазарского каганата, город Итиль (Кестлер А., 2001, с.129). Долгое время огузы, особенно группы, непосредственно обитавшие на территории каганата, являлись своеобразным буфером, избавлявшим его от угроз с востока, но, в конце концов, именно они стали одними из основных могильщиков этого государства. Период наивысшего усиления могущества кочевников Дешт-и-Огуза приходится на 2-ю пол. X – самое начало XI в. Огузское общество уже находилось на переходе от второй стадии кочевания к третьей. Одним из проявлений особенностей этого населения стал обряд обезвреживания погребенных. Вопрос же о дальнейших судьбах огузского населения в половецкое время пока следует считать открытым.

Вместо заключения

Через обряд обезвреживания погребенных или непосредственного силового воздействия на останки умерших предков прошло большинство средневековых народов Евразии. Не избежали его и тюркоязычные огузы. Как известно, отношения жизни и смерти мыслились тюрками как органический взаимопереход одного в другое. Для живых это означало постоянное переживание прошлого в себе, физическое присутствие в себе всех ушедших предков, которых они помнили до десятого колена. По представлениям саяно-алтайских тюрков, умершие полностью не исчезали, их души оставались на земле и должны были постоянно заботиться о продолжавших жить родственниках. Но всегда ли предки “заботились” о потомках? До новейшего времени в среде тюркоязычных

гагаузов, являвшихся прямыми потомками средневековых огузов, при любом подозрении на возможность умершего стать вампиром, сохранялся обычай наносить ему удар ножом в сердце (Флёров В.С., 1993, с.56). Отношение к предкам не исчерпывалось благоговением и страхом перед ними. Потомки стремились к постоянной близости и поддержанию отношений со своими предками. Умершие, по их представлениям, мыслились полномочными представителями живущих в мире, населенном богами и духами. Уход в землю не означал разрыва родства, у сторон оставались равные обязанности по отношению друг к другу. Конкретная связь между ушедшими предками и живущими потомками в тюркской культуре осознается не через родство по крови, а через родство по кости. Тюрки полагали, что у членов одного рода были одинаковые кости. Например, название “сеок”, кроме значения – “род, поколение”, у алтайцев имело еще один смысл – “кость, останки, кладбище”. Тувинское выражение “хоронить, погребать, участвовать в похоронах” в буквальном переводе означает “держат его кость”. Кости – то, что остается от умершего предка и сохраняет существенные свойства былой и будущей жизни. Неудивительно поэтому, что кости воспринимались как тот самый “минимум живого”, который был способен стать источником новых рождений. Именно с костью связывались все основные представления о жизненной силе рода, постоянно и непрерывно передаваемой из поколения в поколение (Сагалаев А.М., Октябрьская И.В., 1990, с.30-32, 39-40).

Целенаправленное изучение ООП только начинается. Сейчас еще трудно говорить о всех признаках этого обряда и о всех возможных приемах обезвреживания. Но все возрастающее количество погребальных памятников с ООП делает изучение особенностей этого обряда все более и более необходимым. В настоящее время могильники со следами обряда обезвреживания открыты на громадных пространствах степей Евразии. К сожалению, пока только катакомбные аланские погребения салтово-маяцкой культуры позволили проследить черты ООП с наиболее убедительной полнотой и доказательностью. Но все это связано, скорее, с методикой и организацией полевых археологических работ, психологической неподготовленностью современных исследователей к восприятию подобных обрядовых действий древних, чем с реальной действительностью. Данная статья, в основном, как раз и является попыткой поиска этого решения. Но это – только лишь первичная постановка некоторых из возникших вопросов.

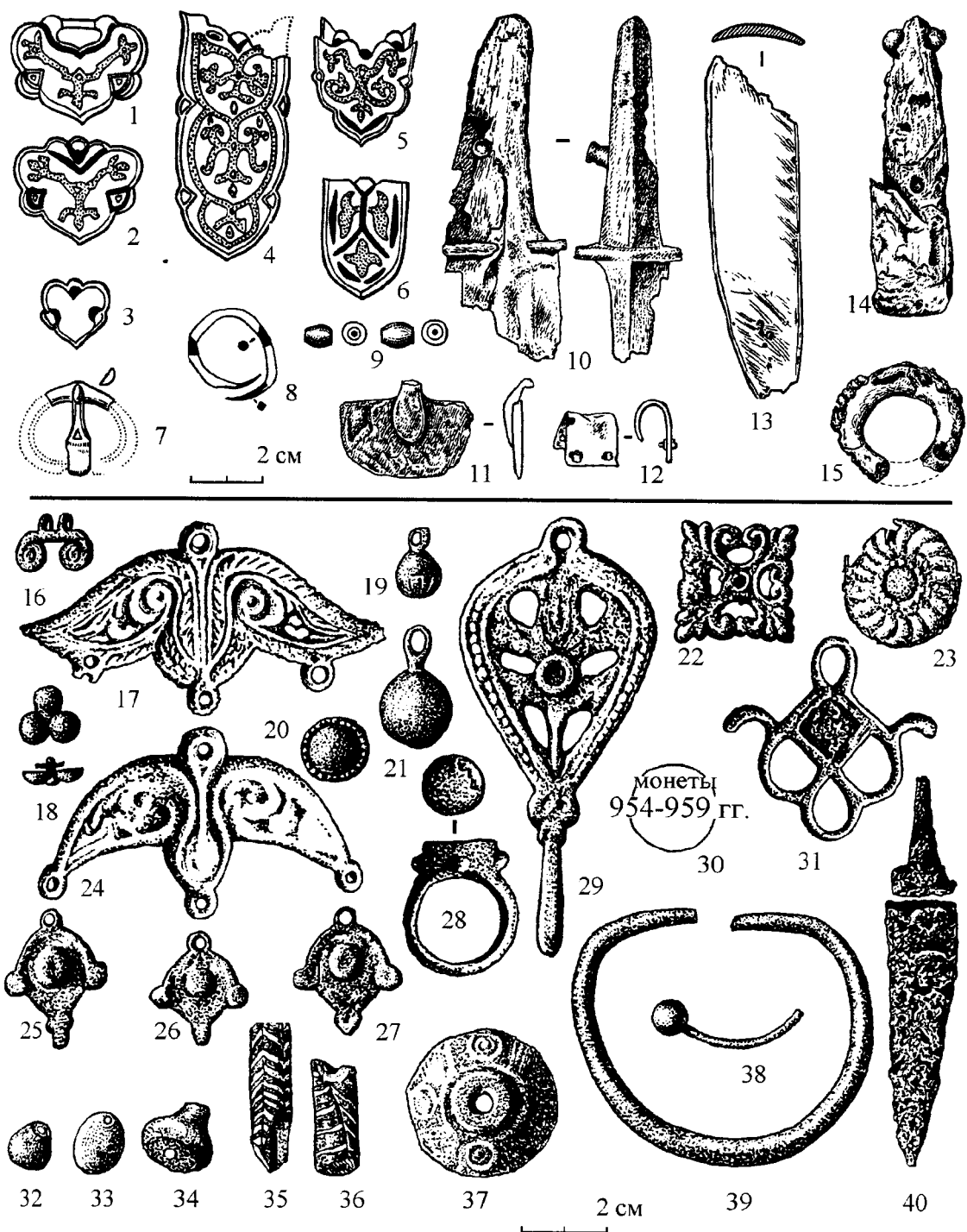

Рис. 1. Инвентарь случайных находок. 1-15 – Челкар, г.Сасай; 16-40 – Лопас.
 Fig. 1. The stock of occasional finds. 1-15 – Chelkar, the town of Sasaj; 16-40 – Lapas.
 Abb. 1. Inventar von zufälligen Funden. 1-15 – Tschelkar, die Stadt Sassaj; 16-40 – Lapas.
 Dess. 1. Objets trouvés par hasard. 1-15 – Çelkar, ville de Sasaj; 16-40 – Lapas

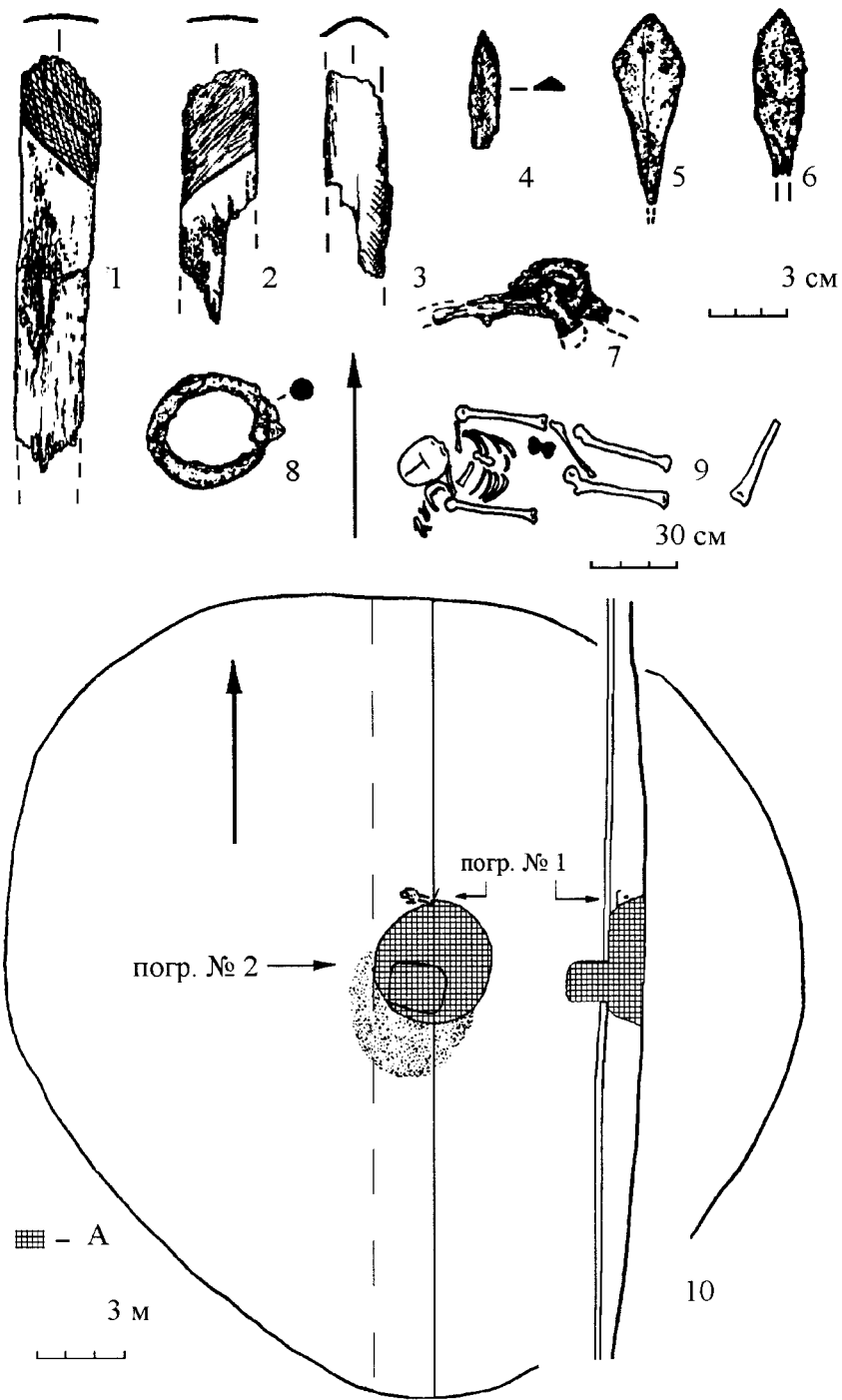

Рис. 2. Комсомольский, к.1. 1-9 – план и инвентарь погребения 1; 10 – план кургана 1. А – грабительский перекоп.

Fig. 2. Komsomolskiy, burial mound 1. 1-9 – the plan and stock of burial 1; 10 – burial mound 1 plan. А – unlawful diggings.

Abb. 2. Komsomolskij, Kurgan 1. 1-9 – Grundriss und Inventar der Bestattung 1; 10 – Grundriss des Kurgans 1; А – Raubgrabung.

Dess. 2. Komsomolskij, tumulus 1. 1-9 – plan et mobilier du tombeau 1; 10 – plan du tumulus 1. А – fouille mise au pillage

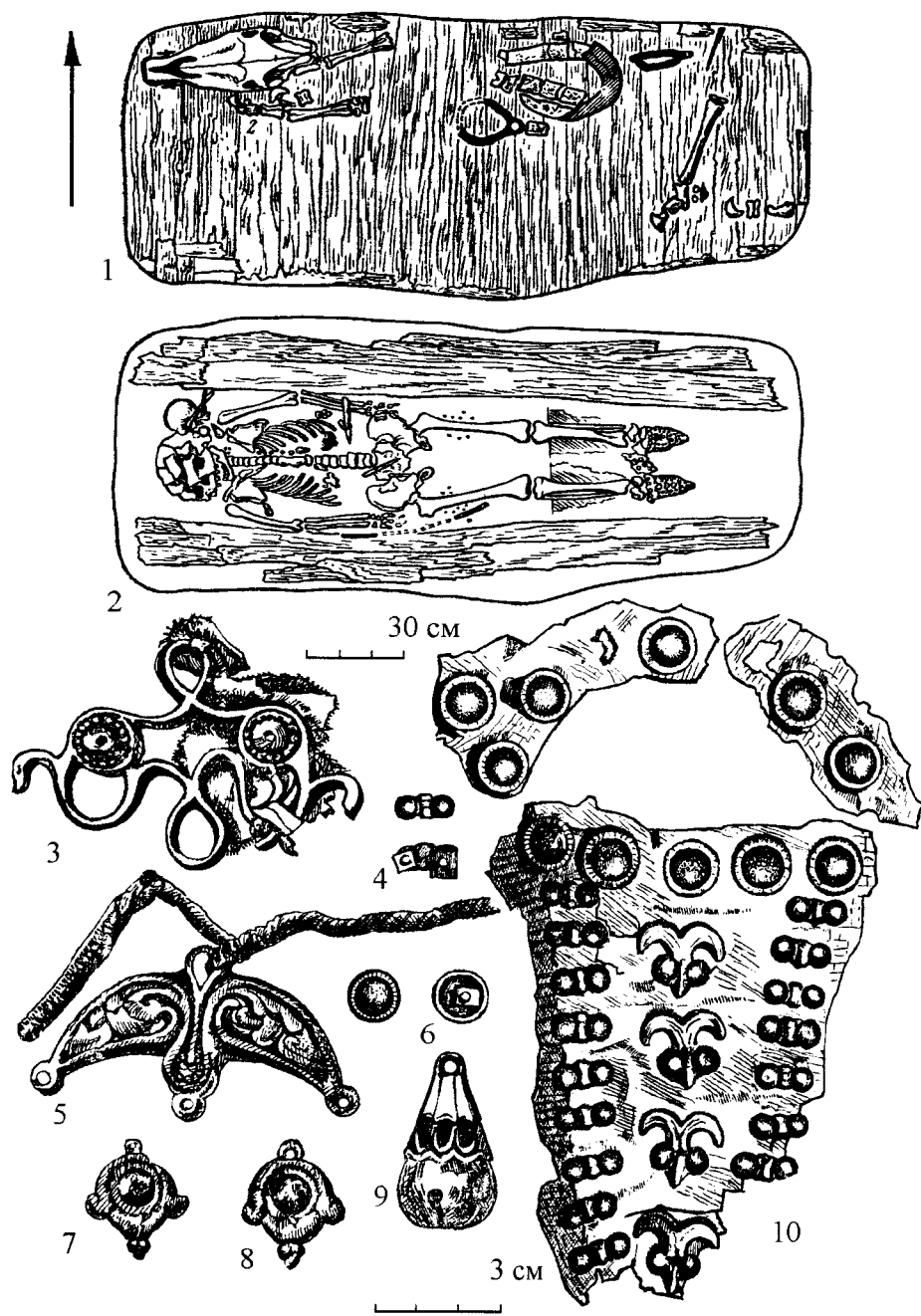

Рис. 3. Увак, 10/2. Планы и инвентарь погребения 2.
 Fig. 3. Uvak, 10/2. Burial 2 plans and stock.
 Abb. 3. Uvak, 10/2. Lageplan und Inventar der Bestattung 2.
 Dess. 3. Uvak, 10/2. Plans et mobilier du tombeau 2

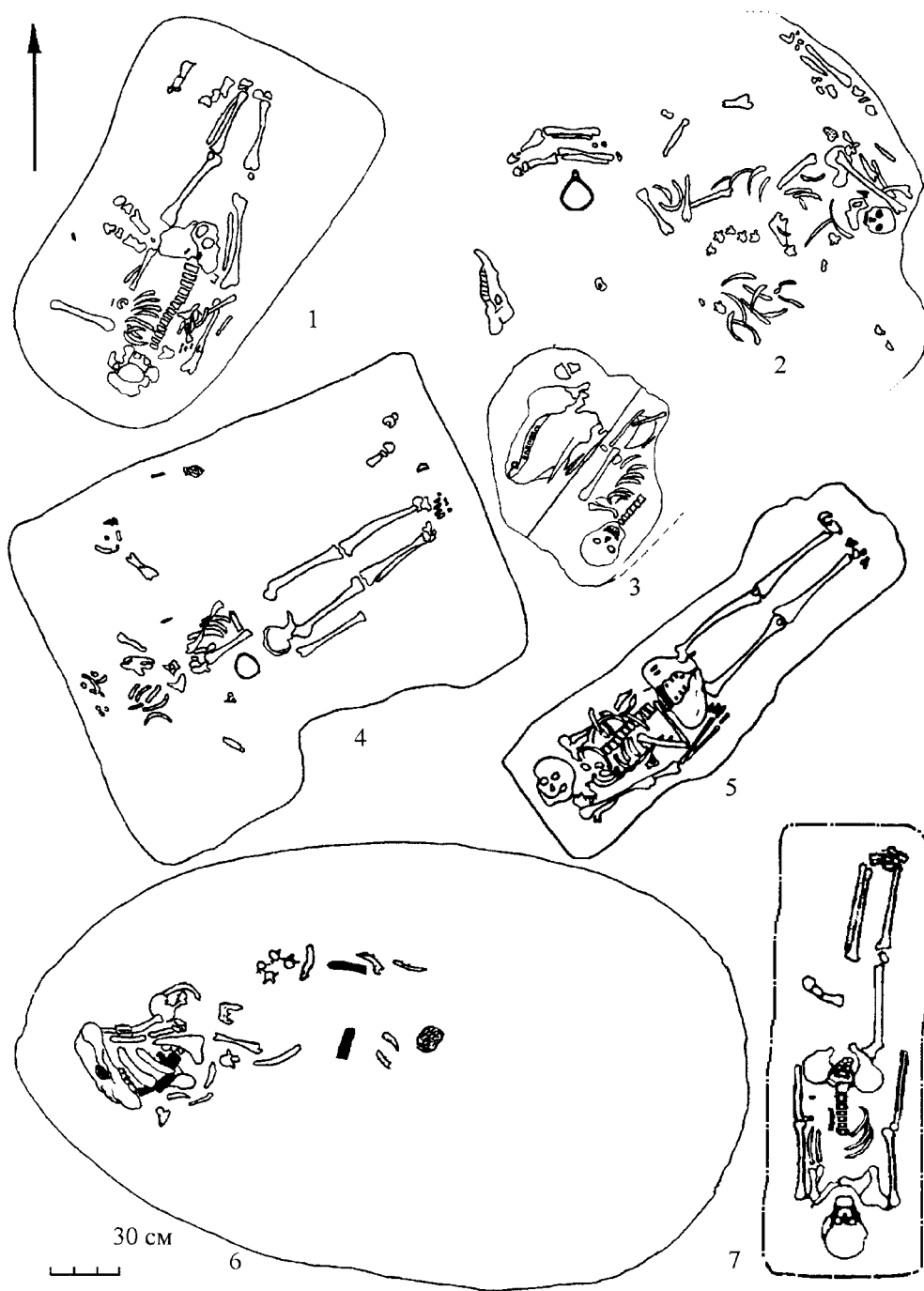

Рис. 4. Планы погребений. 1 – Карасу-I, 18/1; 2 – Карасу-I, 4/6 Б; 3 – Карасу-I, 11/2; 4 – Карасу-I, 11/1; 5 – Карасу-I, 8/1; 6 – Карасу-I, 1; 7 – Покровск-VIII, 4/1.

Fig. 4. Burial plans. 1 – Karasu-I, 18/1; 2 – Karasu-I, 4/6 Б; 3 – Karasu-I, 11/2; 4 – Karasu-I, 11/1; 5 – Karasu-I, 8/1; 6 – Karasu-I, 1; 7 – Pokrovsk-VIII, 4/1.

Abb. 4. Lagepläne der Bestattungen. 1 – Karasu-I, 18/1; 2 – Karasu-2, 4/6 Б; 3 – Karasu-I, 11/2; 4 – Karasu-I, 11/1; 5 – Karasu-I, 8/1; 6 – Karasu-I, 1; 7 – Pokrovsk-VIII, 4/1.

Dess. 4. Plans des tombeaux. 1 – Karasu-I, 18/1; 2 – Karasu-I, 4/6 Б; 3 – Karasu-I, 11/2; 4 – Karasu-I, 11/1; 5 – Karasu-I, 8/1; 6 – Karasu-I, 1; 7 – Pokrovsk-VIII, 4/1

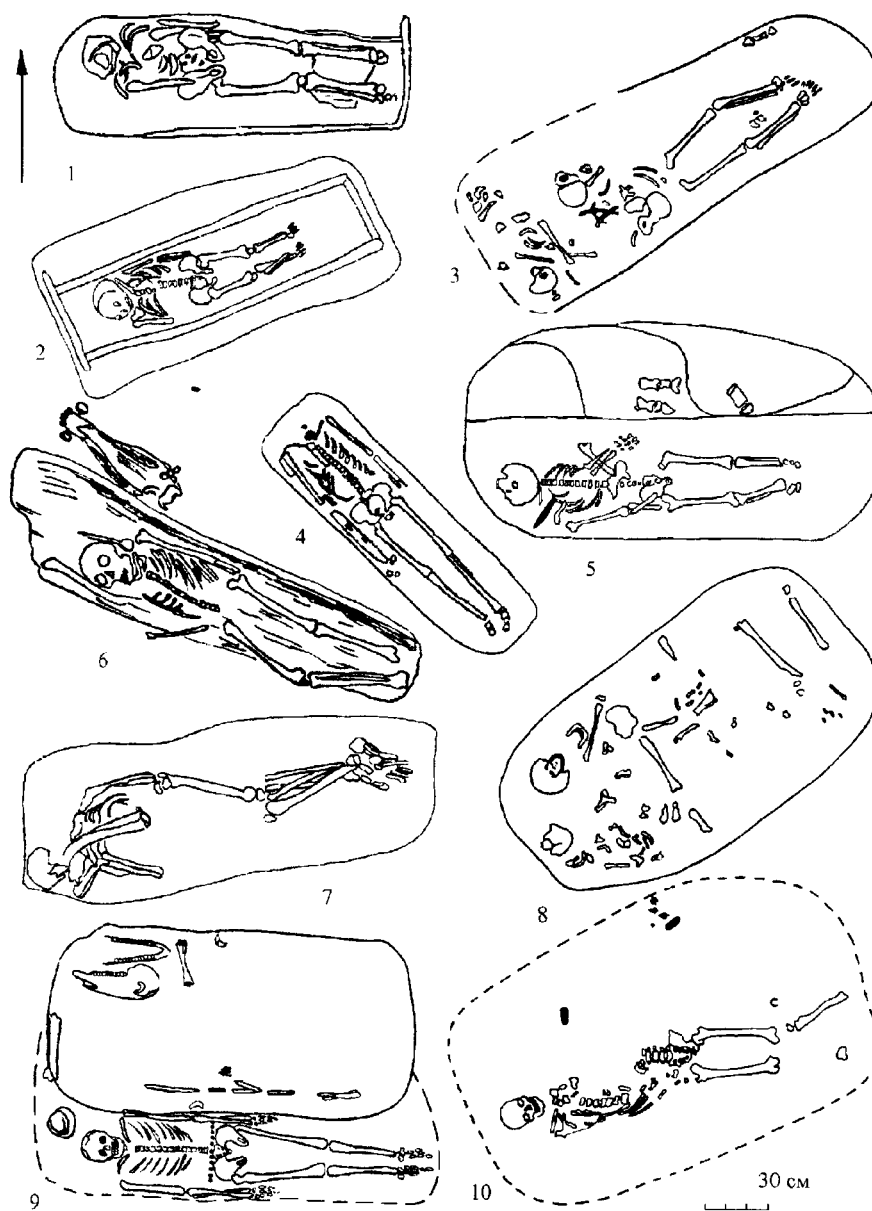

Рис. 5. Планы погребений. 1 – Степана Разина, 4/2; 2 – Степана Разина, 3/2; 3 – Карасу-I, 6/1; 4 – Атра, 2/2; 5 – Челкар, 8; 6 – Нежинское, 1/4; 7 – Кара Оба, 10/1; 8 – Карасу-I, 24/1 и 24/2; 9 – Тamar Уткуль, 3; 10 – Кировский-II, 2/2.

Fig. 5. Burial plans. 1 – Stepan Razin's, 4/2; 2 – Stepan Razin's, 3/2; 3 – Karasu-I, 6/1; 4 – Atpa, 2/2; 5 – Chelkar, 8; 6 – Nezhinskoye, 1/4; 7 – Kara Oba, 10/1; 8 – Karasu-I, 24/1 and 24/2; 9 – Tamar Utkul, 3; 10 – Kirovskij-II, 2/2.

Abb. 5. Lagepläne der Bestattungen. 1 – von Stepan Rasin, 4/2; 2 – von Stepan Rasin, 3/2; 3 – Kapasu-I, 6/1; 4 – Atpa, 2/2; 5 – Tschelkar, 8; 6 – Neyinskoje, 1/4; 7 – Kara Oba, 10/1; 8 – Kapasu-I, 24/1 und 24/2; 9 – Tamar Utkul, 3; 10 – Kirovskij-II, 2/2.

Dess. 5. Plans de tombeaux. 1 – Stepan Razin, 4/2; 2 – Stepan Razin, 3/2; 3 – Karasu-I, 6/1; 4 – Atpa, 2/2; 5 – Ćelkar, 8; 6 – Něžynskoě, 1/4; 7 – Kara-Oba, 10/1; 8 – Karasu-I, 24/1 et 24/2; 9 – Tamar Utkul, 3; 10 – Kirovskij-II, 2/2

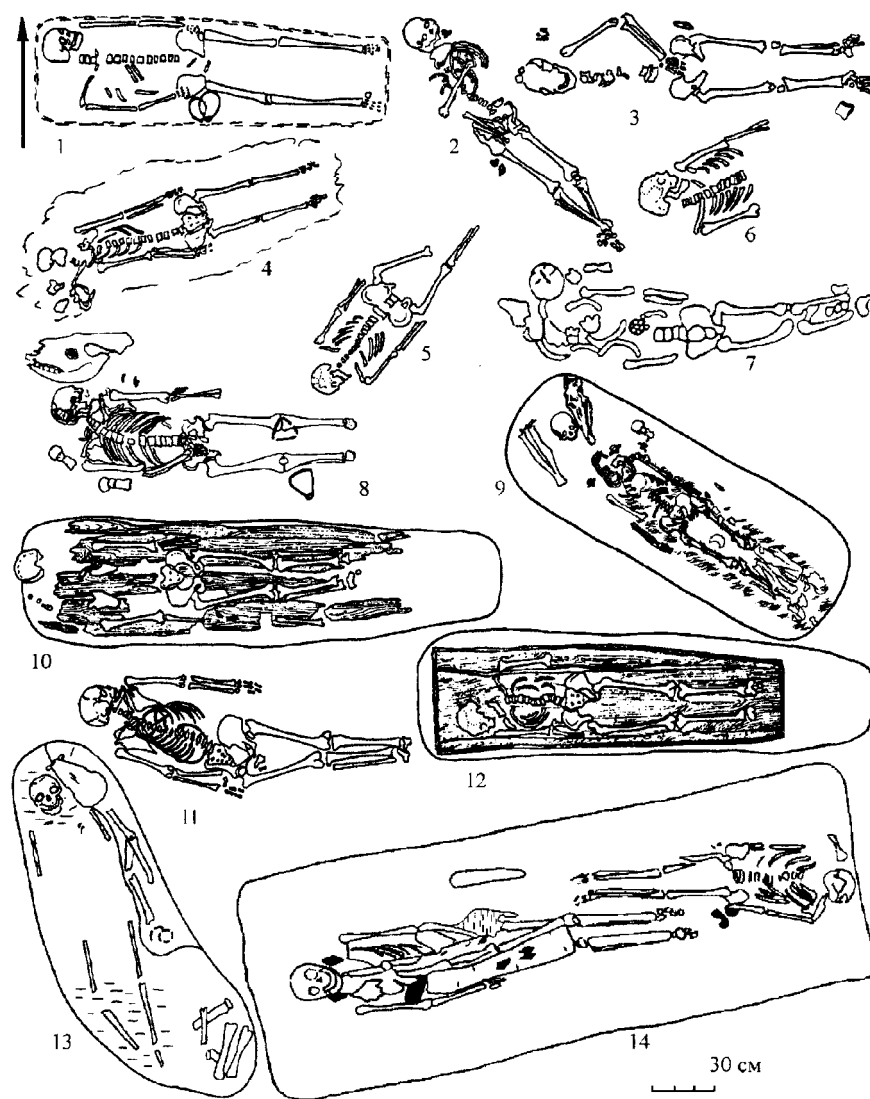

Рис. 6. Планы погребений. 1 – Букановский, 1/1; 2 – Верхнепогромное-I, 3/7; 3 – Заплавное-I, 1/3; 4 – Громки, 3/2; 5 – Средняя Ахтуба, 3/2; 6 – Средняя Ахтуба, 3/7; 7 – Кос Оба, 7/2; 8 – Приозерное, 2/3; 9 – Кривая Лука-V, 4; 10 – Средняя Ахтуба, 3/5; 11 – Маяк Октября-90, 1/2; 12 – Средняя Ахтуба, 3/6; 13 – Никольевка; 14 – Вертячий, 7/5.

Fig. 6. Burial plans. 1 – Bukanovsky, 1/1; 2 – Verkhnepogromnoye-I, 3/7; 3 – Zaplavnoye-I, 1/3; 4 – Gromki, 3/2; 5 – Sredn'aya Akhtuba, 3/2; 6 – Sredn'aya Akhtuba, 3/7; 7 – Kos Oba, 7/2; 8 – Priez'ornoye, 2/3; 9 – Krivaya Luka-V, 4; 10 – Sredn'aya Akhtuba, 3/5; 11 – Mayak Okt'abr'a-90, 1/2; 12 – Sredn'aya Akhtuba, 3/6; 13 – Nikol'yevka; 14 – Vert'achy, 7/5.

Abb. 6. Lagepläne der Bestattungen. 1 – Bukanovskij, 1/1; 2 – Verchnepogromnoje-I, 3/7; 3 – Saplavnoje-I, 1/3; 4 – Gromki, 3/2; 5 – Srednjaja Ahtuba, 3/2; 6 – Srednjaja Ahtuba, 3/7; 7 – Kos Oba, 7/2; 8 – Priosjornoje, 2/3; 9 – Krivaja Luka-V, 4; 10 – Srednjaja Ahtuba, 3/5; 11 – Majak Oktjabrja-90, 1/2; 12 – Srednjaja Ahtuba, 3/6; 13 – Nikoljevka; 14 – Wertjatschi, 7/5.

Dess. 6. Plans de tombeaux. 1 – Bukanovskij, 1/1; 2 – Verhnëpogromnoë-I, 3/7; 3 – Zaplavnoë-I, 1/3; 4 – Gromki, 3/2; 5 – Srëdnââ Ahtuba, 3/2; 6 – Srëdnââ Ahtuba, 3/7; 7 – Kos Oba, 7/2; 8 – Priezernoë, 2/3; 9 – Krivaâ Luka-V, 4; 10 – Srëdnââ Ahtuba, 3/5; 11 – Maâk Oktâbrâ -90, 1/2; 12 – Srëdnââ Ahtuba, 3/6; 13 – Nikoljÿvka; 14 – Vertâcij, 7/5

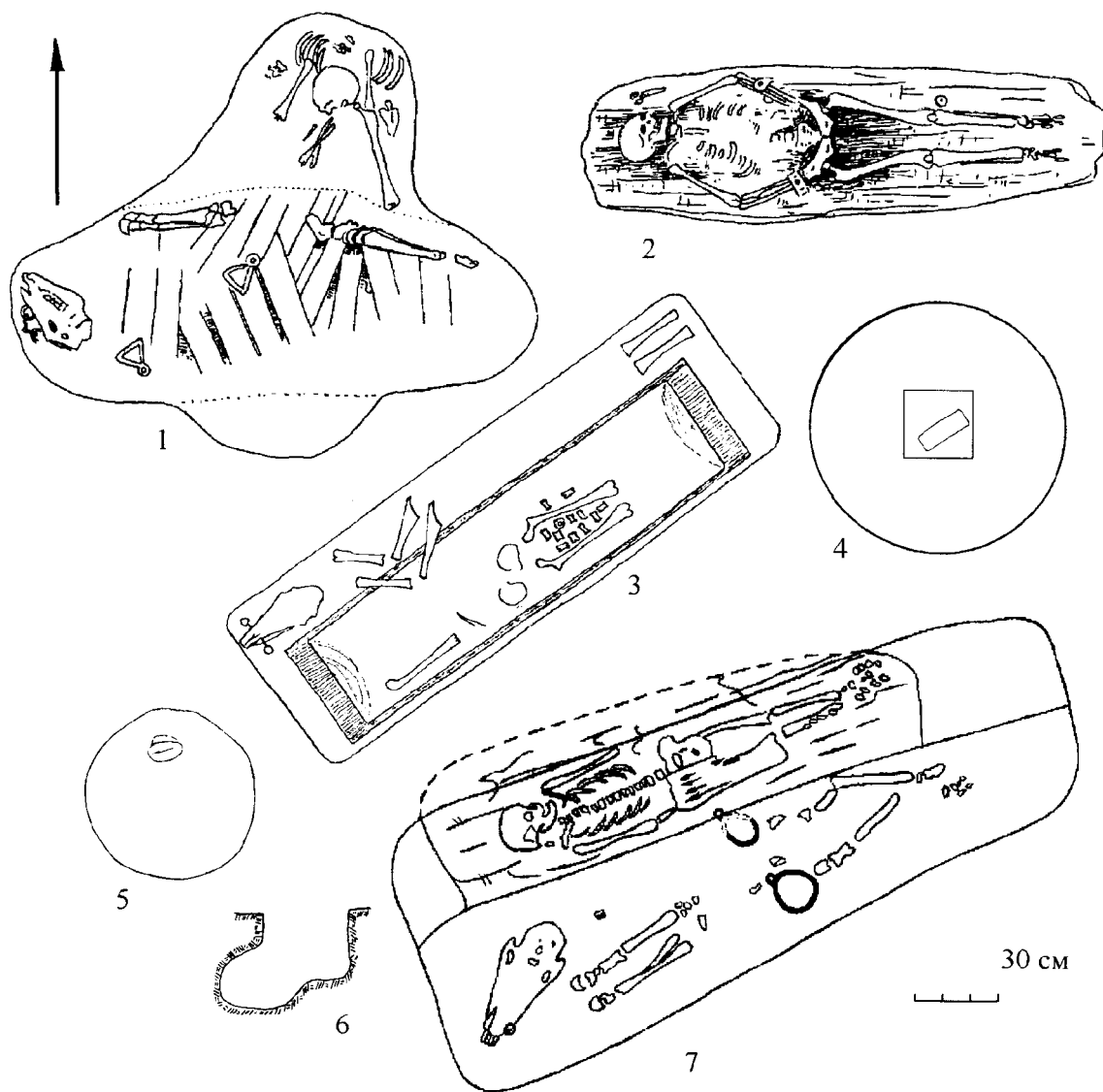

Рис. 7. Планы погребений. 1-2 – Blumenфельд; 3-4 – Свинуха, 13; 5-7 – Карасу-1, 20, где 7 – реконструкция автора. 1-4 – без масштаба.

Fig. 7. Burial plans. 1-2 – Blumenfeld; 3-4 – Svinukha, 13; 5-7 – Karasu-I, 20, where 7 is the author's reconstruction. 1-4 is without reference to any scale.

Abb. 7. Lagepläne der Bestattungen. 1-2 – Blumenfeld; 3-4 – Svinukha, 13; 5-7 – Karasu-I, 20, wo 7 die Rekonstruktion durch den Autor ist. 1-4 – ohne Maßstab.

Dess. 7. Plans de tombeaux. 1-2 – Blumenfeld; 3-4 – Svinuha, 13; 5-7 – Karasu-I, 20, où 7 – reconstruction de l'auteur. 1-4 – sans échelle

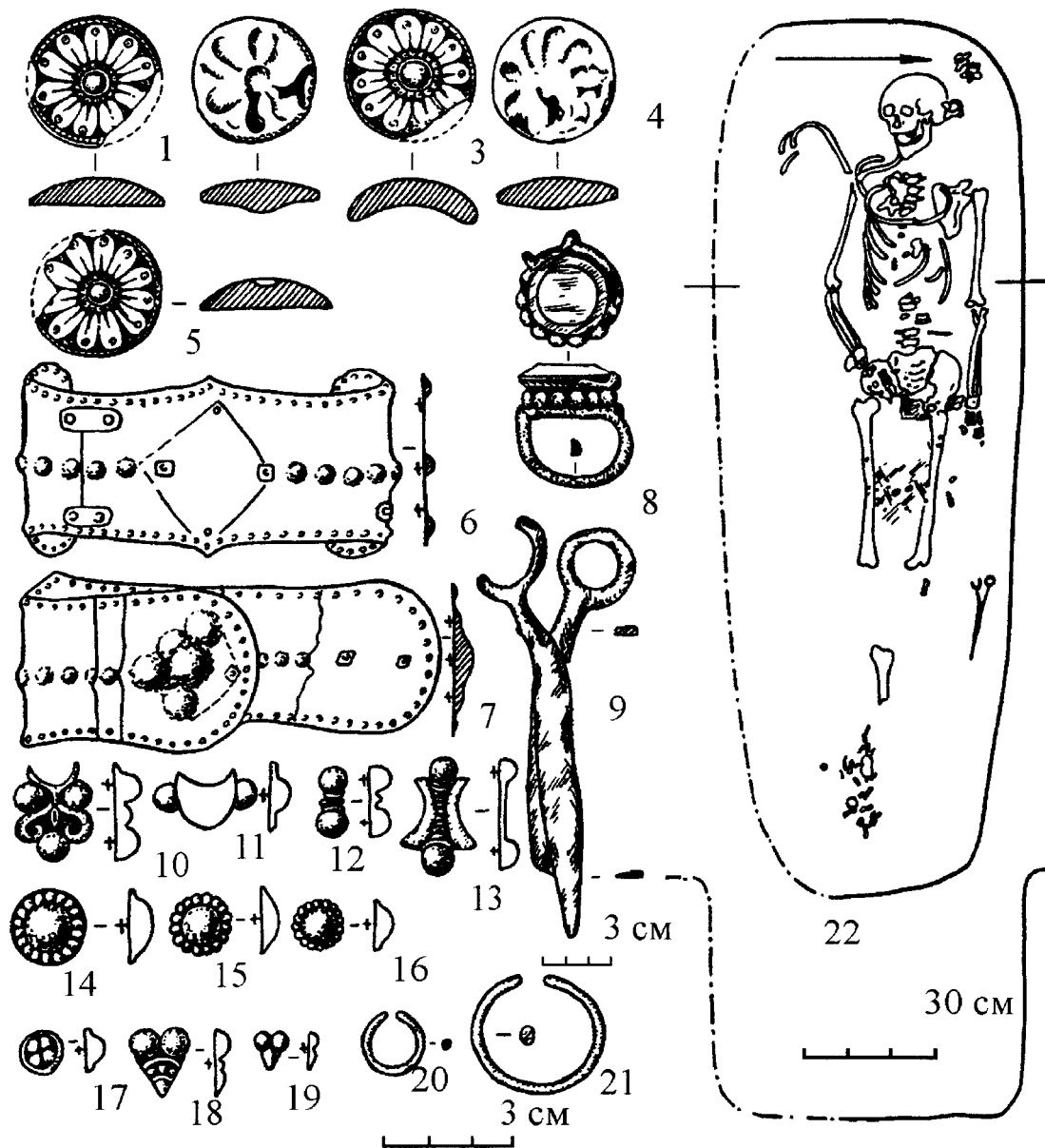

Рис. 8. Успенка. План и инвентарь погребения.

Fig. 8. Uspenka. The burial plan and stock.

Abb. 8. Uspenka. Lageplan und Inventar der Bestattung.

Dess. 8. Uspenka . Plan et mobilier du tombeau

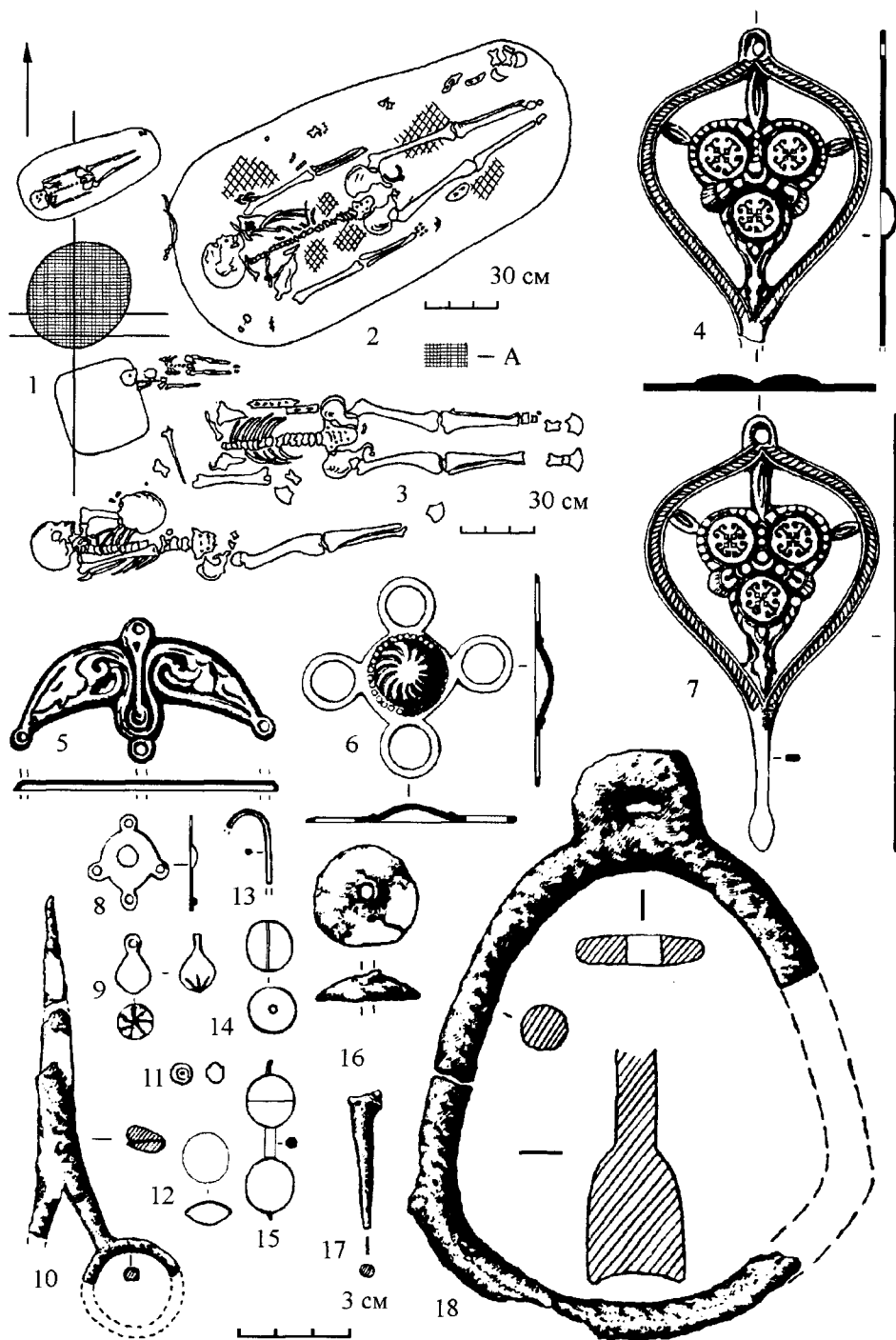

Рис. 9. Эльтон-85, курган 7. 1 – деталь плана кургана; 2, 3 – планы погребений 1 и 2; 4-18 – инвентарь из погребения 1. А – грабительский перекоп.

Fig. 9. Elton-85, burial mound 7. 1 – a detail in the burial mound plan; 2, 3 – plans for burials 1 and 2; 4-18 – the stock of burial 1. А – unlawful diggings.

Abb. 9. Elton-85, Kurgan 7. 1 – ein Teil des Kurgangrundrisses; 2, 3 – Lagepläne der Bestattungen 1 und 2; 4-18 – Inventar aus der Bestattung 1. А – Raubgrabung.

Dess. 9. Elton-85, tumulus 7. 1 – un détail du plan du tumulus; 2, 3 – plans du tombeau 1 et 2; 4-18 – mobilier du tombeau 1. А – fouille mise au pillage

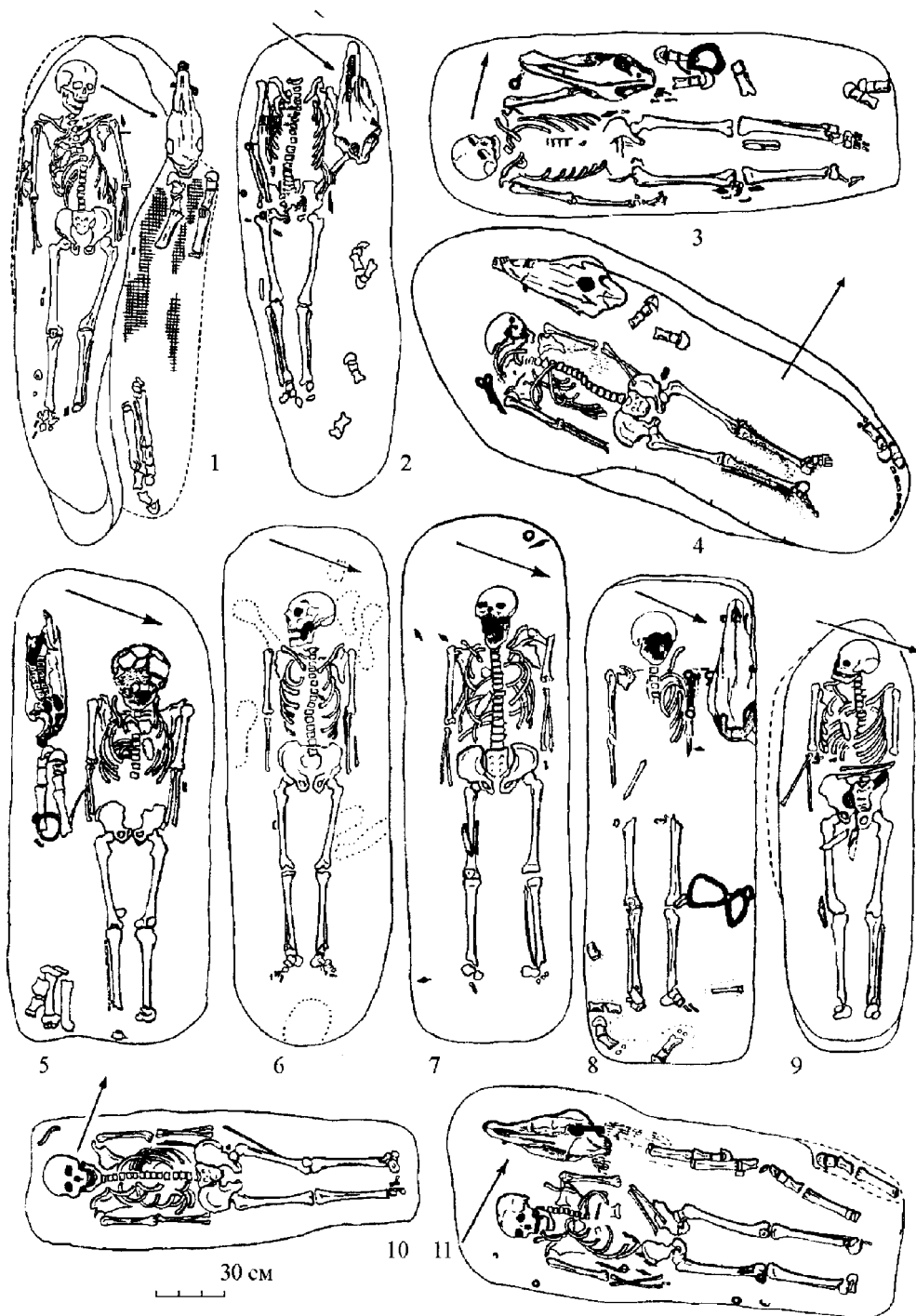

Рис. 10. Белая Вежа, планы погребений. 1 – к.43; 2 – к.5; 3 – к.8; 4 – к.47; 5 – к.56; 6 – к.27; 7 – к.10/2; 8 – к.54; 9 – к.49; 10 – к.36; 11 – к.53.

Fig. 10. Bělaja Vezha, burial plans. 1 – burial mound 43; 2 – burial mound 5; 3 – burial mound 8; 4 – burial mound 47; 5 – burial mound 56; 6 – burial mound 27; 7 – burial mound 10/2; 8 – burial mound 54; 9 – burial mound 49; 10 – burial mound 36; 11 – burial mound 53.

Abb. 10. Belaja Wesha, Lagepläne der Bestattungen. 1 – Kurgan 43; 2 – Kurgan 5; 3 – Kurgan 8; 4 – Kurgan 47; 5 – Kurgan 56; 6 – Kurgan 27; 7 – Kurgan 10/2; 8 – Kurgan 54; 9 – Kurgan 49; 10 – Kurgan 36; 11 – Kurgan 53.

Dess. 10. Bělaja Vezha, plans de tombeaux. 1 – tumulus 43; 2 – tumulus 5; 3 – tumulus 8; 4 – tumulus 47; 5 – tumulus 56; 6 – tumulus 27; 7 – tumulus 10/2; 8 – tumulus 54; 9 – tumulus 49; 10 – tumulus 36; 11 – tumulus 53

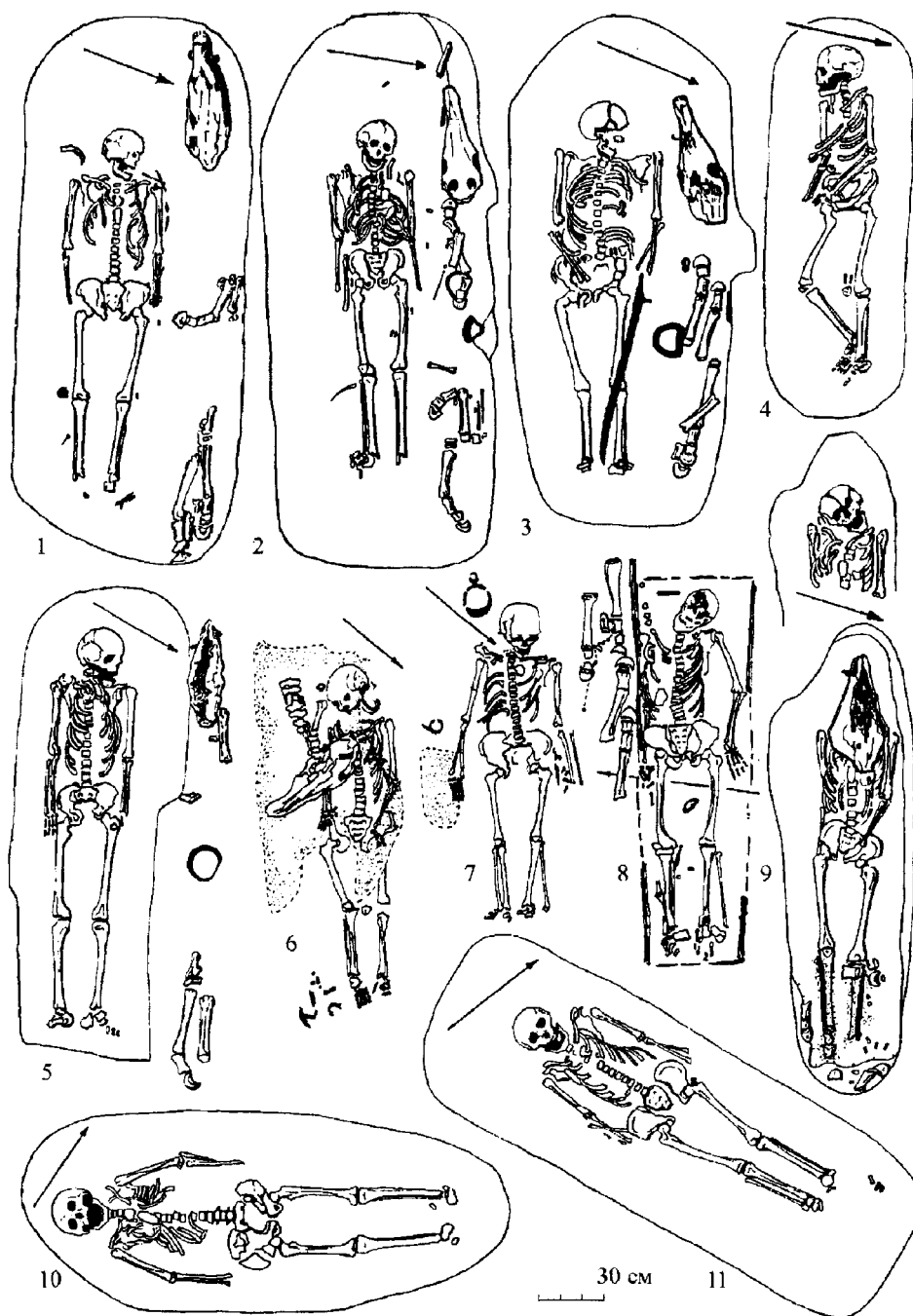

Рис. 11. Белая Вежа, планы погребений. 1 – к.37; 2 – к.40; 3 – к.34; 4 – к.38/2; 5 – к.41; 6 – нас.19/1, п.22; 7 – нас.19/1, п.26; 8 – нас.19/1, п.15; 9 – к.48; 10 – к.46; 11 – к.38/1.

Fig. 11. Belaya Vezha, burial plans. 1 – burial mound 37; 2 – burial mound 40; 3 – burial mound 34; 4 – burial mound 38/2; 5 – burial mound 41; 6 – mound 19/1, burial 22; 7 – mound 19/1, burial 26; 8 – mound 19/1, burial 15; 9 – burial mound 48; 10 – burial mound 46; 11 – burial mound 38/1.

Abb. 11. Belaja Wesha, Lagepläne der Bestattungen. 1 – Kurgan 37; 2 – Kurgan 40; 3 – Kurgan 34; 4 – Kurgan 38/2; 5 – Kurgan 41; 6 – Erdschüttung 19/1, Bestattung 22; 7 – Erdschüttung 19/1, Bestattung 26; 8 – Erdschüttung 19/1, Bestattung 15; 9 – Kurgan 48; 10 – Kurgan 46; 11 – Kurgan 38/1.

Dess. 11. Bělââ Vezha, plans de tombeaux. 1 – tumulus 37; 2 – tumulus 40; 3 – tumulus 34; 4 – tumulus 38/2; 5 – tumulus 41; 6 – talus 19/1, tombeau 22; 7 – talus 19/1, tombeau 26; 8 – talus 19/1, tobeau 15; 9 – tumulus 48; 10 – tumulus 46; 11 – tumulus 38/1

Литература и архивные материалы

- Агаджанов С.Г.**, 1969. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. Ашхабад.
- Агаджанов С.Г.**, 1977. К этнической истории огузов Средней Азии и Казахстана// Известия АН Туркменской ССР. Вып.4. Сер. общ. наук. Ашхабад.
- Айбабин А.И.**, 1985. Погребение хазарского воина// СА. № 3.
- Аксенов В.С.**, 2002. Обряд обезвреживания погребенных в Верхне-Салтовском и Рубежанском катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры// РА. № 3.
- Амброз А.К.**, 1981. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII в.// Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
- Арзютов Н.К.**, 1930. Отчет 1930 г.// Личный архив И.В.Синицына// Архив ИИМК РАН. Ф.79, д. № 120, 121.
- Арзютов Н.**, 1933. Погребения поздних кочевников Калмыцкой области// ИНВИК. Вып.6. Саратов.
- Артамонова О.А.**, 1963. Могильник Саркела – Белой Вежи// МИА. № 109.
- Атавин А.Г.**, 1984. Некоторые особенности захоронений чучел коней в кочевнических погребениях X-XIV вв.// СА. № 1.
- Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э.**, 1998. Праболгары на Средней Волге. Самара.
- Бисембаев А.А., Книсарин Б.А.**, 2000. Некоторые аспекты этнополитической истории Южного Приуралья и Западного Казахстана в VIII-XI веках// Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Т. 3. Новосибирск.
- Вайнберг Б.И.**, 2001. Туркестанские хазары// Поволжье в средние века. ТДК. Нижний Новгород.
- Васильев Д.В.**, 1993. Отчет об исследованиях на грунтовом могильнике Лбище в Володарском районе Астраханской области в 1993 г.// Архив АКМЗ.
- Васильева И.Н.**, 1979. Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья// Древняя история Поволжья. Куйбышев.
- Васильева И.Н.**, 1985. Новые погребения средневековых кочевников в Куйбышевской области// Древности Среднего Поволжья. Куйбышев.
- Васильева И.Н.**, 2000. Памятники тюркских кочевников домонгольского периода в Самарском Заволжье// История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М.
- Веддер Дж., Егоров В.Л., Дэвис-Кимбол Дж., Моргунова Н.Л., Трунаева Т.Н., Яблонский Л.Т.**, 1993. Раскопки могильников Покровка-2 и Покровка-8 в 1992 г.// Курганы левобережного Илека. Вып.1. М.
- Гаврилина Л.М.**, 1985. Кочевнические украшения X в.// СА. № 3.
- Гаврилина Л.М.**, 1987. Сбруйные украшения у кочевников Восточной Европы X-XI вв.// Археологические исследования Калмыкии. Элиста.
- Гаврилина Л.М.**, 1991. Металлические украшения сбруи из кочевнического погребения X в. Нижнего Поволжья// Материалы по археологии Калмыкии. Элиста.
- Гаврилина Л.М.**, 1993. Бляхи-решмы в украшениях узды у кочевников Восточной Европы X-XI веков// Новое в средневековой археологии Евразии. Самара.
- Галкин Л.Л.**, 1975. Отчет о работах в Саратовском Заволжье 1975 г.// Архив ИА РАН. Р-1, д. № 6469.
- Гарустович Г.Н., Иванов В.А.**, 2001. Огузы и печенеги в евразийских степях. Уфа.
- Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф.**, 1998. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV века). Уфа.
- Глухов А.А.**, 2001. Отчет о работе археологического отряда “Гюлистан” Волжского гуманитарного института Волгоградского государственного университета в 2001 году// Архив ВОКМ, д.№ 171.
- Горбунов В.С., Васильев В.Н., Иванов В.А.**, 1983. Отчет о раскопках и разведке в Оренбургской области и Башкирской АССР в 1983 г.// Архив ИА РАН.
- Гуренко Л.В.**, 1993. Новые курганные материалы Донского Правобережья// ДВДС. Вып.3.
- Гуркин С.В.**, 2001. Кыпчаки и кимаки в IX – первой трети XI вв.// Донская археология. Вып.3-4 (12-13).
- Гуцалов С.Ю.**, 1993. Погребение огузо-печенежского времени в кургане Болгарка-I (Актюбинская область)// Новое в средневековой археологии Евразии. Самара.
- Дворниченко В.В., Куйбышев А.В., Малиновская Н.В., Федоров-Давыдов Г.А.**, 1975. Отчет о раскопках курганов в Черноярском районе Астраханской области в зоне 1-й очереди строительства КАРОС в 1975 г.// Архив ИА РАН. Р-1, д. № 5250.
- Дворниченко В.В., Малиновская И.В., Федоров-Давыдов Г.А.**, 1977. Раскопки курганов в урочище Кривая Лука в 1973 г.// Древности Астраханского края. М.

- Дворниченко В.В., Плахов В.В., Федоров-Давыдов Г.А.**, 1984. Отчет о работах Енотаевского отряда Поволжской экспедиции у с.Косика в 1984 г.// Архив ИА РАН. Р-1, д. № 10879.
- Дворниченко В.В., Смирнов А.С., Федоров-Давыдов Г.А.**, 1976. Отчет о раскопках курганов в Астраханской области в 1976 г.// Архив ИА РАН. Р-1, д. № 6719.
- Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А.**, 1980. Отчет о раскопках курганов в зоне строительства 1-й очереди КАРОС в Черноярском р-не Астраханской области в 1980 г.// Архив ИА РАН. Р-1, д. № 8254.
- Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А.**, 1981. Отчет о раскопках курганов в зоне строительства 1-й очереди КАРОС в 1981 г.// Архив ИА РАН. Р-1, д. № 9905.
- Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А.**, 1989. Раскопки курганов в зоне строительства Калмыцко-Астраханской и Никольской оросительных систем// Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М.
- Железчиков Б.Ф.**, 1998. Археологические памятники Уральской области. Волгоград.
- Железчиков Б.Ф., Кушаев Г.А.**, 1999. Погребения на берегу озера Челкар в Западном Казахстане// Нижневолжский археологический вестник. Вып.2. Волгоград.
- Жирница**, 1988. Середина XIX в. Серебро, чернь// Серебро в фондовых собраниях Государственного объединенного музея КБА СССР. Комплект открыток. Минеральные Воды.
- Зарецкий И.А.**, 1941. Пос. Благодословенка и Акбулак// Археологические исследования в РСФСР 1934-1936 гг. М.; Л.
- Иванов В.А.**, 1990. Этнические процессы в степной и лесостепной полосе Южного Урала и Приуралья в VII-XIV вв. н.э.// Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.
- Иванов В.А.**, 1993а. Хронологические комплексы X-XI вв. на Южном Урале и в Приуралье// Хронология памятников Южного Урала. Уфа.
- Иванов В.А.**, 1993б. Три стадии кочевания в истории средневековых племен Урало-Волжских степей// Новое в средневековой археологии Евразии. Самара.
- Иванов В.А.**, 2001. Средневековые погребения могильника Тамар-Уткуль на Илеке// Археологические памятники Оренбуржья. Вып. V. Оренбург.
- Ильина А.И., Шишкин П.Н.**, 1929. Материалы к археологической карте Нижневолжского края. Сталинград.
- Каталог выставки**, 2001. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Волгоград.
- Кёстлер А.**, 2001. Тринадцатое колено. Крушение империи хазар и ее наследие. СПб.
- Ким М.Г.**, 1977. Отчет о полевых археологических исследованиях у ст.Новоузенск Саратовской обл., произведенных в 1977 г.// Архив ИА РАН. Р-1, д.№ 6773.
- Клейн Л.С., Раев Б.А., Семенов А.И., Субботин А.В.**, 1972. Катакомба скифского времени и салтовский курган на Дону// АО 1971 г. М.
- Кокебаева Г.К.**, 1980. Памятники поздних кочевников Западного Казахстана// История материальной культуры Казахстана. Алма-Ата.
- Комар А.В.**, 1999. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии)// Vita Antiqua. № 2. К.
- Комар А.В.**, 2001. К вопросу о дате и этнокультурной принадлежности шилловских курганов// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.2. Донецк.
- Комаров А.М., Мамонов А.Е., Овчинникова Н.В.**, 1990. Отчет о раскопках курганных могильников в Ленинском районе Волгоградской области в 1990 г.// Архив ВОКМ, д. № 101.
- Конкин В.Н.**, 1969. Украшение из половецкого погребения// СА. № 2.
- Кравченко А.А.**, 1978. Кочевническое погребение XII в. у с.Флориновское// Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. К.
- Красильников К.И.**, 1978. Раннепеченежское погребение в с.Горшковке// СА. № 4.
- Кривцова-Гракова О.А.**, 1928. Погребения поздних кочевников из раскопок в Оренбургском уезде летом 1927 г.// ТСА РАНИОН. Т.4.
- Кригер В.А.**, 1979. Погребение и случайные находки IX-XI вв. на территории Уральской области// Древняя история Поволжья. Куйбышев.
- Кригер В.А.**, 1983. Отчет о раскопках Бахтияровского могильника в Ленинском районе Волгоградской области в 1983 г.// Архив ВОКМ, д. № 73.
- Кригер В.А.**, 1984. Отчет об археологических исследованиях Бахтияровского могильника в Ленинском районе Волгоградской области в 1984 г.// Архив ВОКМ, д. № 44.
- Кригер В.А.**, 1985а. Кочевники Южного Приуралья и Заволжья в средние века (X-XIV вв.)// Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

- Кригер В.А.**, 1985б. Отчет о раскопках в 1985 году в Среднеахтубинском и Ленинском районах Волгоградской области// Архив ВОКМ, д. № 46.
- Кригер В.А.**, 1986. Средневековые кочевники Заволжья (обзор источников)// Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов.
- Кригер В.А.**, 1993. Огузские курганы в междуречье Волги и Эмбы// Новое в средневековой археологии Евразии. Самара.
- Кригер В.А., Железчиков Б.Ф.**, 1980. Позднекочевнические погребения у пос.Рубежка и Алебастрово Уральской области// СА. № 1.
- Круглов Е.В.**, 1989а. Отчет о разведках археологических памятников в Волгоградской области в 1989 г.// Архив ВОКМ, д. № 49.
- Круглов Е.В.**, 1989б. Некоторые замечания о погребальном обряде средневековых кочевников VII-XI вв.// Тезисы докладов VI научной конференции профессорско-преподавательского состава ВолГУ. Волгоград.
- Круглов Е.В.**, 1989в. К вопросу об этнокультурной характеристике подкурганых погребений салтовомаяцкой культуры (по материалам восточной группы памятников)// Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Тезисы докладов конференции. Донецк.
- Круглов Е.В.**, 1990. О подкурганых захоронениях калмыцко-астраханских степей хазарского времени// Вопросы археологии юга Восточной Европы. Элиста.
- Круглов Е.В.**, 1992а. Печенежский кенотаф из Журова кургана// Исследования по археологии Юга Восточной Европы. Элиста.
- Круглов Е.В.**, 1992б. К проблеме формирования хазарской этносоциальной общности// Вопросы этнической истории Волго-Донья. Тезисы докладов конференции. Пенза.
- Круглов Е.В.**, 1992в. К проблеме формирования хазарской этносоциальной общности// Межрегиональная конференция "Средневековые кочевники и городская культура Золотой Орды". Тезисы докладов конференции. Волгоград.
- Круглов Е.В.**, 1992г. Хазарские погребения на реке Аксай// ДВДС. Вып.2. Волгоград.
- Круглов Е.В.**, 1992д. Хазарские погребения в бассейне реки Иловли// СА. № 3.
- Круглов Е.В.**, 1994. К вопросу о печенегах// Проблемы всеобщей истории. Волгоград.
- Круглов Е.В.**, 2001а. О некоторых особенностях погребального обряда огузов// Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Астрахань.
- Круглов Е.В.**, 2001б. Погребальный обряд огузов Северного Прикаспия 2-й пол. IX – 1-й пол. XI в.// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.2. Донецк.
- Кушаев Г.А.**, 1968. Отчет о раскопках 1968 г.// Архив ИА им.А.Х.Маргулана Республики Казахстан.
- Кушаев Г.А.**, 1974. Отчет о раскопках 1974 г.// Архив ИА им.А.Х.Маргулана Республики Казахстан.
- Кушаев Г.А.** 1975. Отчет об итогах археологических раскопок Уральского пединститута в 1975 г.// Архив ИА им.А.Х.Маргулана Республики Казахстан.
- Кушева-Грозевская А.**, 1928. Золотоордынские древности ГИМ из раскопок 1925-1926 г. в Нижнем Поволжье. Саратов.
- Лукашов А.В.**, 1980. Отчет о работе Палласовского отряда Заволжской экспедиции ВГПИ за 1980 г.// Архив ВОКМ, д. № 120.
- Лукашов А.В.**, 1981. Отчет о работе Заволжской экспедиции ВГПИ за 1981 г.// Архив ВОКМ, д. № 121.
- Лукашов А.В.**, 1982. Отчет о работе Заволжской экспедиции ВГПИ в Палласовском районе Волгоградской области за 1982 г.// Архив ВОКМ, д. № 66.
- Лукашов А.В.**, 1983. Отчет о работе Заволжской экспедиции ВГПИ в 1983 г.// Архив ВОКМ, д. № 122.
- Лукашов А.В.**, 1984. Отчет о работе Заволжской экспедиции в 1984 г.// Архив ВОКМ, д. № 138.
- Лукашов А.В.**, 1985. Отчет об археологических исследованиях Заволжского отряда экспедиции ВГПИ в 1985 г.// Архив ВОКМ, д. № 139.
- Ляхов С.В.**, 1997. Новые кочевнические погребения и отдельные находки X-XI вв. Нижнего Поволжья// Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов.
- Мажитов Н.А.**, 1981. Курганы Южного Урала VIII-XII вв. М.
- Мажитов Н.А., Рутто Н.Г.**, 1974. Отчет о работах в 1974 г.// Архив ИА РАН. Р-1, д. № 5500.
- Макарова Т.И.**, 1962. Украшения и амулеты из лазурита у кочевников X-XI вв.// АСГЭ. Вып.4.
- Максимов Е.К.**, 1969. Позднекочевнические погребения Урало-Волжского района// Древности Восточной Европы. М.
- Мамонтов В.И.**, 1967. Отчет о работе археологического отряда ВОКМ в 1967 г.// Архив ВОКМ, д. № 25.
- Мамонтов В.И.**, 1970. Отчет о работе Приволжского археологического отряда ЛОИА АН СССР и ВОКМ

- в 1970 г.// Архив ВОКМ, д. № 29.
- Мамонтов В.И.**, 1973. Отчет о работе Приволжского отряда Волго-Донской экспедиции ЛОИА АН СССР в Ленинском и Калачевском районах Волгоградской области в 1973 г.// Архив ВОКМ, д. № 32.
- Мамонтов В.И.**, 1976. Отчет о работе Приволжского отряда Волго-Донской экспедиции ЛОИА АН СССР и Волгоградского отделения ВООПИК в 1976 г.// Архив ВОКМ, д. № 35.
- Мамонтов В.И.**, 1977. Отчет о работе Приволжского отряда Волго-Донской экспедиции ЛОИА АН СССР и Волгоградского отделения ВООПИК в 1977 г.// Архив ВОКМ, д. № 36.
- Мамонтов В.И.**, 1978. Отчет о работе Приволжского отряда ЛОИА АН СССР, Волгоградского отделения ВООПИК и археологического отряда ВГПИ в 1978 г.// Архив ВОКМ, д. № 37.
- Мамонтов В.И.**, 1979. Отчет о работе Приволжского отряда ЛОИА АН СССР, Волгоградского областного отделения ВООПИК и археологического отряда ВГПИ в 1979 г.// Архив ВОКМ, д. № 38.
- Мамонтов В.И.**, 1990. Отчет о работе Приволжского отряда ЛОИА АН СССР и Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПИ за 1990 г.// Архив ВОКМ, д. № 69.
- Мамонтов В.И.**, 1992. Курганный могильник Зубовка// ДВДС. Вып.2.
- Мамонтов В.И.**, 2000а. Материалы курганного могильника Химкомбинат, группа Б// Нижневолжский археологический вестник. Вып.3. Волгоград.
- Мамонтов В.И.**, 2000б. Древнее население левобережья Дона (по материалам курганного могильника Первомайский-VII). Волгоград.
- Мамонтов В.И., Ситников А.В.**, 1993. Средневековые погребения Царевского курганного могильника// ДВДС. Вып.3.
- Мелентьев А.Н.**, 1967. Отчет Заволжского отряда Астраханской экспедиции ЛОИА АН СССР о разведке в Северном Прикаспии// Архив ИА РАН. Р-1, д. № 3585.
- Мельник В.И.**, 1977. Отчет Питерского отряда Средневолжской экспедиции ИА АН СССР о разведках и раскопках, произведенных в 1977 г.// Архив ИА РАН. Р-1, д. № 6562.
- Мельник В.И.**, 1991. Особые виды погребений катакомбной общности. М.
- Мерперт Н.Я.**, 1957. Отчет о работе Сталинградской экспедиции в 1957 г.// Архив ИА РАН. Р-1, д. № 1972.
- Мерперт И.Я.**, 1967. Раскопки в Нижнем Поволжье// Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. К.
- Минаева Т.М., Рау П.Д.**, 1926. Отчет об археологических разведках по р.Торгуну в 1924 г.// ТНВОНОК. Вып.35, ч.1. Саратов.
- Мошкова М.Г., Федорова-Давыдова Э.А.**, 1974. Работы Цимлянкой экспедиции 1970 года// Археологические памятники Нижнего Поволжья. Вып.1. М.
- Мыськов Е.П.**, 1983. Отчет о работе Волго-Ахтубинского отряда в 1983 г.// Архив ВОКМ, д. № 43.
- Мыськов Е.П.**, 1985. Отчет о работе Волго-Ахтубинского отряда в 1985 г.// Архив ВОКМ, д. № 183.
- Мыськов Е.П.**, 1993. Погребения кочевников IX-XI вв. на Ахтубе// ДВДС. Вып.3.
- Мышкин В.Н., Турецкий М.А.**, 1993. Раскопки курганов у х.Трясиновский// ДВДС. Вып.3.
- Нефедов Ф.Д.**, 1899. Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье, произведенных летом 1887 и 1888 гг.// Материалы по археологии восточных губерний. Т.3. М.
- Николаева Н.А., Сафронов В.А.**, 1985. Исследование курганов в зоне строительства системы КАРОС на землях совхоза Джангр Октябрьского р-на Калмыцкой АССР в 1985 г.// Архив КИСЭПИ. Ф.14, оп.2, д. № 34.
- Николаева Н.А., Сафронов В.А.**, 1986. Исследование курганов на трассе канала Волга-Чограй в 1986 г.// Архив КИСЭПИ. Ф.14, оп.2, д. № 43.
- Новожилов В.В., Клепиков В.М.**, 1997. Охранные раскопки в Среднеахтубинском районе Волгоградской области// Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Вып.2. Волгоград.
- Пигарев Е.М.**, 1997. Два погребения кочевников IX-XI вв. на территории Астраханской области// Очерки исследователей Астраханского края. Вып.2. Астрахань.
- Плетнева С.А.**, 1958. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях// МИА. № 62.
- Плетнева С.А.**, 1963. Кочевнический могильник близ Саркела-Белой Вежи// МИА. № 109.
- Плетнева С.А.**, 1973. Древности черных клобуков// САИ. Е1-19. М.
- Плетнева С.А.**, 1981. Печенеги, торки, половцы// Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
- Плетнева С.А.**, 1982. Кочевники средневековья. М.
- Плетнева С.А.**, 1983. Средневековые "амазонки" в европейских степях// Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н.э. Воронеж.

- Плетнева С.А.**, 1989. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.
- Плетнева С.А.**, 1990. Печенеги и гузы на Нижнем Дону (по материалам кочевнического могильника у Саркела-Белой Вежи). М.
- Попов С.А.**, 1976. Отчет о работе Оренбургской археологической экспедиции в 1976 г.// Архив ИА РАН. Р-1, д.№ 5960.
- Пшеничниук А.Х.**, 1984. Отчет о результатах археологических исследований в 1984 г.// Архив ИА РАН. Р-1, д.№ 10346.
- Пятых Г.Г.**, 1975. Отчет о раскопках и разведках в зоне строительства Куйбышевского обводнительно-оросительного канала в 1975 г.// Архив ИА РАН. Р-1, д.№ 5870.
- Раев Б.А.**, 1979. Каталог археологических коллекций. Новочеркасск.
- Рау П.Д.**, 1920. Отчет о раскопках в 1920 г.// Личный архив И.В.Синицына// Архив ИИМК. Ф.79, д. № 35.
- Рыков П.С.**, 1926. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г.// ИКИИЮОВО. Вып. I. Саратов.
- Рыков П.С.**, 1929. Археологические разведки и раскопки в Нижневолжском крае, произведенные в 1928 году// ИНВИК. Вып. 3. Саратов.
- Савинов Д.Г.**, 1979. Об основных этапах развития этнокультурной общности кыпчаков на юге Западной Сибири// История, археология и этнография Сибири. Томск.
- Сагалаев А.М., Октябрьская И.В.**, 1990. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Новосибирск.
- Семенов А.И.**, 1982. Рец.: Раев Б.А., 1979. Каталог археологических коллекций МИДК. Новочеркасск// СА. № 4.
- Семенов А.И.**, 1988. К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы// АСГЭ. № 29.
- Сергацков И.В.**, 1999. Отчет об археологических исследованиях у села Колобовка Ленинского района Волгоградской области в 1999 г.// Архив ВОКМ, д. № 172.
- Сергацков И.В., Дворниченко В.В., Демкин В.А.**, 2001. Курганный могильник Маляевка-V// Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1. Волгоград.
- Синицын И.В.**, 1933. Древние памятники Приморского района Калмообласти// ИНВИК. Т. 6. Саратов.
- Синицын И.В.**, 1952. Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане// КСИИМК. Вып. XLV.
- Синицын И.В.**, 1956. Археологические исследования в Западном Казахстане// Труды ИИАЭ АН КазССР. Т. 1. Алма-Ата.
- Синицын И.В.**, 1959. Археологические исследования Заволжского отряда (1951-1953)// МИА. № 60.
- Синицын И.В.**, 1966. Древние памятники Саратовского Заволжья// Археологический сборник. Саратов.
- Синицын И.В., Эрдниев У.Э.**, 1971. Элистинский курганный могильник. Элиста.
- Скворцов Н.Б.**, 2000. Охранные археологические раскопки курганного могильника Солянка-I в Николаевском районе Волгоградской области в 2000 г.// Архив ВОКМ, д. № 152.
- Скрипкин А.С.**, 1980. Отчет об археологических раскопках в зоне строительства Большой Волгоградской оросительной системы в Быковском районе Волгоградской области в 1980 г.// Архив ВОКМ, д. № 88.
- Смирнов К.Ф.**, 1956. Отчет о работе Чкаловской археологической экспедиции ИИМК АН СССР и Чкаловского музея в 1956 г.// Архив ИА РАН. Р-1, д. № 1255.
- Смирнов К.Ф.**, 1957. Отчет о работе Чкаловской экспедиции ИИМК АН СССР, ГИМ и Оренбургского краеведческого музея в 1957 г.// Архив ИА РАН. Р-1, д.№ 1686.
- Смирнов К.Ф.**, 1960. Быковские курганы// МИА. № 78.
- Сорокина Н.П.**, 1969. Средневековые погребения из некрополя г.Кепы на Таманском полуострове// Экспедиции ГИМ. М.
- Спицын А.А.**, 1895. Отчет о поездке летом 1893 года на Жареный бугор и на некоторые приволжские золотоордынские города// ОАК за 1893 год. СПб.
- Федоров-Давыдов Г.А.**, 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
- Федорова-Давыдова Э.А.**, 1969. Погребение знатной кочевницы в Оренбургской области// Древности Восточной Европы. М.
- Филипченко В.А.**, 1959. Погребение X в. в Астраханской области у с.Лапас// СА. № 2.
- Флёров В.С.**, 1984. Маяцкий могильник// Маяцкое городище. М.
- Флёров В.С.**, 1989. Обряд обезвреживания погребенных у праболгар// Проблеми на прабългарската история и култура. София.

- Флёров В.С.**, 1992. О методике раскопок могильников с обрядом обезвреживания погребенных// Теория и методика исследования археологических памятников лесостепной зоны. Липецк.
- Флёров В.С.**, 1993. Погребальные обряды на севере Хазарского каганата. Волгоград.
- Флёров В.С.**, 2000а. Розыскания по обряду обезвреживания погребенных в раннесредневековой Восточной Европе// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.1. Донецк.
- Флёров В.С.**, 2000б. Аланы Центрального Предкавказья V-VIII веков: обряд обезвреживания погребенных. М.
- Флёрова В.Е.**, 2001. Резная кость Юго-Востока Европы X-XII века. СПб.
- Цуцкин Е.В.**, 1977. Отчет о работе Сарпинской археологической экспедиции КНИИИФЭ и КГУ в 1977 г.// Архив КИСЭПИ. Ф.14, оп.2, д. № 8.
- Цуцкин Е.В.**, 1982. Отчет о работе археологической экспедиции КНИИИФЭ в 1982 г.//Архив КИСЭПИ. Ф.14, оп.2, д. № 29.
- Цыбин М.В.**, 1986. Погребения средневековых кочевников X-XIV вв. в Среднем Подонье// СА. № 3.
- Шилов В.П.**, 1956. Отчет о раскопках Астраханской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в Среднеахтубинском районе Волгоградской области за 1956 г.// Архив ВОКМ, д. № 5.
- Шилов В.П.**, 1957. Отчет о раскопках Астраханской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в Волгоградской области в 1957 г.// Архив ВОКМ, д. № 6.
- Шилов В.П.**, 1958. Отчет о раскопках Астраханской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в Среднеахтубинском и Пролейском районах Сталинградской области за 1958 г.// Архив ВОКМ, д. № 8.
- Шилов В.П.**, 1959. Калиновский курганный могильник// МИА. № 60.
- Шилов В.П.**, 1960. Отчет о раскопках Астраханской экспедиции в 1960 г.// Архив ВОКМ, д. № 10.
- Шилов В.П.**, 1961. Отчет о раскопках Астраханской экспедиции 1961 г.// Архив ИА РАН. Р-1, д. № 2380.
- Шилов В.П.**, 1964. Отчет о работах Астраханской экспедиции за 1964 г.// Архив ВОКМ, д. № 16.
- Шилов В.П.**, 1975. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.
- Шилов В.П.**, 1983. Отчет о раскопках Волго-Донской археологической экспедиции в 1983 г.// Архив ИА РАН. Р-1, д. № 9589.
- Шилов В.П.**, 1987. Отчет об исследованиях Волго-Донской археологической экспедиции ИА РАН СССР и КНИИИФЭ в 1987 г.// Архив ИА РАН. Р-1, д. № 12351.
- Шишкин П.Н., Ильина А.И.**, 1928. Отчет о раскопках курганов близ хутора Заяры Среднеахтубинского района Нижневолжского края в 1928 г.// Архив ИИМК РАН. Ф.2, д. № 224.
- Шнайдштейн Е.В.**, 1970. Отчет о полевых исследованиях Черноморского отряда Астраханской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1970 г.// Архив ИА РАН. Р-1, д. № 4711.
- Шнайдштейн Е.В.**, 1981. Раскопки курганной группы Купцын Толга// Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. Элиста.
- Шнайдштейн Е.В.**, 1984. Отчет об археологических раскопках в Ахтубинском районе Астраханской области в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1, д. №10341.
- Шнайдштейн Е.В.**, 1985. Раскопки курганной группы Заханата// Древности Калмыкии. Элиста.
- Шнайдштейн Е.В.**, 1989. Средневековое погребение на реке Ахтуба в Астраханской области// СА. № 4.
- Шнайдштейн Е.В.**, 1991. Археологические памятники Нижнего Поволжья IX-XI вв. Астрахань.
- Яблонский Л.Т., Трунаева Т.Н., Ведлер Дж., Дэвис-Кимбол Дж., Егоров В.Л.**, 1994. Раскопки курганных могильников Покровка-1 и Покровка-2 в 1993 г.// Курганы левобережного Илека. Вып.2. М.
- Яворская Л.В.**, 1997. Средневековые погребения у пос.Верхний Балыклей// Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Вып.2. Волгоград.

Summary

E.V.Kruglov (Volograd, Russia)

Pecheneg and Oguz Tribes: Certain Problems of Archeological Sources

The article deals with certain problems of the archeology of medieval pecheneg and oguz tribes which inhabited South Russia steppes in IX-XI c. A.D. Among the basic problems is a more reliable historical substantiation of the criteria for attributing archeological finds to the class of pecheneg and oguz monuments and the research technique.

The natural anatomic integrity of the skeletons of the buried and the accompanying horses' skins was disturbed in many burial places as early as ancient times. All the cases of this kind are described in the article. However, it is only in a number of cases that these disturbances can be accounted for by graves robbery. The author argues that the main reason for the skeletons destruction lies in the rite of rendering the buried harmless which spread among the nomads. This rite could have emerged among the nomads of the North Pre-Caspian origin due to direct ethnic contacts of the oguz with the descendants of Saltovsky population.

Je.V.Kruglov (Wolgograd, Russland)

Petschenegen und Ogusen: einige Probleme der archäologischen Quellen

Im vorliegenden Artikel werden einige Probleme der Archäologie bei der Erforschung von Petschenegen und Ogusen behandelt, die im 9.-11. Jh. die südrussischen Steppen bevölkert haben. Unter den wichtigsten Problemen sind die Notwendigkeit einer zuverlässigeren quellenkundlichen Begründung der Kriterien für die Zuordnung mancher archäologischen Denkmäler denen von Petschenegen und Ogusen.

Die natürliche anatomische Ganzheit der Skelette von Beerdigten und der Felle der ihnen beigegebenen Pferde wurde in den meisten Bestattungen schon in alten Zeiten verletzt. Im Beitrag werden solche Fälle beschrieben. Allerdings lassen sich diese Zerstörungen nur in wenigen Fällen durch Ausraubung erklären. Der Verfasser deutet die Hauptursachen dafür als Folge der Verbreitung bei den Nomaden des Brauches, die Bestatteten unschädlich zu machen. Als eine Voraussetzung für die Entstehung dieses Brauches bei den Nomaden konnten direkte ethnische Kontakte der Ogusen mit den Nachkommen der Chasaren angegeben.

E.V.Kruglov (Volgograd, Russie)

Pečeneg et oguz: certains problèmes des sources archéologiques

Dans cet article on donne l'analyse de certains problèmes de l'archéologie des Pétchéneqs et les Oguz du Moyen Âge peuplant les steppes de la Russie méridionale aux IX-XI siècles. Y sont traités des critères de l'appartenance des monuments archéologiques aux Pétchéneqs et aux Oguz.

L'intégrité anatomique naturelle des squelettes des inhumés et des peaux de chevaux enterrés avec eux dans de nombreuses inhumations a été troublée encore dans l'antiquité. Dans l'article on a décrit tous les cas pareils. Mais seulement dans certains épisodes des destructions des enterrements on peut expliquer ces destructions par le pillage des tombes. L'auteur estime que les motifs principaux de destruction consiste en propagation chez nomades du rite de mettre les inhumés hors état de nuire. Les contacts ethniques directs des Oguz avec les descendants de la population salte pouvaient être les conditions de l'apparition de ce rite chez les nomades.

Статья поступила в редакцию в июне 2003 г.